СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

с 47 - разделение дел

1-3

1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР, ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

30-й ГОД ИЗДАНИЯ 18 № 1 ЯНВАРЬ 1953

КОНГРЕСС НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

Во всем мире растет и ширится мощное демократическое движение народов за мир, за всеобщую безопасность, за национальную независимость, против американо-английских поджигателей войны.

Движение в защиту мира стало неодолимым движением современности. Сегодня фронт сторонников мира объединяет уже сотни миллионов людей всех континентов и стран мира и стал важным фактором международной обстановки. Движение сторонников мира стало более организованным и достигло огромных масштабов, свидетельством чего является Конгресс народов в защиту мира, состоявшийся в Вене с 12 по 18 декабря 1952 г.

Широкие народные массы осознали мудрые указания товарища Сталина, которые стали основой борьбы народов за дело мира: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну».

Созванный Всемирным советом мира Конгресс народов в защиту мира является важным этапом борьбы народов за мир. Он продемонстрировал непоколебимую волю народов к миру.

Ни одно международное собрание борцов за мир не было столь представительным, как Конгресс в Вене. В работе Конгресса принимало участие 1857 человек, прибывших из 85 стран. Характерной особенностью Конгресса в Вене было то, что в нем приняли участие представители почти всех стран и народов мира, всех рас и национальностей, различных политических и религиозных взглядов, разного социального положения и профессий, ученые, литераторы, работники искусств, рабочие, крестьяне, промышленники, коммерсанты, служители религиозных культов и т. д., представители международных демократических организаций, — объединенные единым стремлением сохранить и упрочить дело мира.

Эти люди съехались в Вену, преисполненные желанием вести совместную борьбу, чтобы сорвать преступные планы поджигателей войны и обеспечить всеобщий мир.

В ходе подготовки конгресса еще резче определились два лагеря — лагерь защитников мира и лагерь врагов мира, зачинщиков новой вой-

ны. Уже самое отношение к Конгрессу народов в защиту мира дало возможность еще раз определить подлинную позицию политических и государственных деятелей, партий, организаций в вопросе о мире. Правительства ряда буржуазных стран запретили избранникам своих народов выезжать на Конгресс: правительство США отказало делегатам американского народа в заграничных паспортах, лейбористы в Англии запретили своим членам участвовать в работе Конгресса под страхом исключения из партии, правительство де-Гаспери закрыло для делегатов итало-австрийскую границу, правительство Иосида в Японии предприняло все, чтобы предотвратить выезд японских делегатов. Угрозами, террором и репрессиями они пытались сорвать созыв Конгресса. Во всех странах, зависимых от США, были созданы, казалось бы, непреодолимые препятствия для делегатов, избранных на Конгресс. Однако делегаты преодолели все трудности и препятствия и прибыли на Конгресс народов в защиту мира, в том числе из США, Италии, Англии, что является свидетельством непреоборимого стремления к миру, которого не могут остановить никакие репрессии.

Усиление рядов сторонников мира вызвано все более нарастающей угрозой новой мировой войны, которую готовят империалисты США, стремящиеся к установлению мирового господства. Правящая клика США знает из опыта гитлеровцев, что нельзя даже мечтать о мировом господстве без применения силы, без развязывания новой войны. Следствием этого и является подготовка новой войны. Поскольку Советский Союз является главным противником новой войны, главным оплотом мира, поскольку миролюбивая политика СССР составляет главное препятствие на пути безумных вожделений американского монополистического капитала к мировому господству, правящие круги США готовят войну против СССР и демократических стран мира. Так сложился Северо-Атлантический агрессивный блок. Захватническая, авантюристическая политика пронизывает всю деятельность агрессивного Атлантического блока.

В послевоенный период США стали центром реакции и агрессии, откуда исходит теперь основная угроза делу мира, делу свободы и национальной независимости народов. Правящие круги США и их сторонники на глазах всего мира перевооружают Западную Германию и Японию и восстанавливают те два очага второй мировой войны, ради ликвидации которых народы мира принесли колоссальные жертвы. Американские империалисты создают реваншистскую армию во главе с гитлеровскими офицерами, генералами.

Сколачивание США агрессивных блоков свидетельствует также о том, что стратеги американского империализма строят свои военные планы на использовании чужих территорий и чужих армий, и прежде всего западно-германской и японской, а также английской, французской, итальянской, и на использовании других народов, которые должны, по замыслу американских стратегов, служить слепым орудием и пушечным мясом в завоевании мирового господства американскими монополистами.

Для осуществления своего преступного заговора агрессии правящие круги США строят военные базы в различных странах мира и в особенности в странах, расположенных поближе к советским границам. Но, чтобы скрыть от народа агрессивную цель Северо-Атлантического блока и обмануть народы, правящие круги США объявили его «оборонительным» блоком, блоком против «коммунизма», против Советского Союза, который якобы собирается напасть на США, на Англию, Францию и других членов блока. «...Капиталисты, хотя и шумят в целях «пропаганды» об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского

Союза и знают, — говорит товарищ Сталин, — что Советский Союз сам не нападёт на капиталистические страны».

Дымовая завеса «борьбы с коммунизмом» понадобилась американским империалистам, как в прошлом и гитлеровцам, для того, чтобы отвлечь внимание народов от их разбойничьих, захватнических намерений.

Маскировка агрессивных планов и уже ведущихся военных действий в Корее, во Вьетнаме, в Малайе и в других странах демагогической фразеологией составляет характерную черту политики вдохновителей агрессивного Северо-Атлантического блока. Дело в том, что ныне не так легко погнать народы на новую войну, на войну против миролюбивых народов, — отсюда это старание агрессивного Атлантического блока напялить на себя демагогическую маску пацифизма.

Готовясь ко второй мировой войне, немецкие империалисты ввели фашизм в своей стране. Американские империалисты, став на путь гитлеровцев, готовясь к новой войне, вводят зверский фашистский режим в США и в зависимых от них странах, во Франции, Италии и т. д. Правящие круги этих стран, выполняя позорную роль, продиктованную американскими империалистами, развернули войну против своих народов, ликвидируют остатки буржуазно-демократических свобод. При этом американские вооруженные силы, расположенные за пределами США, выполняют роль карательных жандармских войск.

«Ныне американский империализм выступает уже не только как агрессор, — говорит товарищ Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), — но и как мировой жандарм, старающийся задушить свободу везде, где только возможно, и насадить фашизм».

Агрессивной политике империалистов противостоит мирная политика Советского Союза и всего демократического лагеря, составляющего 800 миллионов населения. Демократический лагерь, возглавляемый Советским Союзом, систематически разоблачает преступные планы и действия империалистических агрессоров, поджигателей новой мировой войны.

В то время как правящие круги США лихорадочно перевооружают, милитаризуют и возрождают фашизм в Западной Германии и Японии, — Советский Союз ведет последовательную линию на демократизацию и демилитаризацию Западной Германии и Японии. Советский Союз настаивает на прекращении войны в Корее и американской агрессии против Китая, на прекращении военных действий против республики Вьетнам и в Малайе, требует безусловного запрещения атомного, бактериологического и химического оружия, требует прогрессивного, одновременного и пропорционального сокращения вооружений, запрещения пропаганды новой войны и издания закона об охране мира, предусматривающего уголовную ответственность за пропаганду агрессии в какой бы то ни было форме.

В отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б) товарищ Маленков четко сформулировал задачи Советского Союза в области внешней политики: продолжать борьбу против подготовки и развязывания новой войны, сплачивать для укрепления мира могучий антивоенный демократический фронт, крепить узы дружбы и солидарности со сторонниками мира во всем мире, настойчиво разоблачать все приготовления к новой войне, все происки и интриги поджигателей войны; проводить и впредь политику международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами; укреплять и развивать нерушимые дружественные отношения со странами демократического лагеря; неуклонно крепить оборонную мощь Советского государства и повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любым агрессорам.

Конгресс народов в защиту мира явился ответом всего прогрессивного человечества на империалистическую агрессивную политику США и Англии. Перед лицом военной опасности миролюбивые народы поднимаются во всех странах на решительную борьбу в защиту мира и национальной независимости своих стран.

На Конгрессе было наглядно продемонстрировано, что движение миролюбивых народов против угрозы новой войны выросло в гигантскую, непреодолимую силу. Конгресс вновь заявил о непреклонной воле сотен миллионов людей отстоять мир и предотвратить новую мировую войну. В борьбе против растущей военной опасности выковался и крепнет великий фронт сторонников мира.

«Современное движение за мир, — указывает товарищ Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», — имеет своей целью поднять народные массы на борьбу за сохранение мира, за предотвращение новой мировой войны. Следовательно, оно не преследует цели свержения капитализма и установления социализма, — оно ограничивается демократическими целями борьбы за сохранение мира».

Злобный вой в стане поджигателей войны вызвала весть о созыве Конгресса. По указке правящих кругов США была развязана гнусная клеветническая кампания против Венского конгресса народов в защиту мира. Прислужники империалистов, выполняя волю своих хозяев, старались извратить цели Конгресса, объявили его «коммунистическим» и даже «подрывным». Широкое участие в работах Конгресса народов в защиту мира людей самых различных политических убеждений и профессий, верований и национальностей лишний раз разоблачает ложь империалистических агрессоров.

Поджигателям войны не удастся выдать это беспартийное, мирное, демократическое движение за партийное, якобы коммунистическое. Тот факт, что под Стокгольмским воззванием подписалось 500 миллионов, а под воззванием с требованием о заключении Пакта мира между пятью великими державами более 600 миллионов человек, является лучшим опровержением этого утверждения поджигателей войны.

Сторонники мира выдвигают такие требования и предложения, которые должны способствовать сохранению мира, предотвращению новой войны; в сохранении мира заинтересованы народы всех стран.

Итоги работы Конгресса сжато и четко сформулированы в его воззвании. В этом историческом документе выражена несокрушимая воля народов к миру. В воззвании отмечается, что свободная дискуссия показала непреклонную волю Конгресса покончить с «политикой силы», которая принесла большие бедствия народам и грозит ввергнуть человечество в катастрофу.

Конгресс призвал народы мира вести совместную борьбу, чтобы не допустить войны и обеспечить мир. «Мы считаем, — говорится в воззвании, — что нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров».

Конгресс заявил, что ответственность за сохранение мира лежит на правительствах пяти великих держав. Выражая требования всего миролюбивого человечества, Конгресс в обращении к правительствам США, СССР, Китайской народной республики, Великобритании и Франции призвал их немедленно начать переговоры о заключении Пакта мира. В обращении говорится, что соглашение между пятью великими державами, заключение Пакта мира положат конец международному напряжению и спасут мир от величайших бедствий.

Конгресс потребовал немедленного прекращения всех военных действий в Корее, заявив, что нет никаких шансов договориться, пока рушатся города, пока льется кровь. В воззвании выражено также требование немедленно прекратить военные действия во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и Малайе.

Народы все решительнее поднимаются на борьбу за национальную независимость против гнета империалистических колонизаторов.

«Конгресс народов в защиту мира провозглашает право всех народов распоряжаться своей судьбой и выбирать свой образ жизни без какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела, какими бы мотивами это вмешательство ни оправдывалось. Национальная независимость всех государств представляет собой вернейший залог мира.

Мы протестуем против всякой расовой дискриминации, которая, оскорбляя человеческое сознание, усугубляет опасность войны».

Исключительно важную роль в борьбе против угрозы новой войны играет вопрос о мирном разрешении германской и японской проблем.

Конгресс призывает в своем воззвании в кратчайший срок заключить с объединенной демократической Германией мирный договор, исключающий ее участие в любом военном союзе, направленном против какой бы то ни было страны, с Германией, где не будет места нацизму и милитаризму.

Растет движение за единство Германии. Уже 15 миллионов мужчин и женщин Западной Германии поставили свои подписи под протестом против боннского и парижского договоров и потребовали заключения мирного договора с единой независимой демократической Германией.

Конгресс предложил также заключить мирный договор с Японией, который положит конец ее оккупации и позволит японскому народу вернуться в семью миролюбивых наций. Конгресс заявил, что нужно возобновить переговоры, связанные с заключением государственного договора, обеспечивающего восстановление Австрии как независимого демократического государства, и освободить ее от иностранной оккупации.

Выражая волю миролюбивых народов, решительно протестующих против применения американской военщиной бактериологического оружия в Корее, против убийств мирного населения и кровавых злодеяний над военнопленными в Понгане, Кочжедо и других лагерях смерти, Конгресс требует: немедленного запрещения бактериологической войны, безусловного запрещения атомного, химического оружия и других средств массового истребления мирного гражданского населения; открытия переговоров о разоружении, которое должно быть справедливым, а не односторонним; скорейшего возобновления обмена материальными и культурными ценностями между государствами. Конгресс настаивает также на том, чтобы Китайская народная республика заняла принадлежащее ей место в ООН и чтобы в ООН были приняты 14 государств, которые до сих пор лишены возможности поднять там свой голос.

С трибуны Конгресса вновь прозвучало справедливое требование народов мира о том, чтобы Организация Объединенных Наций предоставляла бы гарантию безопасности всем государствам мира, чтобы не нарушался дух и буква ее устава. «Мы настаиваем, наконец, — говорится в воззвании, — чтобы ООН снова смогла стать тем местом, где правительства приходят к согласию, и не обманывала бы больше надежд, возложенных на нее всеми народами мира».

Конгресс народов в защиту мира знаменует дальнейший подъем борьбы за мир между народами, против поджигателей войны. «Народы могут изменить ход событий, — говорится в воззвании Конгресса, — вернуть людям их уверенность в том, что завтрашний день будет мирным».

В воззвании Венского конгресса задачи защиты мира тесно увязаны с задачами защиты демократических свобод и независимости народов.

Организованный фронт борьбы за мир ставит перед собою цель спасти человечество от новой мировой войны и обеспечить безопасность и мирное сотрудничество народов.

Венский конгресс ярко продемонстрировал дальнейшее сплочение борцов за мир, организуемых в местном, национальном и международном масштабе, мобилизует новые и новые миллионы людей на борьбу за мир, на активные действия в интересах всех миролюбивых народов, на борьбу против поджигателей войны, против новой агрессии.

Руководители коммунистических партий Франции, Италии и других стран открыто заявили, что народы этих стран не будут воевать против Союза Советских Социалистических Республик и стран народной демократии. Эти выступления представителей передовой части прогрессивного человечества, выражающие кровные интересы и чаяния миролюбивых народов, являются серьезным предостережением поджигателям новой войны и имеют огромное международное значение. Они являются призывом к борьбе за мир, против поджигателей войны, против новой агрессии, подготовляемой империалистическим блоком во главе с США.

Движение сторонников мира под руководством Всемирного Совета мира решительно разоблачает империалистические блоки и военно-политические союзы, в первую очередь Северо-Атлантический агрессивный блок.

Движение сторонников мира ставит перед собой задачу предотвратить развязывание новой войны, являющейся, с точки зрения современного международного права, чудовищным преступлением против человечества.

Конгресс народов в защиту мира разработал подлинную программу дальнейшей борьбы за мир и указал пути прочного и длительного мира и мирного сотрудничества между народами.

Могучей демонстрацией народных сил в борьбе за мир явился конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана, состоявшийся в Пекине в октябре прошлого года. Конгресс от имени 37 стран и 1600 миллионов человек принял важное решение, направленное на предотвращение новой войны, на сохранение мира. Этот конгресс явился неопровержимым свидетельством единства народов в борьбе за мир и их непоколебимой решимости отстоять дело мира и безопасности народов.

Исключительными по своему значению для борьбы за дело мира были первый Всемирный конгресс сторонников мира в Париже — Праге в апреле 1950 года и второй Всемирный конгресс сторонников мира в Варшаве в ноябре 1950 года. Варшавский конгресс обратился к парламентам всех стран с призывом, чтобы они приняли законы об охране мира, устанавливающие уголовную ответственность за пропаганду войны. На призыв Варшавского конгресса сторонников мира откликнулись правительство Советского Союза и правительства стран народной демократии, действительно стремящихся к миру.

Выражая свою солидарность с призывом второго Всемирного конгресса сторонников мира, Верховный Совет СССР 12 марта 1951 г. принял закон о защите мира. Принимая закон о защите мира, Верховный Совет СССР руководствовался высокими принципами миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношений между народами. Верховный Совет СССР подчеркнул, что призыв Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении пропаганды войны выразил волю всего передового человечества. Этим Верховный Совет СССР подтвердил правомерность призывов Всемирного конгресса движе-

ния сторонников мира. Еще ранее, 19 июня 1950 г., Верховный Совет СССР выразил свою солидарность с воззванием Стокгольмского конгресса, что имеет огромное международное значение в деле борьбы за мир.

8 декабря 1950 г. был принят закон о защите мира в Венгерской народной республике, объявивший уголовно наказуемой любую деятельность, направленную против мира между народами.

15 декабря 1950 г. закон о защите мира был принят народной палатой Германской демократической республики. Закон о защите мира в Германской демократической республике устанавливает особо тяжкие наказания в отношении лиц, которые совершат указанные в нем преступные действия по прямому заданию государств, их учреждений или разведок, проводящих военную пропаганду или агрессивную политику против мирных народов.

15 декабря 1950 г. закон о защите мира был принят Великим национальным собранием Румынской народной республики. Закон рассматривает в качестве преступлений, угрожающих миру, наряду с пропагандой новой войны также распространение тенденциозных или неправдоподобных слухов, когда они по своему характеру служат цели разжигания войны.

В том же году законы о защите мира были приняты в Чехословацкой, Болгарской, Польской народных республиках. В январе 1951 года закон о защите мира был принят в Албании. 27 февраля 1951 г. принят указ об охране мира в Монгольской народной республике; указ рассматривает пропаганду войны как самое тяжкое преступление против человечества и устанавливает, что лица, занимающиеся пропагандой новой войны в любой форме, устно или письменно, или содействующие этой пропаганде, караются тюремным заключением.

Законы о защите мира, принятые в СССР и странах народной демократии, служат суровым предупреждением поджигателям новой войны. Они проникнуты идеей действительной борьбы в защиту мира.

Лагерь демократии, возглавляемый Советским Союзом, выражая волю народов, направленную на защиту мира, приняв законы о защите мира, поставил уголовный закон на службу мира, на борьбу против поджигателей новой войны.

Наоборот, в странах агрессивного Северо-Атлантического блока, и в первую очередь в США, Франции, Италии, уголовное право целиком подчинено целям фашизации и подготовки войны. Уголовная репрессия обрушивается на борцов за мир и безопасность народов, оставаясь пассивной в отношении тягчайших преступников — поджигателей новой войны. Империалисты, расправляясь с борцами за мир средствами внесудебного террора, выбрасывают их на улицу, лишая работы, бросают в тюрьмы тех, кто высказывается за мир, — они одновременно обрушивают на них и уголовный закон, уголовную репрессию.

Правящие круги США, не желая открыто признать, что пропаганда войны ведется по их приказу и в их интересах, пытаются представить дело таким образом, будто запрещение преступной пропаганды войны ограничивает «демократические свободы», в частности, свободу слова и печати. Эта маскировка была разоблачена А. Я. Вышинским в его выступлении на второй сессии Генеральной Ассамблеи: «...ссылки на то, что обуздание в законодательном порядке вакханалии и пропаганды войны явилось бы нарушением демократических принципов, нельзя принять, — это простая отговорка, продиктованная нежеланием покончить с таким позорным явлением, как пропаганда новой войны».

Требование запрещения пропаганды войны и запрещения атомного, химического и бактериологического оружия выражает правосознание все-

го передового человечества и находится в полном соответствии с принципами приговоров, вынесенных международными военными трибуналами в Нюрнберге и Токио, и устава Организации Объединенных Наций.

Организация Объединенных Наций, согласно уставу, призвана охранять мир от агрессии и укреплять мирное сотрудничество между народами. В настоящее время из органа международного сотрудничества ООН правящими кругами США превращается в орган своей диктаторской политики в борьбе против мира и используется для прикрытия своих агрессивных действий.

Движение сторонников мира ставит своей целью сорвать планы поджигателей войны и тем самым предотвратить совершение тягчайшего преступления против человечества.

Знамя мира и безопасности народов высоко несет миролюбивый Советский Союз, который в своей внешней политике исходит из ленинско-сталинского принципа возможности сосуществования и сотрудничества двух противоположных систем. Отвечая на вопросы группы редакторов американских газет, товарищ Сталин заявил: «Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств».

В опубликованных в «Правде» 26 декабря 1952 г. ответах на вопросы корреспондента «Нью-Йорк-Таймс» товарищ Сталин вновь заявил: «Я продолжаю верить, что войну между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом нельзя считать неизбежной, что наши страны могут и впредь жить в мире».

В ответах товарища Сталина корреспонденту «Нью-Йорк-Таймс» еще раз подчеркивается готовность СССР сотрудничать в деле прекращения войны в Корее.

Ответы товарища Сталина придают сотням миллионов людей новые силы в их борьбе за мир, за прекращение политики насилия и агрессии, за прекращение захватнической войны против свободолюбивого корейского народа, за урегулирование международных вопросов путем мирных переговоров.

В ответах товарища Сталина корреспонденту газеты «Нью-Йорк-Таймс» народы мира видят новое яркое подтверждение основных принципов внешней политики Советского Союза, политики упрочения мира и дружбы между народами, политики мирного сосуществования различных экономических систем.

Искренние сторонники мира всех стран в своей благородной борьбе за мир и международную безопасность могут вполне рассчитывать на всемерную поддержку советского народа. Дело защиты мира и безопасности народов является общим делом всех народов, в защите этого всеобщего правого дела советский народ был и всегда будет самым непоколебимым и последовательным борцом.

Советский народ стоит за мир и отстаивает дело мира со всей присущей ему решимостью, он не хочет новой войны, он хочет мира, дружбы и сотрудничества со всеми народами. Советский народ считает агрессивную войну тягчайшим преступлением против человечества и величайшим бедствием для всех народов.

Советский народ горячо приветствует и одобряет принятые Венским конгрессом решения, в которых выражена добрая воля сотен миллионов людей, борющихся за мир. А интересы Советского Союза вообще неотделимы от дела мира во всем мире. Об этом еще и еще раз красноречиво

свидетельствует присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» новой группе выдающихся борцов за мир, представляющих демократические силы различных стран мира.

Имена новых лауреатов международных Сталинских премий мира говорят о том, что в ряды активных борцов за мир, против угрозы войны становятся все новые миллионы людей всех рас и национальностей, самых различных политических и религиозных убеждений. Среди лауреатов Сталинских премий мира за 1952 год мы видим представителей народов Франции, Индии, Бразилии, США, Германской демократической республики, Канады и СССР. Ранее, как известно, международными Сталинскими премиями были отмечены выдающиеся заслуги в борьбе за мир видных общественных деятелей Китая, Италии, Японии и ряда других стран.

Конгресс народов в защиту мира послужит дальнейшему объединению сил, борющихся за мир, дальнейшему повышению активности всех людей доброй воли.

«Дело теперь в том, — говорит товарищ Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), — чтобы еще выше поднять активность народных масс, усилить организованность сторонников мира, неустанно разоблачать поджигателей войны и не дать им опутать ложью народы. Обуздать и изолировать авантюристов из лагеря империалистических агрессоров, стремящихся ради своих прибылей вовлечь народы в кровавую бойню, — такова главная задача всего прогрессивного и миролюбивого человечества».

Советский народ, воодушевленный историческими решениями XIX съезда партии, гениальным учением товарища Сталина о строительстве коммунистического общества, сознавая свою силу, с непоколебимым спокойствием и верой в будущее отдает все свои силы укреплению могущества социалистической Родины — несокрушимого оплота мира во всем мире, уверенно идет к заветной цели — к коммунизму.

Великий Сталин указал в беседе с корреспондентом «Правды», что Советский Союз «...будет и впредь непоколебимо проводить политику предотвращения войны и сохранения мира».

Наш народ и все человечество, вдохновляемые на борьбу за мир товарищем Сталиным, заявляют: Да здравствует мир между народами! Долой поджигателей войны!

УЛУЧШИТЬ РАБОТУ С РУКОВОДЯЩИМИ КАДРАМИ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ И СУДА РСФСР

Заместитель министра юстиции РСФСР
Г. Анашкин

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза раскрывает величественную перспективу строительства коммунистического общества в нашей стране путем постепенного перехода от социализма к коммунизму. В документах съезда наряду со многими важнейшими вопросами строительства коммунизма огромное внимание уделяется делу подбора, подготовки и воспитания кадров. Измененный Устав партии, принятый XIX съездом, является программой большевистского воспитания кадров.

Тов. Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии вновь подчеркнул, что кадры являются решающей силой партийного и государственного руководства, без правильного подбора и воспитания которых невозможно успешное проведение в жизнь политической линии партии.

Партией проделана огромная работа по улучшению состава кадров, «...однако это не означает, — говорит тов. Маленков, — что задача улучшения качественного состава руководящих кадров решена полностью». Повысился культурный уровень советского народа, возросли требования к руководящим кадрам.

Тов. Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) показал недостатки в работе с кадрами, особенно с руководящими кадрами, и наметил пути устранения ошибок, недостатков и извращений в этом деле. В частности, он указал на то, что самокритика и особенно критика снизу не стали еще главным методом вскрытия и преодоления недостатков и ошибок в работе, что в составе наших кадров имеется немало работников, которые формально относятся к решениям партии и правительства, не проявляют активности и настойчивости в борьбе за проведение их в жизнь, не беспокоятся о том, что дела у них идут плохо и что интересам страны наносится ущерб. Некоторые руководители скрывают правду о действительном положении дел в подведомственных им учреждениях, приукрашивают результаты работы, хитрят перед партией и государством, ставят узковедомственные и местнические интересы выше общегосударственных. Появилось немало работников, которые забыли, что руководимые ими учреждения являются государственными, и стараются превратить их в свою вотчину, где такой, с позволения сказать, руководитель делает все, чего его «левая нога захочет». Некоторые работники полагают, что партийные решения и советские законы для них не обязательны, думают, что им позволено нарушать советские законы, бесчинствовать и творить произвол.

Указанные недостатки являются результатом того, что неудовлетворительно проводится работа по подбору людей и проверке исполнения, недооценивается, а в ряде организаций находится в запущенном состоянии идеологическая работа.

Коллегия Министерства юстиции РСФСР, обсудив в свете решений XIX съезда партии состояние работы по подбору, расстановке и воспи-

танию руководящих кадров органов юстиции и суда РСФСР, отметила, что в исполнение указаний партии Министерством юстиции РСФСР совместно с областными, краевыми и республиканскими (АССР) руководящими органами проделана некоторая работа по укреплению руководящих кадров судов и органов юстиции РСФСР.

Ряд товарищей, выросших на руководящей работе в органах юстиции и суда, выдвинут на более ответственные посты. Так, председатели областных судов тт. Архангельский и Сидоров избраны заместителями председателя Верховного суда РСФСР, т. Макагонов — председателем Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, тт. Гришин и Калакин — членами Верховного суда РСФСР. Ряд заместителей министров юстиции АССР, заместителей начальников управлений Министерства юстиции и заместителей председателей судов выдвинут в 1951—1952 гг. на самостоятельную руководящую работу.

Решительно освобождались от руководящей работы лица, не обеспечившие выполнения возложенных на них обязанностей либо допустившие неправильные поступки. Особое внимание было уделено улучшению состава заместителей министров юстиции АССР и заместителей начальников управлений Министерства юстиции по кадрам. За это время укреплено руководство юридических школ, укомплектованы кадрами органы юстиции и суда вновь образованных областей Татарской и Башкирской АССР, были приняты меры к подбору кадров вновь организованных криминалистических лабораторий и укреплению руководящих кадров президиумов коллегий адвокатов.

Укрепление руководящих кадров проводилось путем выдвижения заместителей министров юстиции АССР, заместителей начальников управлений Министерства юстиции и заместителей председателей судов, лучших народных судей, ревизоров, членов судов и других работников юстиции.

Руководители подбирались из числа лиц, имеющих юридическое образование и соответствующий опыт работы, безупречных в своем поведении, проявивших на деле свою преданность делу партии Ленина — Сталина.

Наряду с этим необходимо признать, что многие из отмеченных в докладе тов. Маленкова недостатков и отрицательных явлений имеют место в работе с кадрами органов юстиции и суда РСФСР. Коллегия Министерства юстиции СССР, обсуждая работу с руководящими кадрами органов юстиции и суда, строго указала Министерству юстиции РСФСР на то, что оно длительное время мирилось с фактами зажима критики со стороны начальника управления Министерства юстиции по Ульяновской области Дружиной и с большим опозданием освободило ее от должности. Предметом специального обсуждения коллегии Министерства юстиции РСФСР были факты неправильного поведения председателя Кемеровского областного суда т. Батова, выразившиеся в том, что областной суд под его председательством в результате местных влияний при рассмотрении дела по обвинению Кучинского, осужденного народным судом за неправильное отношение к рабочим, смягчил определенную народным судом меру наказания. Без достаточных оснований, также под председательством тов. Батова, была снижена мера наказания осужденной за корыстное преступление Яковлевой, жене заведующего областным финансовым отделом. Определения областного суда по приведенным делам затем были отменены Верховным судом РСФСР. Тов. Батов допустил факты грубого, чванливого отношения к подчиненным ему работникам областного суда. Коллегия Министерства юстиции

РСФСР строго указала т. Батову на его ошибки в работе и поставила вопрос об его ответственности.

При ревизии Ленинградского областного суда были установлены случаи оставления в силе приговоров, вынесенных с нарушением норм судопроизводства. А руководители областного суда тт. Степанов, Иванов, Федоров и начальник управления Министерства юстиции по области т. Естюков не пресекли этой незаконной практики, а, наоборот, обольщались высоким процентом оставления в силе обжалованных и опротестованных приговоров народных судов.

Разве можно расценить иначе поведение бывшего начальника Красноярского управления Министерства юстиции т. Болденкова, как превращение управления в свою вотчину, когда он с государственными средствами обращался как со своей заработной платой.

Ряд руководителей органов юстиции и суда плохо справляются с возложенными на них обязанностями (председатель Курского областного суда т. Баташов, начальник управления Министерства юстиции по Ленинградской области т. Естюков).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, насколько правильно и глубоко ЦК партии в своем отчетном докладе XIX съезду партии вскрыл недостатки в деятельности некоторых руководящих работников и в работе с руководящими кадрами.

Из изложенного следует, что в свете решений XIX съезда партии предстоит большая работа по укреплению руководящих кадров судов и органов юстиции РСФСР. ЦК партии указывает нам путь и методы укрепления руководящих кадров.

«Дальнейшее укрепление состава руководящих кадров, — говорит тов. Маленков, — зависит теперь, главным образом, от правильной организации изучения и подбора работников...

Основной недостаток заключается в том, что некоторые руководители подбирают кадры не по политическим и деловым признакам, а по-семейному, по-приятельски, по-землячеству. Нередко работников, честных и знающих дело, но острых и нетерпимо относящихся к недостаткам и потому причиняющих беспокойство руководству, выживают под разными предлогами и заменяют людьми, имеющими сомнительную ценность либо вовсе непригодными для дела, но зато удобными и угодными для некоторых руководителей. Вследствие таких извращений линии партии в подборе и выдвижении кадров в некоторых организациях складывается семейка своих людей, связанных круговой порукой, ставящих групповые интересы выше партийных и государственных. Немудрено, что такая обстановка ведет обычно к разложению и загниванию».

И в органах юстиции и суда нет-нет да и встречаются факты семейственности и другие недостатки, подобные указанным выше. Серьезным упущением отдела кадров Министерства юстиции РСФСР является то, что им не было своевременно обращено внимание на многочисленные родственные связи между членами суда, работниками управления Министерства юстиции и народными судьями г. Кемерово.

Иногда отдельные вновь назначенные руководители входят в Министерство юстиции РСФСР с предложениями перевести с ними из областей, в которых они ранее работали, тех или иных работников. Имеют место отдельные факты, когда народные судьи возят за собой из района в район секретарей и судебных исполнителей.

Партийный и государственный долг работников органов юстиции и суда — сделать надлежащие выводы из указаний ЦК партии по данному вопросу, беспощадно пресекать малейшие попытки подбора кад-

ров по семейным, приятельским и иным подобным признакам, подбирать кадры на основе большевистских принципов, руководствуясь деловыми и политическими качествами работников.

Результатом канцелярского, бюрократического подхода к изучению и подбору работников (по анкетным данным, формальным справкам, без предварительной проверки деловых и политических качеств работников, без живого общения с ними) является значительная текучесть руководящих кадров, частая их сменяемость. Вследствие указанных причин за последние два года дважды сменялись заместители начальников управлений Министерства юстиции по кадрам в Тюменской, Пензенской, Брянской, Калужской, Калининградской областях.

Плохо изучаются кадры в процессе их работы. Многие работники отделов кадров мало сами бывают на местах, недостаточно используют в целях изучения кадров материалы ревизий и проверок, проведенных другими отделами. Так работники отдела кадров Министерства юстиции РСФСР не знакомятся с материалами ревизий, проведенных управлением судебных органов.

В свою очередь оперативные и руководящие работники управления судебных органов и других отделов Министерства юстиции недостаточно занимаются изучением кадров, недостаточно согласуют свою работу с деятельностью отдела кадров. Отсутствие надлежащей связи в работе отделов кадров с отделами народных судов наблюдается во многих министерствах юстиции АССР и управлениях министерств юстиции, что отрицательно сказывается на изучении кадров в процессе их работы.

При проведении ревизий отмечаются недостатки в работе народного суда, областного суда или управления Министерства юстиции, но слабо обличаются носители этих недостатков, т. е. конкретные лица. По итогам ревизий чаще вносятся предложения о замене тех или иных работников, но ревизоры редко замечают способных, выросших низовых работников, могущих заменить негодных руководителей.

На руководящей работе в органах юстиции и суда есть еще лица без юридического образования. Это свидетельствует о том, что недостаточно смело выдвигаются на руководящую работу молодые кадры, передерживаются на руководящей работе бесперспективные работники, которые за длительный период работы в органах юстиции, несмотря на все благоприятные условия, не позаботились о том, чтобы получить соответствующее образование. Вследствие слабого изучения и знания кадров, несмелого выдвижения кадров, в частности недостаточного выдвижения лучших народных судей, длительное время не заменяются руководители, не обеспечивающие работы.

Из месяца в месяц подолгу не замещаются вакансии заместителей министров юстиции АССР, заместителей начальников управлений Министерства юстиции и заместителей председателей судов, что отрицательно сказывается на работе соответствующих организаций. Так, в Курской, Читинской, Ярославской, Челябинской областях, Краснодарском крае долгое время вакантны те или иные руководящие должности. Только тем, что руководители указанных органов юстиции и отдел кадров Министерства юстиции РСФСР плохо знают свои кадры, можно объяснить наличие большого числа вакантных руководящих должностей.

Некоторые руководители органов юстиции и суда не учитывают того, что для выдвижения кадров на руководящую работу в каждой области, крае и АССР есть все возможности. Некоторые руководители все еще говорят, что у них некого выдвинуть, необходимо послать кандидата на руководящую работу из другой области и т. д.

Товарищ Сталин осудил подобные разговоры. «Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете» (Сталин, Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.).

Товарищ Сталин учит, что работники-руководители растут только в ходе самой работы.

Отдельные руководители возлагают всю работу по руководству тем или иным учреждением на своих заместителей, сами не вникают в детали работы, не оказывают им помощи в работе, в результате этого заместители допускают серьезные ошибки. Часть других руководителей подменяет своих заместителей, устраняет их от руководства, решает вопросы, входящие в круг обязанностей заместителей, и тем самым превращает заместителей из руководителей в рядовых работников. Мало уделяют внимания правильному руководству своими заместителями начальники управлений Министерства юстиции РСФСР по Калужской области т. Котов и по Сталинградской области т. Крюков.

Необходимо устранить отмеченные недостатки, покончить с косностью в работе по выращиванию руководящих кадров, с нежеланием «повозиться» с молодым работником, чтобы сделать из него хорошего руководителя, смелее выдвигать молодые кадры, больше выдвигать на руководящую работу женщин и лиц из коренной национальности.

Надо построить свою работу так, как учит товарищ Сталин: терпеливо выращивать кадры, как садовник выращивает облюбованное им деревцо, заботливо помогать кадрам, когда они нуждаются в поддержке, поощрять их, когда они показывают первые успехи, выдвигать их вперед.

Надо прекратить недостаточно обдуманное и обоснованное перемещение руководящих кадров, изжить случаи перестановки с места на место руководителей, не справившихся с работой.

Все еще имеют место отдельные факты заочного решения вопросов об освобождении и назначении руководящих работников. Не соблюдаются требования Министерства юстиции СССР подбирать руководящих работников только из числа имеющих высшее юридическое образование.

В подборе кадров председателей президиумов коллегий адвокатов роль Министерства юстиции РСФСР сводится, по существу, к регистрации фактов избрания председателей и к оформлению на них в секторе учета личных дел.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы устранить указанные недостатки, выполнить требования партии: «Поднять на более высокий уровень работу партийных органов по правильному подбору, расстановке и воспитанию кадров, строго соблюдать установленные партией принципы правильного подбора работников, вести непримиримую борьбу с нарушителями этих принципов, беспощадно бороться с бюрократическим подходом к делу подбора кадров, улучшать качественный состав руководящих кадров, смелее выдвигать на руководящую работу людей, преданных интересам партии и государства, хорошо знающих дело и способных двигать его вперед, отстранять плохих, непригодных, отсталых, недобросовестных работников...» (Г. М. Маленков, Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии).

Серьезные упущения имеют место в работе по оказанию помощи новым руководителям и в работе по проверке исполнения. ЦК партии вновь напоминает нам, что В. И. Ленин считал главным в организа-

ционной работе центральных и местных партийных, советских и хозяйственных организаций правильный подбор людей и проверку исполнения.

Неблагополучное положение с проверкой исполнения характеризуют следующие факты. В работе бывшего начальника Московского городского управления Министерства юстиции имели место серьезные недостатки. Вновь назначенному в июле 1951 года начальнику управления Министерства юстиции т. Гаврилину были даны указания устранить эти недостатки. Прошло уже семнадцать месяцев, но Министерство юстиции РСФСР не проверило выполнения указаний вновь назначенным начальником.

В сентябре 1950 года вместо Рожкова, освобожденного за недостойное поведение, председателем Смоленского областного суда был избран член одного суда т. Федорчуков. Однако за два года его работы первый ревизионный отдел управления судебных органов Министерства юстиции РСФСР, возглавляемый членом коллегии т. Ковылянским, не проверил работы этого суда и его руководителя. Вот уже более двух лет не проверялась работа председателя Воронежского областного суда т. Мещерякова, тогда как он до избрания на пост председателя суда не имел опыта судебной работы, а руководил президиумом коллегии адвокатов.

Коллегия Министерства юстиции СССР указала Министерству юстиции РСФСР на то, что за последние два года в Уфе были шесть раз оперативные и руководящие работники Министерства юстиции РСФСР по тем или иным вопросам, однако ни разу не были подвергнуты глубокой ревизии все стороны деятельности Министерства юстиции и народных судов Башкирской АССР.

Отдел кадров Министерства юстиции РСФСР оказывает недостаточную помощь вновь назначенным заместителям министров юстиции АССР и заместителям начальников управлений министерств юстиции по кадрам.

В ряде областей, краев, АССР ослаблена ревизионная деятельность органов юстиции. Работа многих народных судов, нотариальных контор и юридических консультаций в этом году не проверена. Во многих органах юстиции отсутствует строгий контроль над выполнением квартальных планов, приказов и указаний министерств юстиции РСФСР и СССР, несвоевременно посылаются ответы на письма и заявления граждан.

Задача состоит в том, чтобы не только увеличить число ревизий и проверок, но и перестроить ревизионную деятельность Министерства юстиции РСФСР, министерств юстиции АССР и управлений министерств юстиции в свете требований, изложенных в отчетном докладе ЦК партии XIX съезду.

ЦК партии указывает, что проверка исполнения состоит прежде всего в том, чтобы вскрыть недостатки, выявить беззакония, помочь советами честным работникам, наказать неисправимых и добиться выполнения принятого решения. ЦК партии особо обращает внимание на то, что проверка исполнения должна быть неразрывно связана с задачей устранения недостатков в подборе кадров. В соответствии с результатами проверки необходимо отстранять плохих, непригодных, отсталых, недобросовестных работников и заменять их лучшими, пригодными, передовыми, честными людьми. «...Проверка исполнения, — говорит тов. Маленков, — должна содействовать выдвижению новых людей, способных двигать дело вперед, стоящих на страже интересов государства».

Целью контроля исполнения является изучение положительного опыта работы руководителей. Однако положительный опыт работы выявляется, изучается и распространяется крайне плохо, это изучение носит иногда компанейский характер.

Укрепление кадров ревизоров является важным средством улучшения контроля исполнения. Ревизор должен обладать широким политическим кругозором, уменьем охватить все стороны работы ревизуемого учреждения, отделить существенное от несущественного, главное от второстепенного, уметь дать правильную общую оценку и сделать правильные выводы. Задача улучшения контроля исполнения требует совершенствования стиля и методов ревизионной работы, повышения ответственности ревизора за положение дел в органах юстиции и суда, входящих в его зону. Непременным условием улучшения контроля исполнения является сокращение директив, переключение на проверку исполнения директив.

Необходимо повысить организационный и политический уровень обсуждения итогов ревизий на оперативных совещаниях в министерствах юстиции АССР, управлениях министерств юстиции и заседаниях коллегии Министерства юстиции РСФСР. Ревизоры, как правило, докладывая итоги ревизий, стремятся сказать о всем, но приводят часто только примеры, цифры, недостаточно анализируют и обобщают факты и цифры. Руководители обревизованных организаций в своих докладах следуют по стопам ревизоров, освещают многочисленные второстепенные вопросы. В результате обсуждение итогов ревизий затягивается, присутствующие теряют интерес к обсуждаемому вопросу. Это является результатом того, что ревизоры, а также руководители обревизованных организаций недостаточно обстоятельно готовятся к докладам, не продумывают тщательно материалы.

Так недавно коллегия Министерства юстиции РСФСР слушала доклад председателя Омского областного суда т. Игошева в связи с ревизией, проведенной членом Верховного суда РСФСР. Доклад т. Игошева свидетельствовал о том, что он к этому важному делу подошел крайне несерьезно, не попытался обобщить работу суда, вскрыть недостатки и сделать необходимые выводы. Члены коллегии указали т. Игошеву на недостатки в его деятельности и на нежелание проделать необходимую работу, чтобы содержательно доложить коллегии о положении дел в руководимом им учреждении.

При обсуждении итогов ревизии на коллегии Министерства юстиции РСФСР руководители органов юстиции и суда редко высказывают критические замечания в адрес Министерства юстиции РСФСР и тем самым мало помогают Министерству в устранении недостатков в его деятельности.

Важнейшим вопросом в работе с кадрами, после того как люди подобраны и расстановлены по местам, является вопрос о воспитании кадров, о повышении квалификации, о повышении уровня идейно-политической подготовки и общей культуры работников. В нашей стране партия и правительство не жалеют сил и средств для воспитания трудящихся в коммунистическом духе, для вооружения советских людей непобедимым оружием марксистско-ленинской теории.

Новый Устав партии, принятый XIX съездом, отражающий ленинско-сталинские организационные принципы большевизма, является и программой работы по воспитанию кадров. Устав требует от коммуниста бороться за претворение в жизнь партийных решений, быть примером в труде, непрерывно повышать свою производственную и деловую квалификацию, всемерно оберегать и укреплять социалистическую

собственность, работать над повышением своей сознательности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, соблюдать партийную и государственную дисциплину, развивать критику и самокритику снизу, выявлять недостатки в работе и добиваться их устранения, бороться против парадного благополучия и упоения успехами в работе, быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытия и искажения правды, соблюдать партийную и государственную тайну, проявлять политическую бдительность, на любом порученном партией посту неуклонно проводить указания партии о правильном подборе кадров по их политическим и деловым качествам.

Принятие ЦК ВКП(б) ряда постановлений по идеологическим вопросам, опубликование гениальных произведений товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», выпуск четвертого издания сочинений Ленина, издание сочинений товарища Сталина — вот далеко не полный перечень важнейших мероприятий ЦК партии, направленных на оказание всемерной помощи кадрам в повышении их идейно-политического уровня, в совершенствовании их знаний.

Для того чтобы правильно разбираться во внутренней и внешней обстановке, активно участвовать в великом деле строительства коммунизма, наши кадры должны неустанно овладевать марксистско-ленинской теорией, совершенствовать свой опыт в советском государственном строительстве, повышать квалификацию, уметь во всей своей деятельности исходить из политики партии и государства.

К сожалению, и среди наших руководящих работников имеются лица, которые плохо работают над собой. Недостатки в работе многих руководителей органов юстиции и суда являются результатом их слабой работы над повышением своего идейно-теоретического уровня и своей деловой квалификации. Например, т. Николаенок — начальник управления Министерства юстиции по Костромской области, не имея юридического образования, не учится и недостаточно работает над повышением своего культурного и идейно-теоретического уровня, прекратил учебу в вечернем университете марксизма-ленинизма; т. Николаенок не требователен в этом деле и к своему заместителю по кадрам т. Васильеву. Не имеют юридического образования и не учатся в заочных юридических учебных заведениях т. Кучеренко — начальник управления Министерства юстиции по Челябинской области, т. Любимцев — начальник управления Министерства юстиции по Тамбовской области и др.

Отдел кадров и отдел школ и курсов Министерства юстиции РСФСР проглядели неблагополучное положение с учебой ряда руководителей.

Учебе в заочной аспирантуре руководящие работники, отдел кадров, отдел школ и курсов Министерства юстиции РСФСР не уделяют должного внимания. Обучаются в аспирантуре без отрыва от работы только три руководителя: начальник Чкаловского управления Министерства юстиции т. Булаев, председатель Ставропольского краевого суда т. Лаврентьев и заместитель министра юстиции Дагестанской АССР по кадрам т. Аливердиев. Руководимые тт. Булаевым и Лаврентьевым учреждения имеют хорошие показатели в работе.

В свете критических замечаний тов. Поскребышева в его выступлении на XIX съезде партии необходимо самым решительным образом изменить отношение к вопросам теории и преодолеть существующий разрыв между юристами-теоретиками и юристами-практиками. Необходимо оказывать всяческое содействие практическим работникам, обучающимся в аспирантуре, ведущим преподавательскую работу в учебных заведениях, помочь нашим юристам — научным работникам — заняться

разработкой актуальных теоретических проблем, волнующих наших практиков, могущих успешно влиять на работу органов юстиции, суда и прокуратуры.

В целях повышения квалификации руководящих кадров органов юстиции и суда Министерством юстиции СССР организованы Высшие курсы усовершенствования юристов. Но не все руководители органов юстиции и суда одинаково ответственно относятся к повышению деловой квалификации. Ряд руководителей, оценивая всю важность и необходимость повышения квалификации своих заместителей, ежегодно направляют на курсы кандидатов. Но вместе с тем ряд начальников управлений Министерства юстиции и председателей судов не уделяют должного внимания повышению квалификации своих заместителей и за все годы существования курсов никого на курсы не направили. Однако отдел кадров Министерства юстиции РСФСР не проявляет должной требовательности к руководителям, не желающим учиться.

Мало руководящих судебных работников направляется на практику в верховные суды. За последние два года прошли практику в Верховном суде РСФСР и в Верховном суде СССР только 8 председателей и 25 заместителей. Министры юстиции АССР и начальники управлений министерств юстиции на практику в Министерствах юстиции РСФСР и СССР вообще не вызывались. Заместители их прошли практику в Министерстве юстиции РСФСР только в количестве 24 человек. Министерство юстиции РСФСР не практикует включения руководителей местных органов в состав бригад при проведении ревизий органов юстиции и суда соседних областей.

Руководствуясь решениями XIX съезда партии, руководящие и оперативные работники аппарата Министерства юстиции РСФСР, министры юстиции АССР, начальники управлений Министерства юстиции РСФСР, председатели судов усилят работу по воспитанию кадров в духе строжайшего соблюдения законов, государственной и трудовой дисциплины, в духе честности и правдивости перед партией и государством, борьбу против парадного благополучия и упоения успехами в работе, за развитие критики и самокритики, особенно критики снизу.

ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 10 ИЮЛЯ 1940 г.

Г. Александров

Партия и правительство неоднократно указывали, что борьба за улучшение качества выпускаемой промышленной продукции, прекращение выпуска недоброкачественной и некомплектной продукции является одной из важнейших задач социалистической промышленности. Выполняя эти указания, промышленные предприятия на основе роста технической вооруженности и освоения новой техники достигли серьезного улучшения качества выпускаемой продукции. Однако еще имеются многочисленные факты выпуска и поставки недоброкачественной и некомплектной продукции, нарушения государственных стандартов и технических условий.

Задачи, поставленные XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза перед социалистической промышленностью, требуют дальнейшего усиления борьбы за выпуск доброкачественной, комплектной и стандартной продукции.

В отчетном докладе XIX съезду партии товарищ Маленков указывал: «Хозяйственные руководители и партийные организации обязаны обеспечивать выполнение плана каждым предприятием не только по объему валовой продукции, но и обязательно по производству всех изделий, в соответствии с государственным планом, добиваться систематического улучшения качества выпускаемой продукции, выявлять и полностью устранять причины, мешающие нормальной работе предприятий».

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. обязывают обеспечить во всех отраслях промышленности дальнейшее серьезное повышение качества продукции.

Повышение качества промышленной продукции является важнейшей народнохозяйственной задачей. Для выполнения этой задачи необходимо усилить борьбу с браком и выпуском некомплектной, недоброкачественной, не соответствующей стандартам и техническим условиям продукции, укрепить органы технического контроля и обеспечить выпуск промышленной продукции высокого качества.

Органы прокуратуры провели некоторую работу по усилению надзора за исполнением указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г., согласно которому выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству.

Однако борьба с выпуском недоброкачественной продукции ведется неудовлетворительно. Задача состоит в том, чтобы ни один факт выпуска недоброкачественной продукции не был оставлен без реагирования и чтобы виновные в этих преступных действиях понесли наказание по всей строгости закона.

Для успешного проведения борьбы с выпуском недоброкачественной продукции необходимо четкое разрешение всех правовых вопросов, которые возникают в практике применения указа от 10 июля 1940 г.

Между тем в этой практике нередко имеют место неправильные оценка и квалификация действий обвиняемых, неуменье правильно, с государственных позиций разобраться в объективной и субъективной сторонах преступления. В результате следственные и судебные органы далеко не всегда используют всю силу закона для проведения решительной борьбы с выпуском недоброкачественной продукции.

В этой статье имеется в виду затронуть лишь некоторые вопросы практики применения указа от 10 июля 1940 г., имеющие, по нашему мнению, существенное значение в деле усиления борьбы с этими преступлениями.

Выпуск недоброкачественной продукции с целью хищения. Одним из распространенных способов совершения хищений социалистической собственности является создание излишков промышленного сырья и материалов путем искусственного снижения качества выпускаемых изделий. Несомненно, что в подобных случаях имеет место выпуск недоброкачественной продукции, но конечной целью этого преступного действия является хищение искусственно созданных преступниками излишков материальных ценностей.

В некоторых швейных артелях промысловой кооперации, выполнявших заказы на пошивку специальной и другой одежды, с целью хищения создавались излишки тканей за счет искусственного снижения норм расхода ткани на единицу готового изделия. В результате имели место выпуск недоброкачественных швейных изделий и расхищение искусственно созданных излишков ткани.

По нашему мнению, в подобных случаях налицо два самостоятельных и полностью законченных состава преступления: 1) выпуск недоброкачественной продукции и 2) хищение излишков материальных ценностей, образовавшихся в результате выпуска недоброкачественной продукции.

Однако следственная и судебная практика пошли по пути квалификации подобного рода преступных действий только по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Эту практику нельзя признать правильной. Такого рода узкое понимание и оценка преступных действий приводят к умалению значения указа от 10 июля 1940 г.; к ослаблению его действия, а в ряде случаев создают условия к тому, что не все лица, виновные в выпуске недоброкачественной продукции, но не причастные к хищению, привлекаются к ответственности.

По делам о хищениях государственного и общественного имущества путем выпуска недоброкачественной продукции лица, виновные в выпуске недоброкачественной продукции, не всегда являются также и участниками хищения. Тем не менее вследствие сложившейся практики вопрос об ответственности этих лиц, как правило, не рассматривается, поскольку в центре внимания следственных и судебных органов оказываются только факты хищения, а выпуск недоброкачественной продукции расценивается в этих случаях как способ совершения хищения, а не как самостоятельный состав преступления.

Таким образом, по моему мнению, на практике создается неправильная, не отвечающая требованиям закона и задачам борьбы с выпуском недоброкачественной продукции конструкция состава преступления, которая сводит его к совершению хищения путем выпуска недоброкачественной продукции. Эта конструкция сводит выпуск недоброкачественной продукции, являющийся самостоятельным составом преступления, к способу совершения хищения.

Между тем рассматриваемый состав преступления должен быть

сформулирован не как хищение путем выпуска недоброкачественной продукции, а как выпуск недоброкачественной продукции с целью хищения. При этих условиях выпуск недоброкачественной продукции приобретает значение самостоятельного состава преступления.

Рассмотрим правовую природу такого преступного действия, как выпуск недоброкачественной продукции с целью хищения. В данном случае, несомненно, налицо два самостоятельных состава преступления, связанных между собою единством умысла. Однако единство умысла не должно приводить к узкому, ограниченному пониманию данного состава преступления, как предусмотренного только указом от 4 июня 1947 г.

Как с объективной, так и с субъективной стороны выпуск недоброкачественной продукции с целью хищения представляет собою два самостоятельных, законченных состава, объединенных единым умыслом. Наличие единого умысла и стадийность совершения преступных действий, вовсе не исключающая самостоятельного значения каждой из стадий, на практике приводит к неправильной оценке первой стадии (выпуска недоброкачественной продукции) как способа совершения хищения. В первой стадии лицо выпускает недоброкачественную продукцию, но это самостоятельное преступление, а не только способ совершения хищения. Во второй стадии лицо расхищает созданные путем недоброкачественной продукции излишки материальных ценностей, и это тоже самостоятельное преступление.

Допустим, что хищение излишков, созданных в результате выпуска недоброкачественной продукции, было предотвращено. Не вызывает сомнений, что действия преступников были бы квалифицированы по указу от 10 июля 1940 г. и как покушение на хищение. Никакой разницы не будет и тогда, когда хищение совершено.

Умысел преступника в первой стадии направлен на выпуск недоброкачественной продукции, ибо при отсутствии такого умысла невозможно образовать излишки материальных ценностей с целью последующего их хищения. С объективной стороны налицо факт выпуска недоброкачественной продукции со всеми вытекающими из него последствиями, и этот факт не может быть расценен иначе, как самостоятельный, законченный состав преступления.

После создания излишков материальных ценностей путем выпуска недоброкачественной продукции умысел преступника преобразуется и во второй стадии направлен уже на хищение этих излишков, на непосредственное использование их в своих интересах. И в этом случае налицо самостоятельный, законченный состав преступления

Нельзя исключить и такое положение, когда уже после фактического создания излишков материальных ценностей в результате выпуска недоброкачественной продукции возникает умысел преступника, направленный на хищение этих ценностей. Несомненно, что в этом случае тем более не будет оснований рассматривать выпуск недоброкачественной продукции в качестве способа совершения хищения.

Таким образом, в случаях выпуска недоброкачественной продукции с целью хищения действия виновных должны квалифицироваться по указу от 10 июля 1940 г. и по указу от 4 июня 1947 г. по совокупности. Такая квалификация обеспечит правильное проведение в жизнь указа от 10 июля 1940 г. и усиление борьбы с выпуском недоброкачественной продукции.

Мотивы совершения преступления. Наряду со сложившейся неправильной практикой квалификации только по указу от 4 июня 1947 г. фактов выпуска недоброкачественной продукции с целью хищения имеет место недооценка мотивов совершения преступных действий, выра-

зившихся в выпуске недоброкачественной продукции, и в ряде случаев неправильная квалификация этих действий только по указу от 10 июля 1940 г.

Это происходит потому, что субъективная сторона преступления должным образом не исследуется. Следственные и судебные органы ограничиваются, как правило, установлением самого факта выпуска недоброкачественной продукции (это, конечно, основное) и крайне мало или вовсе не уделяют внимания выяснению мотивов совершения преступления. Между тем выяснение по такого рода делам мотивов совершения преступления позволило бы дать наиболее правильную и исчерпывающую оценку преступных действий.

Во многих случаях выпуск недоброкачественной продукции является результатом намерения недобросовестно, путем обмана государства добиться видимости выполнения производственного плана. Как известно, работники промышленных предприятий за выполнение и перевыполнение планов получают денежные премии; таким образом в этих случаях умысел их может быть направлен не только на выпуск недоброкачественной продукции, но и на незаконное получение премий, т. е. на хищение государственных средств. Именно поэтому необходимо в стадии следствия тщательно исследовать субъективную сторону преступления и в тех случаях, когда выпуск недоброкачественной продукции связан с умышленным незаконным получением премий, действия виновных квалифицировать по указу от 10 июля 1940 г. и по указу от 4 июня 1947 г. по совокупности.

В этих случаях необходимость именно такой оценки действий виновных вытекает из указаний Пленума Верховного суда СССР, постановлением которого от 6 мая 1952 г. устанавливается, что незаконное получение премий или надбавок к заработной плате путем обмана при помощи фиктивных документов, представленных с прямым умыслом на незаконное получение указанных средств, подлежит квалификации по совокупности — как подделка документов и хищение государственного и общественного имущества.

Ответственность соучастников преступления. Указ от 10 июля 1940 г. строго ограничивает круг лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Поэтому действия лиц, являющихся соучастниками преступления, но не перечисленных в указе, квалифицируются по статьям Уголовного кодекса о должностных преступлениях. Именно таким образом квалифицируются действия начальников цехов, бракеров и других лиц, причастных к выпуску недоброкачественной продукции.

Существенным недостатком борьбы с выпуском недоброкачественной продукции является то, что соучастники этих преступлений — лица, допустившие прием этой продукции, — как правило, не привлекаются к ответственности. Следственные и судебные органы, ограничиваясь установлением факта выпуска недоброкачественной продукции и лиц, непосредственно виновных в совершении этого преступления, обычно не рассматривают вопроса об ответственности лиц, допустивших прием заведомо недоброкачественной продукции. Между тем вопрос об ответственности этих лиц следует ставить не менее решительно и принципиально, чем тогда, когда речь идет о непосредственных виновниках выпуска недоброкачественной продукции.

Это позволит реально усилить борьбу с выпуском недоброкачественной продукции и с лицами, потворствующими этим преступлениям.

Прокуратурой Азербайджанской ССР были привлечены к ответственности и преданы суду председатель правления артели Иманов,

заведующий производством Енгибаров и начальник отдела технического контроля Михалкина. Эти лица допустили выпуск 151 тысячи пар брезентовых рукавиц, изготовленных с нарушением государственного стандарта. В процессе расследования по этому делу было установлено, что у бракоделов из артели оказались покровители из числа отдельных ответственных работников треста «Азтехснабнефть». Заместитель управляющего этим трестом Григорян и начальник отдела Айзенберг не только не боролись с преступниками, систематически поставлявшими недоброкачественные изделия, но покрывали их, не доводя до сведения прокуратуры об этих фактах. Больше того, Григорян и Айзенберг, получив из артели 10 тысяч пар недоброкачественных рукавиц, несмотря на полученное указание об их возврате, продали эти рукавицы Бакинскому строительно-монтажному тресту «Главзападнефтестрой». Прокуратура Азербайджанской ССР правильно поступила, когда наряду с бракоделами из артели привлекла к уголовной ответственности их покровителей Григоряна и Айзенберга как за должностное преступление.

Возмещение ущерба. По делам о выпуске недоброкачественной продукции почти вовсе не используется такое средство усиления борьбы с этими преступлениями, как возмещение ущерба, причиненного государству преступными действиями. Это в известной мере объясняется тем, что ущерб по этим делам во многих случаях достигает крупных размеров и возмещение его не всегда представляется реальным. Однако по этому вопросу никаких руководящих указаний судебным и прокурорским органам не дано.

Между тем известно, что в результате выпуска недоброкачественной продукции народному хозяйству наносится существенный ущерб. И непонятно, почему лица, виновные в совершении этого преступления, освобождаются от обязанности возместить причиненный ими государству материальный ущерб. Существующая практика, фактически освобождающая преступников от обязанности возмещения причиненного материального ущерба, противоречит требованиям закона и должна быть ликвидирована. Наряду с неуклонным привлечением к уголовной ответственности лиц, виновных в выпуске недоброкачественной продукции, в соответствии с действующим законом, возмещение государству ущерба, причиненного этими преступными действиями, несомненно, будет способствовать усилению борьбы с этими противогосударственными преступлениями.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 30 сентября 1949 г. о практике применения указа от 10 июля 1940 г. судам были даны некоторые руководящие указания. Однако в настоящее время эти указания являются недостаточными. Поэтому необходимо, чтобы Пленум Верховного суда СССР вновь дал исчерпывающие указания по вопросам практики применения указа от 10 июля 1940 г., что, несомненно, будет способствовать более успешному проведению борьбы с выпуском недоброкачественной продукции.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция считает необходимым издание руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР по затронутым в статье т. Александрова вопросам, в том числе по вопросу о возмещении ущерба, причиненного государству преступными действиями лиц, виновных в выпуске недоброкачественной продукции.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ПЛЕНУМА И ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

С. Фиделев

Принятые XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы предъявляют большие требования к партийным, советским, в том числе и судебным, организациям и обязывают их мобилизовать широкие массы трудящихся на выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана, развертывая широкую критику недостатков в работе наших организаций с целью быстрейшей ликвидации этих недостатков.

Основной и решающей задачей советского суда, рассматривающего трудовые дела, является гармоническое сочетание охраны трудовых прав и интересов трудящихся, гарантированных Сталинской Конституцией, и всемерного соблюдения всенародных интересов производства.

«Судебная защита от всяких посягательств гарантированных Сталинской Конституцией трудовых прав граждан СССР, наряду с всемерным ограждением производственных интересов социалистических учреждений, предприятий и организаций, составляет первостепенную задачу суда в СССР», — говорится в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. № 1 («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3).

В этом постановлении Пленум Верховного суда СССР, указав на то, что в основном трудовые дела разрешаются судами правильно в соответствии с указаниями трудового законодательства, в дальнейшем все свое внимание уделяет тем отдельным случаям, в которых все еще встречаются серьезные нарушения трудового законодательства.

На ликвидацию этих серьезных нарушений трудового законодательства направлено постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г.

1. Внимание Пленума Верховного суда СССР привлекли прежде всего те нарушения, которые допускались судами в их практике при принятии к рассмотрению тех или иных споров по трудовым делам.

Среди этой категории нарушений Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении обращает внимание на случаи, когда суды, вопреки правилам о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, либо принимали к своему производству и рассматривали по существу трудовые споры, судам не подведомственные, либо отказывали в приеме и рассмотрении дел, подведомственных судам.

Согласно указанным правилам не все трудовые споры подлежат разрешению судебных органов. Некоторые трудовые споры, перечисленные в ст. 12 правил, подведомственны исключительно РКК и подлежат передаче на разрешение судебным органам только в двух случаях: а) если в РКК стороны не пришли к соглашению и б) если решение РКК, по которому стороны пришли к соглашению, впоследствии отменено в порядке надзора областным или центральным комитетом профессионального союза. Если же по этим трудовым спорам в РКК было достигнуто соглашение и решение в порядке надзора не было отменено, то эти споры не могут поступать на разрешение судебных органов.

Однако этот порядок, установленный законом, порой нарушался судебными органами.

На ликвидацию этого рода нарушений направлено постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г., требующее от судов при приеме исковых заявлений «тщательно проверить, подведомственно ли данное дело суду, руководствуясь при этом правилами о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, утвержденными постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и изданными в развитие этих правил постановлениями» (ст. 2 постановления Пленума).

Но неподведомственными судам являются не только трудовые споры, подлежащие обязательному рассмотрению в РКК, но еще особая категория дел, которая вообще неподведомственна ни судебным органам, ни даже РКК.

К этой категории дел относятся споры о восстановлении на работе лиц: а) пользующихся правом найма и увольнения, б) должности которых перечислены в специальных перечнях, утвержденных НКТ СССР 18 октября 1929 г. («Известия НКТ СССР» 1930 г. № 1—2), и в) уволенных в порядке дисциплинарного взыскания, наложенного на основании действующего закона о дисциплинарных взысканиях.

Принятый народным судом 7-го участка Ленинского района Москвы спор по иску Полтева к ЦК профессионального союза рабочих автотракторной промышленности о восстановлении в должности был прекращен производством в судебном порядке. Когда после отмены определения народного суда и Московского городского суда о прекращении дела, по указанию Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР, были в дальнейшем вынесены судебные решения по существу спора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, по протесту Генерального Прокурора СССР, все последующие решения отменила, оставив в силе первоначальные определения о прекращении дела, как неподведомственного судебным органам, указав, что по своему должностному положению Полтев, как главный технический инспектор ЦК профессионального союза, относится к категории ответственных работников, подпадающих под действие названного специального перечня.

Судебная коллегия Верховного суда СССР говорит: жалобы на распоряжение о наложении дисциплинарного взыскания подаются должностному лицу или органу, непосредственно вышестоящему в отношении должностного лица или органа, которым взыскание наложено. Постановления по жалобам являются окончательными и могут быть пересмотрены только в порядке надзора вышестоящими органами («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 28).

Однако неподведомственность судам споров о восстановлении на работе лиц, уволенных в дисциплинарном порядке, действует лишь в тех случаях, когда в дисциплинарных правилах увольнение предусмотрено в качестве меры дисциплинарного воздействия.

3 марта 1950 г. Пленум Верховного суда СССР в отмену директивного письма от 15 мая 1934 г. № 17 вынес руководящее постановление о подсудности судебным органам исков о восстановлении в должности работников, уволенных за нарушение трудовой дисциплины из органов железнодорожного транспорта. Свое постановление Пленум мотивировал тем, что действующими уставами о дисциплине предусматривается точный перечень взысканий, которые могут быть наложены в дисциплинарном порядке. Увольнение с работы не входит в перечень таких взысканий. Следовательно, увольнение может быть произведено лишь в соответствии с общими нормами законодательства о труде и лица, считающие

свое увольнение неправильным, могут обратиться в РКК или в соответствующих случаях в суд с требованием о восстановлении их в должности («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11, стр. 4).

Таким образом, споры о восстановлении на работе лиц, уволенных за совершение действий, воспрещенных дисциплинарным уставом, неподведомственны суду только в тех случаях, когда увольнение упоминается в уставе в качестве меры дисциплинарного воздействия. Если же увольнение в качестве меры дисциплинарного воздействия в уставе не значится, споры о восстановлении на работе подведомственны РКК и судам.

Нарушения, допускавшиеся судами при разрешении трудовых споров о восстановлении на работе уволенных, выражались не только в приеме к своему рассмотрению неподведомственных им споров, как то имело место в приведенных только что случаях, но и в отказе от принятия и от рассмотрения по существу тех дел, которые суду подведомственны.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. в категорической форме требует от судов прекращения таких нарушений, в результате которых суды «отказывают в принятии к судебному рассмотрению споров, подведомственных судам, тем самым лишая трудящихся права на судебную защиту; возвращают истцам исковые заявления с указанием, что спор подлежит предварительному рассмотрению в РКК, в то время как обязательное рассмотрение такого рода споров в РКК законом не предусмотрено, а иногда принимают к своему производству дела, подлежащие разрешению в административном порядке» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 1).

2. Исходя из общего правила о том, что администрация может уволить работника с работы лишь по основаниям, предусмотренным законодательством о труде, Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 11 января 1952 г. дал руководящие указания судам по применению тех норм, предусмотренных законодательством о труде, которыми регулируется увольнение трудящихся с работы. Так при разрешении споров, связанных с увольнением работников по сокращению штатов (ст. 47 п. «а» Кодекса законов о труде), «суды должны исходить из производственных интересов учреждений и предприятий, учитывая, что сокращение штатов является одним из мероприятий по улучшению и рационализации работы аппарата и укомплектованию его наиболее квалифицированными кадрами» (ст. 12 постановления Пленума).

Однако при всех условиях увольнение по сокращению штатов может последовать только в тех случаях, когда сокращение штатов действительно имело место и когда были учтены как возможности перевода увольняемого с его согласия на другую работу в этом же учреждении, так и необходимость предпочтения перед другими в смысле оставления его на работе.

Случаи слияния двух или нескольких учреждений при согласии увольняемого остаться в реорганизованном учреждении на прежней работе, если последняя сохранилась, не могут служить основанием к увольнению трудящихся по сокращению штатов или по сокращению объема работ. Поэтому была восстановлена на работе преподавателя физики Мотовилова, уволенная из техникума промышленного банка г. Казани в связи со слиянием техникума с Казанским финансовым техникумом, так как должность преподавателя физики в связи со слиянием техникумов и организацией в результате этого слияния нового финансово-кре-

дитного техникума не была сокращена («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 29).

При разрешении споров, связанных с увольнением работников по непригодности (ст. 47 п. «в» Кодекса законов о труде), суды часто игнорируют нарушение администрацией закона, в силу которого расторжение трудового договора по мотивам непригодности работника может последовать не иначе, как по решению РКК (ст. 15 постановления Пленума).

Типичным примером подобного нарушения, допущенного администрацией и не устраненного судом, является дело по иску Хомяченко к Одесскому техникуму советской торговли. Будучи уволенной из техникума по мотивам непригодности, Хомяченко обратилась в народный суд 6-го участка Кагановичского района г. Одессы, который ее на работе восстановил, а Одесский областной суд оставил решение о восстановлении Хомяченко на работе в силе. Однако по протесту Председателя Верховного суда Украинской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР отменила все состоявшиеся по делу решения и отказала в иске Хомяченко о восстановлении ее на работе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Украинской ССР и указала, что согласно примечанию к ст. 47 Кодекса законов о труде увольнение нанявшегося ввиду непригодности к работе может быть произведено лишь с санкции РКК, предшествующей увольнению. В данном случае истица была уволена не только с нарушением требований указанного закона, но и вообще без каких-либо оснований, так как никаких доказательств, подтверждающих непригодность истицы к преподавательской работе в техникуме, в деле нет и ответчик такими доказательствами не располагает («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 4, стр. 25).

В приведенном примере Верховный суд СССР, установив допущенное администрацией техникума нарушение закона, не только устранил это нарушение, но даже в своем определении коснулся и доказанности увольнения истицы по непригодности. Пленум же Верховного суда СССР в постановлении от 11 января 1952 г. отвергает обязанности судов в этих случаях обсуждать дело по существу и разъясняет: «Установив, что увольнение произведено администрацией без санкции РКК, т. е. с грубым нарушением закона, суд должен вынести решение о восстановлении работника в прежней должности и взыскать с ответчика заработную плату за время вынужденного прогула, но не более, чем за двадцать дней» (ст. 15 постановления Пленума).

Из этого общего правила допускается единственное исключение при увольнении работников, обслуживающих денежные и товарные ценности, — в случае утраты администрацией доверия к этим работникам. В этих случаях предварительного решения РКК не требуется.

Во всех остальных случаях правилу о предварительном решении РКК Пленум Верховного суда СССР придает столь важное значение, что предлагает судам не ограничиваться вынесением решения о восстановлении на работе трудящихся, уволенных по мотивам непригодности, без предварительной санкции РКК, но и выносить частные определения для привлечения к дисциплинарной, а в подлежащих случаях к уголовной ответственности тех должностных лиц, которые допустили нарушение установленного законом порядка увольнения работника по непригодности.

По вопросу о порядке увольнения по мотивам систематического неисполнения трудящимся обязанностей, возлагаемых на него трудовым договором или правилами внутреннего распорядка (ст. 47 п. «г» Кодекса

законов о труде), Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 25 декабря 1941 г. за № 46-32-у «Об условиях применения п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде» указал судебным органам, что увольнение трудящихся по мотивам неисполнения обязанностей может последовать только в том случае, если неисполнение обязанностей трудящимся носит систематический характер, а меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные п. 20 типовых правил внутреннего распорядка, не приводят к должным результатам.

Оба приведенные условия, допускающие увольнение по п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде, являются обязательными, и отсутствие одного из этих условий обязывает суды признавать неправильным увольнение при подобном нарушении условий применения п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде и восстанавливать уволенных на работе.

Вот почему Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в ряде случаев признавала увольнение по п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде неправильным и восстанавливала уволенных на работе («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 29).

Но действия трудящегося, подпадающие под признаки неисполнения обязанностей, влекущего увольнение по п. «г» ст. 47 Кодекса, могут считаться таковыми только при определенных условиях. Если, например, дворник не впустил к себе в квартиру представителя исполкома, явившегося для осмотра квартиры, то признать дворника виновным в неисполнении им своих обязанностей никак нельзя, так как к служебным обязанностям дворников не относится допуск в свои квартиры, в которых они проживают, должностных лиц, являющихся для осмотра квартир («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 33).

Что же касается налагаемых администрацией дисциплинарных взысканий за систематическое нарушение трудовой дисциплины, то сами по себе они не могут служить поводом к увольнению, так как согласно точному смыслу правил внутреннего распорядка за каждый факт нарушения работником трудовой дисциплины может быть наложено лишь одно взыскание. Поэтому увольнение по причине нарушения трудовой дисциплины может последовать лишь за такое конкретное действие, за которое взыскание в дисциплинарном порядке не было наложено, хотя бы аналогичные действия носили систематический характер и за них дисциплинарные взыскания налагались («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 7, стр. 4).

Из приведенных только что примеров видно, что судебная практика по вопросу об увольнении трудящихся по мотивам, изложенным в п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде, дает исчерпывающие указания о порядке и условиях применения этого закона. Однако суды при разрешении дел о восстановлении на работе трудящихся, уволенных за невыполнение своих обязанностей, все еще допускают в своей практике серьезные нарушения. Нередко решения судов, восстанавливающие на работе лиц, на которых наложенные дисциплинарные взыскания за систематическое неисполнение своих обязанностей не привели к должным результатам, находятся в противоречии с интересами производства.

Вот почему Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 11 января 1952 г., требуя от судов при вынесении решений о восстановлении на работе лиц, уволенных по ст. 47 п. «г» Кодекса законов о труде, руководствоваться условиями увольнения, данными в его постановлении еще 25 декабря 1941 г., обращает особое внимание судов на то, что восстановление на работе не должно иметь места во всех тех случаях, когда меры дисциплинарного воздействия не привели к должным результатам, «виду чего дальнейшее оставление работника на ра-

боте находится в противоречии с интересами производства» (ст. 16 постановления Пленума).

По поводу увольнения трудящихся по мотивам привлечения их к уголовной ответственности и содержания под стражей свыше двух месяцев (ст. 47 п. «д» Кодекса законов о труде) Пленум Верховного суда СССР дал судам руководящие указания в своем постановлении от 11 января 1952 г. (ст. 17 постановления Пленума).

В соответствии с установившейся судебной практикой («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 28) Пленум разграничивает случаи увольнения трудящихся в связи с лишением их свободы и случаи отстранения их от работы по инициативе самой администрации, без соответствующих требований судебных и следственных органов, в связи с возбуждением против трудящихся уголовного преследования.

Оправдательный приговор суда или прекращение уголовного преследования в первом случае, независимо от того, возбуждалось ли уголовное преследование за преступление, связанное с работой трудящегося или не связанное с нею, предоставляют трудящемуся право требовать и возлагают на администрацию обязанность выплаты трудящемуся заработной платы за время вынужденного его отсутствия на работе, но не более чем за два месяца. Оправдательный же приговор суда или прекращение уголовного преследования во втором случае, т. е. при отстранении от работы самой администрацией, предоставляют трудящемуся право требовать и возлагают на администрацию обязанность не только выплаты заработной платы за все время отсутствия трудящегося на работе, исчисляемой с момента отстранения от работы по день оправдательного приговора или прекращения дела, но и восстановления на работе, одинаковой по квалификации и оплате с той, на которой трудящийся работал до отстранения.

Таковы в общих чертах руководящие указания Верховного суда СССР, данные судебным органам для применения при разрешении судебных споров тех норм, которые по трудовому законодательству регулируют увольнение трудящихся с работы.

3. Всемерное ограждение производственных интересов социалистических учреждений, предприятий и организаций и наряду с этим судебная защита гарантированных Сталинской Конституцией прав трудящихся требует от судебных органов тщательного и всестороннего рассмотрения и обсуждения всех обстоятельств дела, возникшего по трудовому спору.

Заявление контролера-браковщика шелкоткацкой фабрики Даниеловой в суде при разрешении возбужденного ею дела о восстановлении в должности, что она уволена в связи с тем, что, являясь секретарем комсомольской организации фабрики, часто выступала на собраниях с критикой по адресу администрации, не было обсуждено судом, и это послужило достаточным основанием для отмены всех состоявшихся по делу решений и для передачи дела на новое рассмотрение для проверки, не является ли увольнение истицы гонением администрации фабрики за критику последней со стороны истицы Даниеловой («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 31).

Аналогичное, непроверенное судом заявление медицинской сестры Милютиной о том, что подлинной причиной ее увольнения из Гривской больницы послужило то обстоятельство, что она сигнализировала в Министерство здравоохранения о неблаговидных поступках главного врача больницы и просила произвести ревизию его работы, послужило основанием к отмене всех состоявшихся по делу решений и передаче дела на новое рассмотрение в Верховный суд Латвийской ССР по первой инстан-

ции с участием прокурора («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11, стр. 31).

Дело по иску садовода Сергеева к больнице им. Яковенко о восстановлении на работе было передано на новое рассмотрение после отмены всех состоявшихся решений в Верховный суд РСФСР по первой инстанции с участием прокурора вследствие утверждения Сергеева, подтвержденного газетой «Московский большевик» в номере от 28 января 1949 г. в фельетоне «История одного приказа» и отзывами на этот фельетон ряда работников больницы им. Яковенко, что Сергеев уволен с работы за то, что вел борьбу за сохранность сада, сберегая его от расхищения, а врач М. Арутюнян организовала против него группу недовольных и создала нездоровую обстановку, добиваясь его увольнения («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 28).

Учитывая судебную практику, Пленум Верховного суда СССР в ограждение прав трудящихся на критику и в защиту их служебных прав в своем постановлении от 11 января 1952 г. разъясняет судам, что «если при рассмотрении дела о восстановлении уволенного на работе суд установит, что увольнение работника являлось замаскированной формой удаления из аппарата лиц, неугодных администрации, то суд обязан довести об этом до сведения органов прокуратуры или вышестоящих по отношению к учреждению или предприятию органов для привлечения виновных должностных лиц к уголовной или дисциплинарной ответственности» (ст. 18 постановления Пленума).

Как осуществляется судебная защита прав трудящихся, связанных с признанием увольнения неправильным и с изменением неверной формулировки увольнения, записанной в трудовую книжку.

В первом случае, т. е. тогда, когда суд признает увольнение трудящегося неправильным, он обязан восстановить работника на прежней работе или в прежней должности. И только в том случае, если по обстоятельствам дела восстановление работника на прежней работе или в прежней должности невозможно, суд должен обязать администрацию учреждения или предприятия предоставить работнику другую работу или должность, соответствующую квалификации работника и не ниже прежней по оплате.

Восстанавливая неправильно уволенного работника в должности, суд, однако, не вправе указывать цех предприятия, в котором должен быть использован работник. Так по иску Маршалко к заводу о восстановлении на работе Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР разъяснила, что право использования на работе восстановленного по суду работника по его специальности принадлежит администрации завода и суд не вправе в своем решении указывать цех или отдел завода, где ему должна быть предоставлена работа («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 28).

Но, установив, что увольнение трудящегося произведено неправильно, суд выносит решение о восстановлении его на работе. Если же неправильно уволенный трудящийся к моменту рассмотрения дела уже имеет соответствующую по квалификации и оплате работу в другом предприятии или учреждении и если он притом не пожелает вернуться на прежнюю работу, суд в соответствии со ст. 67 правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов может обсудить лишь вопрос о том, правильно ли трудящийся уволен с работы, не вынося решения о восстановлении его на работе («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1, стр. 3; 1951 г. № 4, стр. 29).

Что касается случаев изменения неправильных формулировок, указанных в приказах об увольнении и внесенных в трудовые книжки, то на

суды возлагается обязанность во всех случаях несоответствия мотивов увольнения формулировкам Кодекса законов о труде признавать подобные приказы и записи в трудовых книжках неправильными, противоречащими закону и подлежащими изменению («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 23). При рассмотрении спора о том, какой должна быть указана формулировка увольнения, суд не может ограничиться указанием на то, что администрация неправильно изложила мотивы увольнения, а обязан вынести решение об исправлении неверной мотивировки. Поэтому утверждения некоторых судов, что изменение мотивов увольнения лежит лишь на обязанности администрации и что суд не вправе выносить решения об исправлении неправильных формулировок, является ошибочным, не основанным на законе («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 15).

В отличие от общего правила о том, что трудящиеся, пользующиеся правом найма и увольнения, а равно перечисленные в специальных перечнях, утвержденных НКТ СССР 18 октября 1929 г. («Известия НКТ СССР» 1930 г. № 1—2), и уволенные в порядке дисциплинарного взыскания, не могут предъявлять в судах исков об их неправильном увольнении и восстановлении в должности, они вправе предъявлять иски об изменении формулировки увольнения («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 26).

Этой категории трудящихся предоставлено также право предъявлять иски об оплате за вынужденный прогул в случае признания вышестоящими административными органами их увольнения неправильным. Оплата вынужденного прогула в этих случаях должна производиться в размере средней заработной платы уволенного, но не более чем за двадцать рабочих дней (ст. ст. 3 и 20 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г.).

Оплата за вынужденный прогул должна судами взыскиваться в пользу трудящихся также в случаях неисполнения администрацией решения суда о восстановлении уволенного на работе. Оплата эта взыскивается в порядке ст. 185 ГПК, без вторичного рассмотрения дела по существу, в полном размере за все время невыполнения администрацией решения суда о восстановлении на работе, с отнесением выплаченных в этих случаях сумм, но в пределах лишь трехмесячного оклада, на должностное лицо, по вине которого не было своевременно выполнено решение суда о восстановлении уволенного на работе (ст. 22 того же постановления Пленума Верховного суда СССР и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 15 сентября 1949 г. по делу Макаровой — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 2, стр. 37).

Строгое соблюдение прав трудящихся на выполнение ими той работы, на которую они приняты, без права перевода их на другую работу, если на то нет согласия трудящихся, и судебная защита этих прав нашли отражение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. в связи с тем, что судебные органы в разрешении этих дел допускали существенные нарушения закона.

Некоторые суды отказывали трудящимся в рассмотрении их исков о расторжении трудовых договоров, возникших по тем основаниям, что на трудящихся возлагали обязанности, не предусмотренные условиями найма, и переводили их на другую работу без их согласия.

По этому поводу Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 11 января 1952 г. указывает судебным органам: «Иски рабочих и служащих о признании неправильным их перевода на другую работу и о восстановлении их на прежней работе, а также иски рабочих и слу-

жащих о расторжении трудового договора ввиду несогласия с переводом на другую работу подлежат рассмотрению суда согласно общим правилам рассмотрения трудовых споров» (ст. 4 постановления Пленума).

Однако судебные органы не могут и не должны оказывать судебную защиту в тех случаях, когда трудящиеся допустили злоупотребление правом.

Токарь Климов работал в конструкторском бюро завода по своей специальности в качестве токаря и в связи с ликвидацией конструкторского бюро приказом по заводу был переведен на ту же должность токаря в цех. Климов с указанным переводом не согласился и к работе в цехе не приступал, за что и был уволен с завода по ст. 47, п. «г» Кодекса законов о труде. Считая квалификацию своего увольнения неправильной, Климов предъявил в судебном порядке иск об изменении формулировки увольнения и просил признать его уволенным на основании ст. 37 Кодекса.

По этому поводу, отменяя определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР, оставившей в силе решение народного суда 1-го участка Ворошиловского района г. Воронежа об удовлетворении иска Климова, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в своем определении от 28 июля 1949 г. указала, что «согласно ст. 36 Кодекса законов о труде наниматель не может требовать от нанявшегося лишь той работы, которая не относится к тому роду деятельности, для которой последний нанят. В данном же случае истец был переведен на ту же работу токаря, на которую он был нанят, ввиду чего его отказ от такого перевода правильно квалифицирован как грубое нарушение трудовой дисциплины. Ссылка же истца на ст. 37 Кодекса законов о труде явно необоснованна, так как ст. 37 Кодекса касается случаев перевода нанявшегося из одного предприятия в другое или перемещения вместе с предприятием в другую местность, но ст. 37 Кодекса законов о труде не может быть применена к случаям перевода работника по его специальности из одного цеха в другой внутри того же предприятия, как это и имело место по настоящему делу» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 12, стр. 33).

Но иски трудящихся о расторжении договора подлежат удовлетворению не только в приведенных выше случаях, но и тогда, когда администрация отказывается дать разрешение на уход с работы, несмотря на наличие условий, при которых администрация обязана дать такое разрешение согласно действующему законодательству, т. е. в силу ст. 4 указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. и др. (ст. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г.), а равно и тогда, когда истек срок такого трудового договора, который заключен на определенный срок на основании закона или специального постановления правительства (ст. 9 постановления того же Пленума).

Специальное постановление правительства, однако, имеет решающее значение в смысле освобождения трудящегося от работы и расторжения трудового договора и в том случае, когда трудовой договор заключен на неопределенный срок. В связи с этим и право трудящегося требовать в этих случаях расторжения трудового договора подлежит судебной защите.

Инженер Темеров обратился в народный суд 2-го участка Ленинского района г. Красноярска с иском к заводу о расторжении трудового договора по тем основаниям, что в силу специального постановления правительства он заключил трудовой договор с другим предприятием, на которое администрация завода обязана его отпустить в порядке перевода.

Народный судья отказал в приеме искового заявления по мотивам неподведомственности подобного дела суду. Красноярский краевой суд оставил в силе постановление народного судьи. По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 20 июня 1951 г. вынесла определение об отмене постановления народного судьи 2-го участка Ленинского района г. Красноярска и определения Красноярского краевого суда и о передаче дела на рассмотрение по существу в тот же народный суд, исходя из того, что исковые требования Темерова о расторжении с ним трудового договора основаны на специальном постановлении правительства, в силу которого администрация завода обязана освободить работника от работы и откомандировать его в порядке перевода к новому месту работы. При этих обстоятельствах Темеров вправе обратиться в суд за защитой своих прав и требовать расторжения трудового договора в судебном порядке («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 27).

4. Судебная защита гарантированных Сталинской Конституцией прав трудящихся наряду с всемерным ограждением производственных интересов социалистических учреждений, предприятий и организаций возлагает на суды обязанность во всех случаях допущения должностными лицами нарушения закона выносить частные определения для привлечения их к дисциплинарной, а в подлежащих случаях и уголовной ответственности. Ущерб, причиненный учреждению, предприятию и организации подобными действиями должностного лица, подлежит взысканию с последнего в пределах его трехмесячного заработка (ст. ст. 21 и 24 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г.).

Так сверхурочные работы на предприятиях и в учреждениях без соответствующего разрешения и надлежащего оформления не должны допускаться. Тем не менее сверхурочные работы в явное нарушение трудового законодательства не только допускаются, но зачастую являются предметом категорического требования администрации в лице отдельных должностных лиц.

Попытки некоторых судебных органов отказывать работникам в их требовании об оплате выполненных ими по распоряжению администрации сверхурочных работ по тем основаниям, что у администрации отсутствовало разрешение на производство сверхурочных работ, были категорически отвергнуты Верховным судом СССР сперва по его Судебной коллегии по гражданским делам в определении от 25 января 1949 г. по делу Гурьевой («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 4, стр. 27) и затем по его Пленуму от 11 января 1952 г.

В обоих случаях Верховный суд СССР указывает, что при доказанности производства сверхурочных работ по распоряжению администрации суды должны присуждать оплату произведенных сверхурочных работ и в том случае, когда они не были надлежаще оформлены. Но в отношении должностных лиц, говорит Верховный суд СССР, допустивших производство сверхурочных работ без надлежащего разрешения и оформления, суды должны выносить частные определения для привлечения виновных к дисциплинарной, а в надлежащих случаях к уголовной ответственности (ст. 12 постановления Пленума).

Ссылка же суда при отказе в иске по делу Босенко к Сталинабадской областной конторе заготовок Министерства торговли Таджикской ССР об оплате сверхурочной работы на то обстоятельство, что истица, хотя и работала сверхурочно по приказу управляющего конторой, но выполняла свою непосредственную работу, была Верховным судом признана несостоятельной, «так как для оплаты сверхурочных работ не требуется, чтобы трудящийся выполнял работу, не входящую в круг его

обязанностей» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 29).

К искам трудящихся об оплате за сверхурочные работы близко примыкают иски об оплате за работу в дни еженедельного отдыха, если по условиям производства предоставление отгула работникам, работавшим в дни еженедельного отдыха, оказалось невозможным. В этих случаях суды рассматривают эти дела только после того, как трудящийся обратился в РКК и там либо не было достигнуто соглашения сторон, либо решение РКК было признано неправильным и отменено в порядке надзора. Иски об оплате за работу в выходные дни, если предоставление отгула в натуре невозможно, подлежат удовлетворению в размере заработной платы за эти дни в двойном размере («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 9, стр. 28) и могут присуждаться за период не свыше трех месяцев до обращения в РКК (ст. 13 постановления Пленума от 11 января 1952 г.).

Предварительному рассмотрению в РКК подлежат и иски рабочих и служащих об оплате премиального вознаграждения в тех случаях, когда премия является периодическим вознаграждением, обусловленным системой оплаты труда в данном предприятии или учреждении и основанной на объективных показателях работы. Судебным органам эти иски становятся подведомственными тоже только после того, как при рассмотрении в РКК по ним не было достигнуто соглашения сторон или решение, вынесенное РКК, было отменено в порядке надзора (ст. 11 постановления Пленума от 11 января 1952 г.).

При разрешении этих исков суды не вправе устанавливать размеры премии, так как в компетенцию суда не входит разрешение этих вопросов, и равно не вправе устанавливать новые условия премирования, а обязаны исходить из тех объективных показателей для премирования, которые предусмотрены действующей в учреждении или предприятии системой оплаты труда.

* *
*

Практика верховного судебного органа Советского Союза в приведенных выше постановлениях его Пленума и определениях его Судебной коллегии по гражданским делам требует от судебных органов тщательного изучения и обсуждения всех обстоятельств трудового спора с последующим вынесением такого решения, которое, будучи основано на подробном изучении и обсуждении, являлось бы действительно «судебной защитой от всякого посягательства гарантированных Сталинской Конституцией трудовых прав граждан СССР».

Но трудовые права граждан СССР переплетаются с всемерным ограждением производственных интересов социалистических учреждений, предприятий и организаций и полностью зависят от них.

Поэтому судебная практика Верховного суда СССР нацеливает судебные органы на одновременную и совместную охрану прав трудящихся и ограждение интересов социалистических учреждений, предприятий и организаций.

И это происходит потому, что: «Советский рабочий непосредственно заинтересован в повышении производительности труда, ибо он знает, что этим укрепляется экономическое могущество СССР и повышается жизненный уровень трудящихся. В единстве интересов государства и народа заложена основа высокой производительности общественного труда при социализме» (Г. М. Маленков, Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии).

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПОГЛОЩЕНИЯ И СЛОЖЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

И. Сапожников

Применение судами принципа поглощения или сложения наказания требует к себе особого внимания, ибо, как показывает судебная практика, наиболее серьезные ошибки допускаются именно в тех случаях, когда возникает необходимость сложения или поглощения наказания.

Большое принципиальное значение имеют указания по этому вопросу, содержащиеся в опубликованных постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного суда СССР. Верховный суд СССР, основываясь на точном смысле ст. 49 УК РСФСР, регламентирующей порядок назначения наказания по совокупности преступлений, указывает, что при наличии перечисленных в этой статье условий принцип сложения наказания не может иметь места.

Характерным в этом отношении является дело Алешина и Борисова, рассмотренное Железнодорожной коллегией Верховного суда СССР 16 апреля 1949 г. Алешин обвинялся в том, что он 24 октября 1948 г. в вагоне пассажирского поезда при участии Клоковой, осужденной по этому же делу, похитил у пассажира Елтышева мешок, в котором находилось 10 пар керзовых сапог. Кроме того, он, находясь под стражей, 25 октября 1948 г. вместе с осужденным по тому же делу Борисовым и другими лицами оказал сопротивление работникам охраны, пытался бежать, но был задержан. Линейный суд Свердловской ж. д., признав Алешина виновным по ст. 1, ч. 2, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», приговорил его к заключению в исправительно-трудовых лагерях на семь лет и по ст. 73, ч. 1, УК к лишению свободы на один год, а по совокупности преступлений — к заключению в исправительно-трудовых лагерях на восемь лет с поражением в избирательных правах на два года. Борисова суд приговорил по ст. 72, ч. 1, УК РСФСР к одному году лишения свободы и по ст. 73, ч. 1, УК РСФСР к одному году лишения свободы, а по совокупности преступлений — к двум годам лишения свободы. Верховный суд в своем определении по этому делу указал, что, применив наказание по принципу сложения, линейный суд нарушил ст. 49 УК РСФСР, согласно которой он обязан был, назначив наказание за каждое преступление в отдельности, окончательно определить наказание по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим более тяжкое наказание, т. е. применить принцип поглощения, а не сложения наказания [1].

Аналогичная ошибка была допущена линейным судом Туркестано-Сибирской ж. д. по делу Вишневецкой, осужденной по приговору от 24 ноября 1950 г. по ст. 59^{3в}, ч. 1, УК РСФСР к двум годам лишения свободы. Это наказание суд, сославшись на ст. 49 УК РСФСР, частично присоединил к наказанию по приговору народного суда 6-го участка г. Семипалатинска от 19 октября 1950 г., которым Вишневецкая была осуждена по ст. 140, ч. 3, УК РСФСР к пяти годам лишения свободы.

---

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1949 г. № 8, стр. 42.

В общей сложности линейный суд определил Вишневецкой шесть лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах. Вишневецкая признана виновной в том, что, работая весовщиком ст. Кана-Семей Туркестано-Сибирской ж. д., она по преступной халатности в апреле 1950 года приняла два вагона с коммерческим браком, в результате чего эти вагоны не были приняты к перевалке, возвращены для переработки, что повлекло непроизводительный простой в течение 2020 вагоно-часов.

До рассмотрения дела Вишневецкая 19 октября 1950 г. была осуждена народным судом 6-го участка г. Семипалатинска по ст. 140, ч. 3, УК к пяти годам тюремного заключения за преступление, совершенное в октябре 1950 года. Поскольку, таким образом, оба преступления, входящие в совокупность, были совершены до вынесения первого приговора, суд не вправе был применять принцип сложения наказаний, а должен был в соответствии со ст. 49 УК РСФСР и ст. 465 УПК РСФСР наказание по второму приговору как более мягкое поглотить наказанием по первому приговору. В соответствии с этим Железнодорожная коллегия и внесла изменение в приговор [1].

Вывод из сказанного таков, что в тех случаях, когда ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, не было еще вынесено приговора, применяется принцип поглощения, а не сложения наказания.

Возникает вопрос, в каких же случаях суд вправе применить соединение наказаний? Ответ на этот вопрос мы находим в постановлении Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1933 г.: «В случае совершения нового преступления лицом, в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор суда, но еще не приведенный в исполнение, суду предоставляется право либо присоединить назначенную по этому приговору меру социальной защиты полностью или частично к мере социальной защиты, назначенной по новому делу, либо применить к осужденному только меру социальной защиты, назначенную по новому делу, с поглощением прежней меры... Те же правила действуют в отношении лиц, совершивших новое преступление во время отбывания ими меры социальной защиты по приговору суда, с тем, однако, что присоединение меры социальной защиты, назначенной по первому приговору, может иметь место лишь в части еще неотбытого срока».

В свете этих разъяснений большое практическое значение имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Балахтина.

Балахтин по приговору Крымского областного суда от 29 сентября 1947 г. был осужден по ст. 59^3 УК РСФСР на 25 лет заключения в исправительно-трудовом лагере с поглощением неотбытой части наказания по предыдущему приговору военного трибунала от 3 октября 1944 г., по которому он был осужден к десяти годам лишения свободы. Верховный суд РСФСР определением от 20 октября 1947 г. переквалифицировал действия Балахтина на п. «в» ст. 162 и ст. 166-а УК РСФСР и наказание по совокупности преступлений определил в пять лет лишения свободы с поглощением наказания, данного приговором военного трибунала от 3 октября 1944 г.

Верховный суд СССР признал, что определение Верховного суда РСФСР, как вынесенное с нарушением ст. 465 УПК РСФСР, не может быть оставлено в силе. «Согласно этой статье говорится в определении Верховного суда СССР, ссылающейся на ст. 49 УК РСФСР, поглощение последующего приговора предыдущим возможно только при тех усло-

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1951 г. № 4, стр. 22.

виях, если каждое из преступлений, входящих в совокупность, совершено до вынесения первого приговора. В тех же случаях, когда второе преступление, входящее в совокупность преступлений, совершено после вынесения первого приговора, как это имело место, в частности, по данному делу, нельзя меньшее наказание по последующему приговору поглощать первым приговором, так как при таком порядке оставались бы безнаказанными любые преступления, совершенные после первого приговора, если по этим преступлениям назначено меньшее наказание, чем по первому приговору».

В приведенном случае суду следовало руководствоваться не ст. 465 УПК РСФСР, а постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1933 г., которое разъясняет судам их право либо присоединить неотбытую часть наказания по первому приговору полностью или частично к наказанию по второму приговору либо поглотить неотбытую часть наказания по первому приговору вторым приговором. Второй вариант, т. е. поглощение неотбытой части наказания, может иметь место только в том случае, когда наказание по второму приговору превышает размер неотбытого наказания по первому приговору либо же по меньшей мере равно ему, так как нельзя поглотить меньшим наказанием большее.

По первому приговору Балахтин был осужден на десять лет лишения свободы, а по второму с изменением, внесенным Верховным судом РСФСР, на пять лет лишения свободы. К моменту вынесения второго приговора Балахтину осталось по первому приговору отбывать еще девять лет. Поэтому неотбытую часть наказания в этом размере нельзя поглотить наказанием в пять лет, назначенным Верховным судом РСФСР по второму приговору. Здесь должен быть применен принцип сложения наказания, а так как общий размер лишения свободы по совокупности преступлений не может быть определен в данном случае свыше десяти лет, то Балахтину может быть максимально определено наказание в десять лет лишения свободы, считая срок отбытия наказания с 29 сентября 1947 г., т. е. с момента вынесения второго приговора по делу [1].

Итак, сложение наказания обязательно в тех случаях, когда за новое преступление, совершенное осужденным во время отбывания наказания по первому приговору, судом назначено наказание меньшее по размеру, чем то, которое ему осталось отбывать по первому приговору.

В соответствии со ст. 28 УК РСФСР и аналогичными статьями УК других союзных республик общий срок лишения свободы не может превышать десяти лет, а по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах — двадцать пять лет.

Предельный срок исправительно-трудовых работ согласно ст. 30 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик установлен в один год.

В связи с более поздними законодательными актами, устанавливающими по отдельным видам преступлений, например, по указам от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» лишение свободы свыше десяти лет, некоторые практические работники при применении наказания по принципу сложения считают возможным устанавливать наказание в общей сложности более десяти лет, хотя ни одна из статей Уголовного кодекса, входящих в совокупность, не предусматривает лишения свободы на срок более десяти лет.

По этому вопросу содержится принципиальное указание в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Гусева, осужденного по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1948 г. № 2, стр. 19.

к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а с присоединением наказания, неотбытого по прежней судимости, к одиннадцати годам и трем месяцам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Коллегия Верховного суда СССР оставила этот приговор в силе. Гусев признан виновным в том, что, отбывая наказание по ранее вынесенному приговору, он в ночь на 28 августа 1947 г., разобрав потолочное перекрытие материального склада, проник в склад, из которого совершил хищение товаров. Рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, Пленум Верховного суда СССР нашел, что суд неправильно определил наказание за совокупность совершенных преступлений, а коллегия не устранила этого нарушения, допущенного судом первой инстанции. Так как ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, по закону не предусмотрено лишение свободы на срок свыше десяти лет, суд в силу ст. 28 УК РСФСР не мог по совокупности назначить наказание, превышающее этот срок.

В связи с этим Пленум постановил во изменение приговора суда назначить наказание Гусеву в десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах и без конфискации имущества с поглощением неотбытой части наказания по предыдущему приговору [1].

Аналогичная ошибка при назначении наказания в виде исправительно-трудовых работ была допущена линейным судом Литовской ж. д. по делу Ромадова, осужденного к одному году исправительно-трудовых работ с присоединением к этой мере наказания двух месяцев исправительно-трудовых работ, не отбытых Ромадовым по предыдущему приговору народного суда. В общей сложности Ромадову было назначено наказание в четырнадцать месяцев исправительно-трудовых работ.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, основываясь на ст. 30 УК РСФСР, внесла изменение в приговор, определив наказание Ромадову в виде исправительно-трудовых работ на один год с поглощением неотбытой части наказания по приговору народного суда [2].

Некоторые судебные работники не поняли указаний Верховного суда СССР, данных в приведенных выше постановлении Пленума и определении Железнодорожной коллегии.

Так Стикановский по приговору Саратовского областного суда от 29 марта 1952 г. был осужден по ст. 168, ч. 1, УК РСФСР к лишению свободы на два года. На основании ст. 49 УК РСФСР суд к наказанию по этому приговору присоединил неотбытую часть наказания по приговору народного суда 2-го участка Микояновского района г. Астрахани от 5 октября 1951 г., по которому он был осужден по ст. 192, ч. 2, УК РСФСР, и определил таким образом наказание Стикановскому в три года пять месяцев и 22 дня лишения свободы. Верховный суд РСФСР определением от 17 апреля 1952 г. изменил приговор, применив принцип поглощения. Мотивируя применение такого решения, Верховный суд РСФСР указал, что суд не мог применить принцип сложения, так как максимальный срок наказания, предусмотренный санкцией ст. 168, ч. 1, УК, равен двум годам лишения свободы.

Это определение Верховного суда РСФСР противоречит постановлению Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1933 г., в котором говорится о том, что суд при применении наказания по принципу сложения не может превышать предела, установленного для данного вида наказания, т. е. десяти лет лишения свободы. Таким образом, санкция конкретной статьи Уголовного кодекса должна учитываться только в тех случаях, когда суд, применив принцип соединения наказания, определит

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1949 г. № 8, стр. 10.
[2] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1950 г. № 1, стр. 25.

его в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет. В пределах этого срока суд может соединять наказание независимо от санкции конкретной статьи Уголовного кодекса.

Если стать на точку зрения Верховного суда РСФСР, сформулированную в определении по делу Стикановского, то суд практически не может применять принцип сложения наказания.

В свете указаний, содержащихся в определениях Верховного суда СССР по вопросу о применении принципа поглощения наказаний, встает весьма актуальный, в практике еще не разрешенный, но неизбежно возникающий вопрос о том, подлежит ли поглощению более поздним приговором наказание, уже отбытое осужденным за аналогичное преступление, совершенное до вынесения первого приговора.

Например, Сидоров 22 мая 1948 г. совершил преступление, предусмотренное ст. 169, ч. 1, УК РСФСР, за которое ему грозило наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. При возбуждении дела Сидоров скрылся. Скрываясь от органов следствия, он 10 октября 1949 г. совершил аналогичное преступление, за которое он по ст. 169, ч. 1, УК был осужден к полутора годам лишения свободы, которые отбыл 10 марта 1951 г. После освобождения из-под стражи Сидоров был задержан и привлечен к судебной ответственности за мошенничество, совершенное им 22 мая 1948 г., и осужден к двум годам лишения свободы. Суду при вынесении приговора было известно, что Сидоров только что отбыл наказание по первому приговору, но, несмотря на это, он не применил принципа поглощения, хотя преступление по второму приговору было совершено раньше преступления, за которое он отбыл уже наказание.

Исходя из точного смысла ст. 465 УПК РСФСР и сложившейся судебной практики, суд обязан был поглотить наказанием по второму приговору, как более тяжким, уже отбытое наказание по первому приговору, т. е., назначив два года лишения свободы, установить срок отбывания с 10 октября 1949 г. (со дня применения наказания по первому приговору). Таким образом Сидорову осталось бы отбыть еще шесть месяцев лишения свободы. Не сделав этого, суд грубо нарушил ст. 465 УПК РСФСР, т. е. фактически применил принцип сложения и вместо двух лет лишения свободы, к которым Сидоров был бы приговорен, если бы оба дела рассматривались в один день, он фактически оказался осужденным к трем с половиной годам лишения свободы.

Глубоко ошибочными являются рассуждения некоторых работников о том, что осужденный (в данном случае Сидоров) отбыл наказание за одно преступление, а затем его осудили за другое, «самостоятельное» преступление, — и поэтому не может быть и речи о поглощении. Нам представляется, что факт отбытия осужденным более мягкого наказания по первому приговору не может оказать влияния на применение принципа поглощения при назначении наказания по второму приговору за аналогичное преступление, совершенное до вынесения первого приговора.

ПОНЯТИЕ ОГОВОРА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

М. Гродзинский

Что такое оговор? Об оговоре в ряде случаев идет речь в приговорах суда первой инстанции, в определениях вышестоящих судов, в актах предварительного расследования, и, казалось бы, ответ на этот вопрос не может вызывать никаких сомнений и затруднений. В действительности, однако, это не так. Оговор нередко понимают по-разному, что не может не привести к известным неясностям и затруднениям при оперировании доказательствами там, где в уголовных делах есть показания обвиняемого, приписывающего совершение преступления кому-нибудь другому.

Различное понимание сущности оговора зависит от того, что в известной части нашей уголовно-процессуальной литературы, и в первую очередь в литературе учебной, еще нет четкости в этом вопросе.

Рассматривая показания обвиняемого как доказательство и останавливаясь особо на оговоре, проф. М. Строгович определяет его как «показания одного сознавшегося обвиняемого, уличающие другого обвиняемого или посторонних лиц», причем подчеркивает, что «при оценке показаний обвиняемого, оговаривающего другое лицо, требуется особая осторожность и особо критический подход» и что «следствие и суд должны в каждом отдельном случае выяснить, в какой мере обвиняемый путем оговора старается облегчить свою участь и в какой мере его показания соответствуют действительности» («Уголовный процесс», 1946, стр. 209). Отсюда, по мысли проф. Строговича, следует, что после соответствующего анализа оговору может быть дана как отрицательная, так и положительная оценка, иными словами, что оговор может быть признан как ложным, неправильно приписывающим другому лицу совершение преступления, так и устанавливающим виновность лица, действительно совершившего данное преступление.

В своем учебнике советского уголовного процесса издания 1951 года (стр. 184) проф. Чельцов пишет: «Оговором процессуальная теория называет утверждение одного из обвиняемых, что данное преступление совершил или в нем принимал участие другой обвиняемый. Оговор может быть сделан как сознающимся, так и несознающимся обвиняемым. Оговор может быть правильным по существу и ложным».

Таким образом, проф. Строгович называет оговором только показания сознавшегося обвиняемого, а проф. Чельцов включает сюда также показания и несознавшегося обвиняемого. С другой стороны, проф. Чельцов называет оговором только те показания обвиняемого, которые относятся к другому обвиняемому по тому же делу; напротив, проф. Строгович называет оговором показания обвиняемого, приписывающего любому лицу совершение того же или какого-либо иного преступления. Вместе с тем все эти авторы согласны между собой в том, что оговор может быть и правильным по существу и ложным.

Широко понимает оговор также А. Рохленко в своей статье «Оговор по делам о хищениях» («Социалистическая законность» 1952 г. № 6). Касаясь оценки оговора, он находит «неправильным огульное недоверие к оговору и самооговору обвиняемых вообще, не исключая и тех случаев, когда обвиняемые оговором отягчают свою вину». Очевидно, что если

огульное недоверие к оговору недопустимо, значит оговор должен быть каждый раз подвергнут рассмотрению и оценке для того, чтобы решить, заслуживает ли он доверия и в какой мере. А так как ответ на этот вопрос может оказаться и отрицательным и положительным, то отсюда следует, — хотя автор этого прямо и не говорит, — что в одних случаях оговор будет отвергнут как неправильный, ложный, а в других, напротив, будет принят как доказательство, правильно уличающее лицо, которое действительно совершило преступление.

Но, приводя этот взгляд на оговор, А. Рохленко одновременно отмечает существенное расхождение между пониманием оговора в процессуальной литературе, с одной стороны, и в обычном словоупотреблении, с другой: «Процессуальная теория понимает под оговором во всех случаях дачу обвиняемым показаний в отношении других лиц независимо от того, правдивы ли эти показания или нет, а под самооговором — дачу обвиняемым показаний о своей преступной деятельности. В обыденной жизни под оговором и самооговором разумеют неправдивые показания о других лицах или о себе». Поэтому, по мнению автора, «ученым юристам надлежало бы... пересмотреть теоретическое определение оговора и самооговора».

А. Рохленко совершенно прав, выдвигая требование о пересмотре определения оговора. Но требование это должно быть предъявлено не ко всем процессуалистам, а только к тем, кто понимает оговор широко, как такое относящееся к другому лицу показание обвиняемого, которое может быть признано ложным, но может в других случаях оказаться и правильным по существу. Между тем такой взгляд на оговор вовсе не является общепризнанным в советской уголовно-процессуальной литературе.

В противоположность приведенным высказываниям о сущности оговора акад. А. Я. Вышинский вкладывает в понятие оговора иное содержание. Говоря о показаниях обвиняемых в делах о заговоре и иных, им аналогичных, акад. А. Я. Вышинский указывает, что «в делах подобного рода, как и вообще в делах с несколькими обвиняемыми, может иметь место так называемый оговор, ложное показание, являющееся следствием либо ошибки либо умысла». И далее: если объяснения обвиняемого «не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором». Этим определяется и отношение к оговору там, где он встречается в уголовных делах: «Оговор — это опаснейшее средство в руках обвиняемого, опаснейшее орудие против правосудия... Но в руках следствия, внимательно и умело пользующегося средствами исследования, оговор теряет свою остроту и опасность» («Теория судебных доказательств в советском праве», 1950, стр. 265).

Определение оговора как показания обвиняемого, ложно приписывающего другому лицу совершение преступления, является единственно правильным и приемлемым. На это с исчерпывающей ясностью указывает самый термин, обозначающий данное понятие. Оговорить — значит «опорочить, обвинять в чем, оклеветать, возводить небылицу» (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, 1935, т. 2, стр. 607); оговорить — это то же, что «объявить, сказать что-либо предосудительное, порочащее о ком-либо, очернить, оклеветать» («Толковый словарь русского языка», под ред. проф. Д. Н. Ушакова, 1938, т. 2, стр. 749). Отсюда следует, что в уголовном процессе оговор означает такое показание обвиняемого, которое необоснованно порочит другое лицо, ложно приписывает этому лицу совершение преступления. В соответствии с этим должны быть признаны неправильными все те определения, которые произвольно вносят в понятие оговора несвойственное ему содержа-

ние и рассматривают оговор как всякое показание обвиняемого, говорящего о совершении преступления другим лицом, независимо от того, является ли это показание правдивым и правильным или же ложным.

Против такого широкого и неправильного по существу определения оговора говорит также практика Верховного суда СССР. В ряде случаев Верховный суд СССР отменяет приговоры в отношении тех, кто был осужден на основе противоречивых, неправильных, опровергнутых материалами дела показаний других подсудимых, иными словами, рассматривает такие показания как оговор, однако оговором их не называет и вообще этого термина не применяет. Таковы, в частности: постановления Пленума Верховного суда СССР от 26 апреля 1939 г. по делу Караулова и от 26 декабря 1939 г. по делу Учителева, определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 5 апреля 1939 г. по делу Малочко, от 4 декабря 1940 г. по делу Мурадова и Намазова, от 7 августа 1941 г. по делу Хмелева, от 6 января 1943 г. по делу Трояновской и Горбачевой, от 12 мая 1945 г. по делу Рамазанова («Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР», 1948, стр. 157, 158, 170, 182, 183, 187, 198). Сюда же должны быть отнесены позднейшие определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР: от 23 февраля 1949 г. по делу Васильевой, от 8 февраля 1950 г. по делу Колесниченко, от 6 июня 1951 г. по делу Дегтярева, от 17 октября 1951 г. по делу Авербух; определение Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 2 февраля 1952 г. по делу Городецкого и др. («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 5, стр. 37; 1950 г. № 4, стр. 15; 1951 г. № 9, стр. 11; 1952 г. № 2, стр. 8 и № 4, стр. 11).

В других своих постановлениях и определениях Верховный суд СССР, отменяя приговоры, основанные на такого рода показаниях подсудимых, определяет эти показания как оговор. Вот примеры тому.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР 20 января 1939 г. был отменен приговор в отношении Кулешова и дело было в этой части прекращено потому, что приговор этот «основан исключительно на голословном оговоре Лукьянова и никакими другими материалами дела не подтверждается». («Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР», 1948, стр. 168).

Своим постановлением от 6 января 1950 г. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор по делу Рудь, как основанный на показаниях осужденного по тому же делу Бабенко, который «старался смягчить свою вину, утверждая, что преступление он совершил потому, что Рудь натолкнул его на это. Это обстоятельство при наличии противоречий в показаниях Бабенко дает все основания полагать, что последний ложно оговорил Рудь с целью уменьшить свою ответственность» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 8).

Отменив приговор и прекратив дело в части, относящейся к Балашову и Синицыну, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отмечает в своем определении от 5 апреля 1950 г., что «показания Гарнина и Демина в отношении Балашова и Синицына носят характер оговора», а также, что «не собрано достаточных доказательств в отношении Синицына, кроме оговора обвиняемых Демина и Григорьева, стремившихся переложить свою вину на него» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 8).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определением 26 января 1952 г. признала, что не могут служить доказательством виновности Величко «противоречивые показания Бережной и Гриценко... носящие характер оговора Величко с целью избежать ответствен-

ности за совершенные ими хищения материальных ценностей» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 4).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР 16 февраля 1952 г. отменен приговор и прекращено дело в отношении Лысова по тем соображениям, что приговор этот был основан на показаниях осужденной по тому же делу Максимовой, между тем как эти показания «не могут считаться доказательством виновности Лысова, поскольку они не подтверждены объективными фактами, являются оговором Лысова в целях смягчения своей ответственности и опровергаются другими доказательствами» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 1—2).

Оговором называет Верховный суд СССР неправильные, опровергнутые иными материалами дела показания подсудимых в отношении других подсудимых также в постановлении Пленума от 7 декабря 1951 г. по делу Колесникова, в определениях Судебной коллегии по уголовным делам от 19 апреля 1950 г. по делу Бондаренко, от 8 июля 1950 г. по делу Царитовых, от 29 октября 1950 г. по делу Шашина, в определении Водно-транспортной коллегии от 5 сентября 1951 г. по делу Басовского («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 1—3; 1950 г. № 7, стр. 15 и № 9, стр. 19; 1951 г. № 2, стр. 19 и № 12, стр. 14).

Вместе с тем иногда Верховный суд СССР иначе понимает оговор. Так по делу Абрамяна, осужденного вместе с другими лицами за хищение масла, принадлежащего колхозу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 10 мая 1950 г. указала, что при наличии оговора Меликосяна как участника хищения, при отсутствии других доказательств виновности Абрамяна в данном преступлении и без проверки объяснений Абрамяна у суда не было достаточно оснований для признания его соучастником хищения, почему приговор был отменен и дело передано на новое расследование («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 14). В данном случае Верховный суд СССР, называя показания Меликосяна оговором, не отверг эти показания как неправильные, а лишь признал, что показания эти не могут быть положены в основу приговора без надлежащей их проверки, иными словами, признал, что в зависимости от результатов такой проверки эти показания могут быть признаны ложными, но могут оказаться и правильными, соответствующими действительности.

Однако такое понимание оговора, которое нашло свое выражение в приведенном определении по делу Абрамяна, встречается в практике Верховного суда СССР лишь в виде исключения. И поэтому неправильно утверждение проф. Чельцова, по мнению которого Верховный суд СССР «считает, что оговор может быть как правильным по существу, так и ложным» («Советский уголовный процесс», учебник, 1951, стр. 185, примечание). Вся многолетняя кассационная и надзорная практика Верховного суда СССР говорит об ином — о том, что Верховный суд СССР в постановлениях Пленума и в определениях коллегий рассматривает, по общему правилу, оговор как неправильное, ложное, опровергнутое материалами дела показание обвиняемого о совершении преступления другим лицом и, в полном соответствии с этим, отменяет те приговоры, которые были вынесены на основе такого оговора.

Правильное определение оговора имеет существенное практическое значение. Если понимать под оговором, как это предлагают некоторые авторы, всякое — как правдивое, правильное, так и ложное — показание обвиняемого, приписывающего другому лицу совершение преступления, то в этом случае каждый оговор будет представлять собой доказатель-

ственный материал, который еще только подлежит рассмотрению и может при известных условиях получить положительную оценку. Но принять это положение — значит признать возможным вынесение судом такого приговора, в котором было бы указано, что данное лицо осуждено на основе доказательств, к числу которых относится и оговор, исходящий от другого подсудимого по данному делу. Между тем достаточно вспомнить, что самое слово «оговор» имеет совершенно определенный отрицательный смысл, чтобы стало ясным, что невозможна, немыслима такая формулировка приговора в советском суде. В действительности оговор — это ложное показание обвиняемого, говорящего о совершении преступления другим лицом; поэтому то или иное показание обвиняемого может быть признано и названо оговором только после того, как оно будет рассмотрено в установленном порядке и будет признано ложным, не соответствующим действительности. При этом исключается всякая возможность рассматривать оговор как доказательство виновности того лица, которого он касается. Только такое понимание оговора обеспечивает правильное оперирование этим понятием в теории и в практике и четкую, правильную формулировку соответствующих следственных и судебных актов в советском уголовном процессе.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Член суда ***А. Дунаевский***

В печати поднимался вопрос относительно повышения качества протоколов судебных заседаний. Интерес к этому вопросу не случайный, так как протокол судебного заседания, будучи наряду с приговором важнейшим процессуальным документом, призван отразить в себе законность и обоснованность действий суда при рассмотрении уголовного дела.

Известно, что установление объективной истины по делу представляет собой первостепенную задачу, стоящую перед судом при рассмотрении им того или иного преступного деяния. Именно протокол судебного заседания и является тем судебным документом, который должен наиболее полно характеризовать, насколько суд справился с этой задачей.

Значение протокола судебного заседания как документа огромной процессуальной важности вытекает из того, что кассационные и надзорные инстанции на его основании проверяют и решают вопрос о правильности всех действий суда первой инстанции, о том, соответствует ли вынесенный приговор данным, установленным этим судом.

Вывод суда первой инстанции, в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Поэтому данные предварительного следствия должны быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора.

Не будет поэтому преувеличением сказать, что протокол судебного заседания является не только важнейшим, но и решающим процессуальным документом, обосновывающим приговор, документом, который представляет интерес не только для суда второй инстанции, но и для осужденного.

Однако такой интерес осужденного, являющийся в соответствии со ст. 81 УПК РСФСР вполне законным, в практике многих судов не находит удовлетворения, хотя постановлением 47-го Пленума Верховного суда СССР специально предусмотрено, что на обязанности председательствующих лежит обеспечение установленного законом порядка принятия и обсуждения замечаний сторон на протокол.

Зачастую осужденные не знают, как составлен протокол судебного заседания, так как не всегда знакомы с правом, предоставленным им ст. 81 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК союзных республик; права этого подсудимым не разъясняют ни до начала судебного следствия, ни по вынесении приговора.

Правда, закон прямо не обязывает суд разъяснить подсудимому как стороне его право подать замечания на протокол. Это и дает повод некоторым судебным работникам считать, что о своем праве, предусмотренном ст. 81 УПК РСФСР, подсудимый должен знать сам и никаких разъяснений ему от суда не требуется. Это — неверный взгляд. Обязанность суда разъяснять подсудимому указанное право очевидна, так как смысл действий суда, разъясняющего подсудимым все принадлежащие

им права, состоит в том, чтобы права эти были не только формально провозглашены, но и действительно осуществлены.

На таком именно прочном фундаменте действительного осуществления предоставленных подсудимому процессуальных прав построен весь наш советский, самый демократический в мире уголовный процесс.

Поэтому не заслуживает внимания и мнение отдельных судебных работников о том, что выполнение требований ст. 81 УПК в отношении подсудимых вызовет различные осложнения, трудности и потерю времени.

Еще 28 октября 1935 г. состоялось постановление Пленума Верховного суда СССР, в котором прямо предусмотрено, что «председательствующий должен... разъяснить сторонам их право представлять замечания на протокол» (см. «Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», М., 1946, стр. 188).

Постановление это относится к соблюдению процессуальных норм в гражданском процессе, но мы не видим никаких оснований, чтобы такая же обязанность не распространялась и на председательствующего в судебном заседании по уголовным делам.

Ведь не вызывает ни у кого сомнения, что невыполнение председательствующим, например, требований ст. 277 УПК РСФСР является грубым процессуальным нарушением, ущемляющим права подсудимого. Но разве, скажем, право подсудимого задавать вопросы другим подсудимым или свидетелям (право, которое, кстати сказать, для него очевидно и которое тем не менее должно быть разъяснено), разве оно более значительно, чем вытекающее из ст. 81 УПК право проверить, как записаны в протоколе судебного заседания эти и иные услышанные подсудимым в суде показания, на основании которых будет решен вопрос об его виновности?

Действительно. В стадии предварительного расследования обвиняемый не только знает о полном содержании своих показаний, под которыми он обязательно расписывается, но знает и все оконченное производство по делу. Обвиняемый не в состоянии защищаться, не зная полностью, что содержится в материалах следствия. И не случайно в ст. 206 УПК РСФСР говорится не об оглашении обвиняемому материалов следствия, а о предоставлении ему возможности лично ознакомиться со всем производством по делу. Такое личное ознакомление производится несмотря на то, что обвиняемый в ходе следствия сам слыхал показания свидетелей на очной ставке, присутствовал при проведении следственного эксперимента, экспертизы, осмотра и т. д. Ясно, что без соблюдения требований ст. 206 УПК дело вообще нельзя рассматривать.

Но если в такое, вполне понятное положение, поставлен обвиняемый на предварительном следствии, то тем более он должен пользоваться им не в меньшей мере в стадии судебного разбирательства, в стадии, завершающейся вынесением приговора.

Подавая кассационную жалобу и этим продолжая осуществлять свое право на защиту, осужденный не в меньшей, если не в большей мере, чем на предварительном следствии, заинтересован в том, чтобы знать, что написано в протоколе судебного заседания, как отражены в нем исследованные судом обстоятельства, и при необходимости представить свои замечания.

Такое существенное право должно быть, несомненно, разъяснено подсудимому, и невыполнение этого судом надо признать ущемлением прав обвиняемого. Дело подсудимого распорядиться своим правом, но оно должно быть для него ясно.

Практика показывает, что в ряде случаев поступающие в порядке ст. 81 УПК от прокурора и адвоката замечания на протокол (от подсудимых такие замечания не поступают по указанным причинам) обнаруживают весьма существенные искажения в протоколе судебного заседания по сравнению с тем, что имело место в суде.

Верховный суд СССР, предъявляя серьезные требования к качеству составления протоколов, по ряду дел прямо высказывал сомнение в достоверности записей протоколов судебного заседания.

Так, отменяя приговор Харьковского областного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда Украинской ССР по делу Соколовской и др. («Судебная практика» 1950 г., вып. V, стр. 24), Судебная коллегия Верховного суда СССР указала: «Протокол судебного заседания составлен крайне небрежно. К записям показаний ряда лиц сделаны приписки без оговорок, причем приписки иногда вносят противоречия в показания. Так, по записям протокола судебных заседаний свидетель Соколова утверждала, что Соколовская дала ей указание сделать дописки в складские документы, а несколько ниже к ее показаниям сделана неоговоренная приписка, утверждающая обратное. Такие же неоговоренные приписки сделаны к записям показаний свидетеля Гольдман, подсудимого Бульвоштейна и др.».

В определениях по делу Ченкетадзе и др. («Судебная практика» 1951 г. № 11, стр. 25—26), отменяя приговоры, Судебная коллегия Верховного суда СССР высказала сомнение в правдоподобности записей в протоколах судебных заседаний о том, что якобы подсудимые отказались от защиты, так как процессы проведены с участием прокурора, а из материалов дела даже не видно, чтобы подсудимым были назначены адвокаты. Если бы осужденные знали о своем праве подать замечания на протокол, они, ознакомившись с протоколом, не прошли бы мимо приведенных фактов, и протокол был бы приведен в соответствие с тем, что было в суде.

Примеры эти, как бы единичны они ни были, указывают на то, как важно для правильного осуществления правосудия выполнение ст. 81 УПК РСФСР в том смысле, чтобы осужденному было разъяснено право ознакомления с протоколом судебного заседания и подачи замечаний.

Разъяснить подсудимому право, предоставленное ст. 81 УПК, по нашему мнению, должен председательствующий после оглашения приговора, что необходимо отметить в протоколе. Право это надлежит разъяснить независимо от того, есть ли у подсудимого защитник или нет.

Когда осужденный заявит ходатайство об ознакомлении с протоколом, такая возможность ему должна быть предоставлена независимо от того, последуют ли за этим замечания или кассационная жалоба. Об ознакомлении осужденного с протоколом должна быть сделана соответствующая отметка.

Разъяснение подсудимому права подачи замечаний на протокол судебного заседания, как и сама подача таких замечаний, являясь важной процессуальной гарантией соблюдения судом прав и интересов обвиняемых, приведет к повышению качества протоколов судебных заседаний, повысит чувство ответственности за их составление, будет содействовать тому, чтобы протоколы изготовлялись непосредственно в судебном заседании.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПРОКУРОРСКО-СЛЕДСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ

На XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза товарищ Маленков в отчетном докладе Центрального Комитета ВКП(б) указал, что «идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии, и недооценка этой работы может нанести непоправимый ущерб интересам партии и государства. Мы должны всегда помнить, что всякое ослабление влияния социалистической идеологии означает усиление влияния идеологии буржуазной».

Идеологическая работа, идейно-политическое воспитание кадров имеет первостепенное значение. Научное знание законов общественного развития, владение в совершенстве марксистско-ленинской теорией — залог нашего успешного движения вперед, к коммунизму.

Основным условием в деле воспитания прокурорско-следственных работников является их идейно-политический рост, повышение их юридической квалификации. Чтобы умело руководить, успешно выполнять порученное дело, надо повседневно и настойчиво учиться, овладевать знаниями. Очевидно, что если работник равнодушен к теории, то его деятельность не может быть удовлетворительной. В эпоху построения коммунистического общества не может быть ни одного истинно культурного советского человека, который бы повседневно не обращался к истории и теории большевизма, к основам научного мировоззрения, не только объясняющего мир, но и являющегося руководством к его изменению.

Наша задача заключается в том, чтобы путем марксистско-ленинского воспитания прокурорских работников всячески способствовать дальнейшему укреплению социалистической законности и советского правопорядка, повышению государственной дисциплины в различных областях советского строительства и укреплению прокурорских органов.

Наша задача заключается и в том, чтобы путем марксистско-ленинского воспитания прокурорско-следственных работников еще больше укрепить их морально-политический облик, укрепить в них высокую идейность, партийность и большевистскую принципиальность, большевистскую революционную бдительность, творческую инициативу в работе и социалистическое отношение к труду, непримиримость к недостаткам, прямоту, правдивость и безукоризненную честность.

Задача воспитания в наших работниках высоких моральных качеств обязывает повседневно заботиться о повышении их идейно-теоретического уровня, об их идейно-политической закалке.

Идейно-политическое воспитание наших работников осуществляется путем обучения их в сети партийного просвещения — в вечерних университетах марксизма-ленинизма, районных партийных школах и семинарах при городских и районных комитетах Коммунистической партии Советского Союза, путем самостоятельного изучения работниками трудов классиков марксизма-ленинизма, а также путем проведения с ними постоянных занятий, направленных на повышение их идейно-теоретического уровня и юридической квалификации.

В последние годы в сети партийного просвещения обучалось значительное количество работников, и многие из них окончили вечерние университеты марксизма-ленинизма и районные партийные школы. Но все же нельзя признать, что эта работа была поставлена должным образом. Прокуроры республик, краев и областей не принимают нужных мер к наибольшему вовлечению работников в стационарную сеть партийного просвещения, имеется большое количество работников, плохо занимающихся и неуспевающих, — это получается в результате отсутствия должной помощи партийным органам со стороны прокуроров республик, краев и областей и начальников отделов кадров.

Руководители наших органов нередко забывают, что на них как на политических руководителях лежит ответственность за идейно-политическое воспитание работников, а поэтому задачей каждой областной прокуратуры является не только вовлечь работников для обучения в университеты и партийные школы, но и действительно помочь партийной организации в осуществлении постоянного контроля над тем, как работники выполняют учебные планы и оканчивают ли они университеты и школы в строго установленные сроки.

При условии постоянной связи с партийными органами, с университетами и школами можно и нужно достигнуть полного изжития имеющейся неуспеваемости, второгодничества и обеспечить своевременное окончание обучающимися вечерних университетов и школ.

Залогом успешного выполнения задач в области обучения работников органов прокуратуры в вечерних университетах марксизма-ленинизма, районных партийных школах и семинарах при городских и районных комитетах партии, а также и самостоятельного изучения работниками тру

дов классиков марксизма-ленинизма является поддержание постоянной связи как с руководящими партийными органами, так и с местными партийными организациями. В целях осуществления контроля необходимо систематически практиковать в отношении работников района обращение к районным комитетам партии с просьбой проверить, как занимаются работники, самостоятельно изучающие труды классиков марксизма-ленинизма.

Практика выработала и другие методы контроля: использование в этих целях оперативных совещаний при прокуроре республики, края, области; обсуждение доклада о состоянии работы по идейно-политическому воспитанию кадров на оперативном совещании и вызов на него как успевающих, так и отстающих работников из районов; использование для проверки состояния работы по идейно-политическому воспитанию путем обращения в партийные органы всех выездов работников республиканского, краевого и областного аппарата на периферию.

Долг руководителей органов прокуратуры — быть всегда в курсе того, в каком состоянии находится работа по идейно-политическому воспитанию наших кадров, и помнить, что неослабное внимание к этому делу сможет обеспечить высокий идейный рост наших кадров.

Для повышения идейно-теоретического уровня работников должны быть использованы и другие, уже проверенные на практике формы работы.

Одной из таких форм является систематическое проведение постоянных занятий с оперативными работниками. Практика проведения таких занятий в республиканских, краевых и областных прокуратурах показала, что они значительно способствуют повышению идейно-теоретического уровня работников.

Однако все еще есть отдельные руководители органов прокуратуры, которые под всякими предлогами не проводят занятий или проводят их крайне нерегулярно, ссылаясь на всякие объективные причины. К числу таких прокуратур следует отнести, например, прокуратуры Ленинграда, Новгородской, Смоленской, Брянской и других областей, где занятия в прошлом учебном году вовсе не проводились. Плохо были организованы занятия в прокуратурах Узбекской, Киргизской, Таджикской и Карело-Финской ССР.

В подавляющем большинстве прокуратур систематическое проведение постоянных занятий сыграло большую положительную роль в идейно-политическом воспитании наших кадров. В качестве примеров можно привести ряд прокуратур, в которых постоянные занятия проводились систематически. Это относится, в частности, к прокуратурам Башкирской АССР и Краснодарского края, а также к прокуратурам Украинской и Литовской ССР, которые организовали эту работу не только в центре, но и в большинстве областей.

В органах прокуратуры в настоящее время работает большое количество лиц, имеющих высшее юридическое образование и политически вполне подготовленных. Мы обязаны растить из этих людей своих лекторов, которые вполне смогут читать квалифицированные лекции, тем более, что многие из наших работников являются членами общества по распространению политических и научных знаний. Практика последних лет во многих прокуратурах республик и областей показала, что наши работники успешно используются в качестве лекторов и в состоянии обеспечить этот участок работы. Для приглашения квалифицированных сил для чтения лекций необходимо, конечно, также использовать и помощь партийных органов, общества по распространению политических и научных знаний, а также имеющиеся в республиканских и областных центрах высшие учебные заведения.

В чем же заключаются основные задачи руководителей наших органов в организации и проведении постоянных занятий в областных и республиканских аппаратах?

Первая задача — это составление самого тематического плана. Здесь необходимо предостеречь работников от составления плана наспех, непродуманно, формально, что вызывает часто его невыполнение, срыв чтения лекций и отсутствие в нем гармонического сочетания лекций на политические, юридические и общекультурные темы. Обычно прокуратуры республик или областей берут за основу примерный тематический план Прокуратуры СССР, ежегодно рассылаемый на места, но из этого, конечно, не следует, что план этот должен быть взят без всяких корректив, — его необходимо дополнить и изменить исходя из потребностей и местных возможностей. В тематическом плане лекции на политические темы должны совпадать как по содержанию, так и по срокам с общим планом изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, утвержденным партийными органами в республиках, областях. Они должны быть направлены на оказание помощи самостоятельно изучающим марксизм-ленинизм. Юридическая тематика должна содержать в себе главным образом либо новое в области науки права, либо вопросы, освещение которых в лекциях необходимо для успешной практической работы органов прокуратуры. Определенное место в плане отводится и лекциям, направленным на повышение общекультурного уровня наших работников, на расширение их культурного кругозора. В этот раздел плана включаются темы, освещающие технический прогресс Советского Союза, рост культуры нашего советского народа. Тематический план должен быть обязательно календарным, и лекции должны читаться систематически.

Вторая задача заключается в том, чтобы

составить план продуманно и заранее. Нужно знать, кем из лекторов обеспечивается чтение лекций на ту или иную тему. Лектору из числа наших работников предоставляется срок не менее месяца для подготовки к лекции, и ему должна быть оказана в случае необходимости помощь как в части составления плана лекции, так и по снабжению его необходимой литературой. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что если руководители прокуратур республик, краев и областей добьются составления продуманного, политически насыщенного тематического плана, если они обеспечат систематическое чтение квалифицированных лекций, то тем самым они сделают большое дело в области идейно-политического воспитания наших кадров.

Для повышения общекультурного уровня наших работников республиканских и областных аппаратов можно рекомендовать хороший опыт, практикуемый в прокуратуре Туркменской ССР. Прочитав то или иное произведение советской литературы, главным образом из числа произведений, удостоенных Сталинских премий, группа работников собирается для обсуждения произведения, и каждый из участников высказывает свое мнение о ценности произведения, об его правдивости, о героях, оттеняет слабые места произведения и т. д. Таким образом, например, были обсуждены повесть Карелина «Младший советник юстиции», «Жатва» Николаевой и многие другие. Такая форма повышения культурного уровня работников может принести большую пользу.

Особую заботу мы должны проявить о повышении идейно-теоретического уровня и юридической квалификации работников районов.

Практика в этом деле идет по двум основным путям. Первый путь — это проведение учебно-методических семинаров и конференций с районными работниками. Ежегодно органы прокуратуры не один раз собирают в областной центр городских и районных прокуроров, их помощников и народных следователей на семинары и конференции. Правильно понимающие свои задачи руководители органов прокуратуры используют эти семинары не только в целях повышения юридической квалификации работников, но и для поднятия их идейно-теоретического уровня. Они заботятся о том, чтобы семинары не превращались в чисто деляческие совещания. Они насыщают их политическим содержанием, преследуя цель сочетания теории с практикой. Помимо квалифицированных лекций на юридические темы, помимо разбора конкретных материалов и дел, на таких семинарах обязательно читаются лекции по актуальным политическим вопросам, а также по вопросам науки, литературы и т. д. Именно такое проведение учебно-методических семинаров принесет нашим работникам настоящую пользу и поможет им успешнее разрешать поставленные перед ними задачи.

Второй путь — это проведение в районах постоянных занятий работников органов прокуратуры совместно с работниками органов юстиции, суда и милиции.

Практика проведения подобных занятий за два последних года показала, что эта форма повышения идейно-теоретического уровня и юридической квалифкации наших работников доказала свою полную жизнеспособность. Чтобы убедиться в этом, достаточно остановиться на хорошем опыте некоторых прокуратур по проведению постоянных занятий в районах.

Хорошо эта работа поставлена в органах прокуратуры Белорусской ССР. Успешное ее проведение было обеспечено тем, что руководством прокуратуры ей был предпослан ряд организационных мероприятий. Основным из них было обращение в партийные органы, которые помогли организовать постоянные занятия в районах. Многие районные комитеты партии осуществляют непосредственное руководство работой семинаров и обеспечивают своими силами чтение квалифицированных лекций. Так, например, в Октябрьском районе Бобруйской области на семинаре лекцию «О моральном облике советского работника» прочел секретарь районного комитета партии т. Казубович, в Дрибинском районе Могилевской области лекции по истории партии были прочитаны заведующим отделом пропаганды и агитации районного комитета партии т. Семиным и пропагандистом районного комитета партии т. Терентьевым.

Прокуратурой Белорусской ССР был разработан и разослан на места примерный тематический план занятий, в целях обмена опытом писались обзорные письма о проделанной работе, и в результате этого постоянные совместные занятия работников прокуратуры, суда и милиции были организованы почти во всех районах республики.

Благодаря тому, что постоянные занятия проводятся по заранее составленным планам и правильно организуются, они являются интересными и приносят участникам большую пользу. Об этом говорит ряд отзывов руководителей занятий. Так, например, руководитель занятий в Меховском районе Витебской области т. Семинидо пишет: «Слушатели проявляют исключительный интерес, и особенно работники милиции». Прокурор Браславского района Полоцкой области т. Симоненко сообщает: «Слушатели активно участвуют на занятиях в обсуждении вопросов по теме, задают вопросы, выступают на занятиях и высказывают свои мнения по изучаемой теме». Из сообщения прокурора Миорского района Полоцкой области т. Еленского, являющегося руководителем занятий, видно, что участники их проявляют активность при разборе в целях иллюстрации конкретных уголовных дел, об

суждают
расследова
вает такж
вопросов,
в районе и
тия по ук
конности
Другой
ведения
прокуратур
регулярнос
в тринадца
за истекш
140 заняти
гилевской
цати район
тие и т. д.
Успех эт
хорошо на
областных
этих занят
щи. Ряд об
стителей ч
налаживан
ведения за
Кроме п
постоянные
налажены
и республи
прокуратур
гельской и
Украинской
Таким об
форма раб
ретического
фикации ра
оправдала.
могла прив
ках и обла
прокуратур
ведению в
тия. Не чем
должного в
стку работ
тельство, чт
ные занятия
Не может
отсутствие з

Партия и
дого советс
и чуткого от
ниям трудящ
рассмотрени
очередь чу
поступающем
стись к каж
пременно им
лобой стоит
тщательная
и заявлени
к каждой ж
миримость к
советских за
всех работни
ным делом.

суждают недостатки, допущенные при их расследовании. Большую активность вызывает также обсуждение, например, таких вопросов, как состояние преступности в районе и меры борьбы с ней и мероприятия по укреплению социалистической законности в районе.

Другой отличительной особенностью проведения постоянных занятий в органах прокуратуры Белорусской ССР является регулярность их проведения. Так, например, в тринадцати районах Бобруйской области за истекший учебный год было проведено 140 занятий, в четырнадцати районах Могилевской области — 107 занятий, в пятнадцати районах Минской области — 101 занятие и т. д.

Успех этой работы обеспечивается также хорошо налаженным контролем со стороны областных прокуратур над проведением этих занятий, оказанием им активной помощи. Ряд областных прокуроров и их заместителей часто выезжают в районы для налаживания работы чтения лекций и проведения занятий.

Кроме прокуратуры Белорусской ССР, постоянные занятия в районах хорошо налажены и в ряде других областей и республик. К их числу следует отнести прокуратуры Башкирской АССР, Архангельской и Курской областей, ряд областей Украинской ССР и Грузинской ССР.

Таким образом, нужно признать, что эта форма работы по повышению идейно-теоретического уровня и юридической квалификации работников районов вполне себя оправдала. Не привилась она, — да и не могла привиться, — только в тех республиках и областях, где руководители органов прокуратуры несерьезно отнеслись к проведению в жизнь этого нужного мероприятия. Не чем иным, как только отсутствием должного внимания к этому важному участку работы, можно объяснить то обстоятельство, что в ряде прокуратур постоянные занятия до сих пор не организованы.

Не может найти никакого оправдания отсутствие занятий в таких прокуратурах, как прокуратуры Брянской, Грозненской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской и других областей РСФСР, Марийской и Мордовской АССР, Днепропетровской, Харьковской, Херсонской и Черниговской областей Украинской ССР, а также в ряде прокуратур Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской союзных республик.

Необходимо в текущем учебном году добиться такого положения, чтобы постоянные занятия в районах проводились повсеместно и регулярно, а для этого нужно проделать следующую работу: 1) обратиться в партийные органы с просьбой об оказании помощи в организации постоянных занятий; 2) помочь районам составить реальные тематические календарные планы занятий; 3) наметить руководителей постоянных занятий из числа наиболее подготовленных работников района, систематически поддерживать с ними связь и оказывать им необходимую методическую помощь; 4) силами работников республиканских и областных аппаратов оказывать районам постоянную помощь и установить контроль над занятиями главным образом путем выезда на места и принятия непосредственного участия в них.

Руководители органов прокуратуры обязаны приложить максимум энергии к тому, чтобы организовать постоянные занятия во всех районных центрах. Нет никаких сомнений, что эти занятия приносят большую пользу и что повсеместная организация их поможет реально повысить идейно-теоретический уровень и юридическую квалификацию работников.

Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных кадров является первостепенной задачей руководителей органов прокуратуры. На выполнение этой задачи должны быть направлены все наши силы, так как идейно-политический рост наших работников является главной гарантией коренного улучшения всей работы органов прокуратуры.

В. Андреевский

УЛУЧШИТЬ РАБОТУ ПО ЖАЛОБАМ В ОРГАНАХ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И В СУДАХ

Партия и правительство требуют от каждого советского работника внимательного и чуткого отношения к жалобам и заявлениям трудящихся. Правильно организовать рассмотрение жалоб означает в первую очередь чутко прислушаться к каждому поступающему сигналу, внимательно отнестись к каждой поступающей жалобе, непременно имея в виду, что за каждой жалобой стоит живой человек. Всесторонняя тщательная проверка поступающих жалоб и заявлений, внимательное отношение к каждой жалобе и большевистская непримиримость ко всем и всяким нарушителям советских законов — вот что требуется от всех работников, связанных с этим серьезным делом.

Жалобы и заявления граждан помогают выявлять нарушения закона, указывают на неполадки, имеющиеся в работе отдельных звеньев государственного аппарата, и поэтому правильная организация работы по рассмотрению жалоб имеет первостепенное значение.

Правильно использовать жалобы для улучшения работы управлений юстиции и суда можно только в том случае, если работа по жалобам будет периодически обобщаться и анализироваться.

В этих целях в Министерстве юстиции Таджикской ССР установлен такой порядок, что управление судебных органов ежеквартально производит обобщение и анализ по жалобам. Результаты обобщения

заслушиваются на заседаниях коллегий, где намечаются мероприятия, направленные на улучшение работы по жалобам. Эти мероприятия дали положительные результаты, и в работе по жалобам имеется улучшение. Сократились сроки рассмотрения и разрешения жалоб. Уменьшилось количество поступающих жалоб, первичных и повторных.

Анализ поступающих жалоб показывает, что подавляющее большинство жалоб, поступающих в Министерство юстиции Таджикской ССР и областные управления юстиции, — это жалобы на неисполнение судебных решений. Из числа жалоб на неисполнение судебных решений наибольший удельный вес занимают жалобы на волокиту с их исполнением и особенно на волокиту с исполнением судебных решений по алиментным делам. Подобное положение обязывает уделять особое внимание этой категории жалоб и принять серьезные меры для улучшения работы судебных исполнителей и для контроля над ними. Министерство юстиции Таджикской ССР разработало ряд мероприятий, направленных на улучшение работы по исполнению судебных решений.

Практика показала, что необходимо перестроить и работу управления судебных органов Министерства юстиции республики. Если раньше существовал такой порядок, что вопросами исполнения судебных решений занимались все ревизоры в пределах своих зон, то это приводило к тому, что они в первую очередь занимались состоянием судебной работы, а на исполнение судебных решений обращали мало внимания. Положение заметно улучшилось с тех пор, как мы в Министерстве юстиции республики выделили специального ревизора, на которого возложили работу по контролю над исполнением судебных решений. Выделенный ревизор стал систематически обобщать работу по исполнению судебных решений в целом по республике, выявлять неблагополучные участки и принимать меры к устранению имеющихся недостатков.

Естественно, что это ни в какой мере не сняло ответственности с остальных ревизоров. Наоборот, они были обязаны улучшить свою работу и при ревизиях судов и управлений юстиции обращать особое внимание на исполнение судебных решений. Те же ревизоры, которые плохо проверяли работу судебных исполнителей и допускали при этом ошибки, привлекались к ответственности.

В целях улучшения работы с судебными исполнителями ряда районов были проведены кустовые совещания, на которых был обсужден вопрос об улучшении работы по исполнению судебных решений и работы по жалобам. Некоторые судебные исполнители за волокиту по жалобам и за неисполнение судебных решений были привлечены к ответственности.

Одновременно нами принимаются меры к повышению ответственности судей за работу судебных исполнителей.

Улучшение работы по жалобам в аппарате Министерства юстиции республики дало возможность более внимательно следить за теми областями и участками судов, где хуже обстоит дело с исполнением судебных решений. Поступающие жалобы и результаты проверки использовались нами для улучшения работы по исполнению судебных решений. Так на основании поступивших жалоб были приняты меры к улучшению работы в народных судах Железнодорожного района Сталинабада.

Улучшить работу по жалобам можно будет только тогда, когда будут окончательно изжиты случаи волокиты и недисциплинированности. Этого можно достигнуть только в результате строгого контроля и реагирования на каждый случай волокиты или неправильного разрешения жалоб.

К очень плохим результатам приводит практика посылки неоднократных напоминаний по жалобам. Подобной практике должен быть положен конец, — необходимо немедленно реагировать на несвоевременное представление ответов по жалобам. В случаях несвоевременного представления ответов по жалобам можно практиковать вызов недисциплинированных работников в Министерство юстиции республики или в управление юстиции и заслушивание их на коллегии или оперативном совещании. В отдельных случаях можно практиковать предварительную проверку. Вызовы в Министерство юстиции Таджикской ССР отдельных недисциплинированных работников периферии и заслушивание их объяснений на заседаниях коллегии дали положительные результаты. Ответы на жалобы стали поступать своевременно.

Серьезный вопрос, который также требует большого внимания, — это правильное ведение делопроизводства по жалобам и их учет. Это — не технический вопрос, так как от правильного учета и оформления жалоб зависит многое. Всем известно, что запутанность в учете и в делопроизводстве по жалобам в ряде случаев приводит к серьезным последствиям. На учет и делопроизводство по жалобам в Министерстве юстиции Таджикской ССР обращено внимание. На каждую жалобу заводится отдельное производство, в которое подшивается вся переписка по этой жалобе. Раньше же вся переписка по жалобам подшивалась в на ряд, что затрудняло контроль над рассмотрением жалоб, особенно повторных.

Работа по жалобам — большой и ответственный участок. Эту работу можно доверить не каждому, а только опытному и добросовестному работнику. Должно быть запрещено разрешение жалоб второстепенными и малоопытными работниками. Однако еще часто встречается, что работа по жалобам в управлениях юстиции поручается второстепенным лицам. За работу по жалобам должны отвечать руководители учреждений, которые имеют право поручать исполнение по этому участку работы

только тем лицам, которые справятся с этим делом.

Ряд народных судей Таджикской ССР правильно организовал работу по жалобам. К числу таких судей относятся народные судьи Сталинабадского района т. Бабаев, Молотовабадского района т. Ишкнеев, Товиль-Доринского района Гармской области т. Донаев, Пархарского района Кулябской области т. Уралов и др. Они правильно и своевременно разрешают поступающие жалобы и дают правильные ответы. В этих судах налажен прием и устных жалобщиков.

Задача областных управлений юстиции и Министерства юстиции республики — распространить этот положительный опыт среди других судей.

Существующая инструкция по делопроизводству в народном суде от 31 августа 1949 г. и инструкция о рассмотрении жалоб в органах Министерства юстиции от 15 декабря 1948 г. не охватывают всех вопросов работы по жалобам. Как это ни странно, но инструкция по делопроизводству в народном суде не предусматривает учета и регистрации всех жалоб, поступающих в народный суд. Эта инструкция предусматривает ведение только журнала регистрации жалоб на действия работников суда (форма № 15) и книги жалоб посетителей, — следовательно, по смыслу инструкции все прочие жалобы в суде не должны регистрироваться. Естественно, что подобное положение не может способствовать улучшению работы по жалобам. На практике это приводит к тому, что в судах не ведется полной регистрации всех поступающих жалоб. В настоящее время в большинстве судов не регистрируются жалобы, подаваемые потерпевшими о преступлениях, требующих предварительного расследования. Эти жалобы просто пересылаются в органы прокуратуры. В результате невозможно установить, сколько времени они находились в суде и была ли допущена по ним волокита. Так при проверке народного суда Варзобского района было установлено, что заявление Файзуллаева об его избиении, которое требовало предварительного расследования, пролежало в суде две недели и было направлено в прокуратуру только после вмешательства ревизора Министерства юстиции Таджикской ССР. Не регистрируются в судах и другие жалобы, которые по своему характеру не являются жалобами на действия работников суда или, по мнению судьи, не подпадают под эту категорию.

Нам кажется, что в суде должен быть единый учет всех поступающих жалоб — вне зависимости от их характера, в том числе и жалоб на приговоры, решения и определения, действия нотариальных органов, а также жалоб, неподведомственных суду. Все они должны быть зарегистрированы, а после соответствующего направления должны быть отметки о принятых мерах и направлении жалоб. Только так можно будет обеспечить своевременное разрешение и учет всех жалоб и контроль над ними.

В тех судах, где заведен учет всех жалоб, вне зависимости от их категории, работа по жалобам проводится на должном уровне. По смыслу инструкции по делопроизводству, в народном суде не должно быть учета и всех посетителей. Предложенная инструкцией книга жалоб посетителей предусматривает записи жалоб самими посетителями. Между тем необходимо вести учет всех посетителей, обращающихся с жалобами и заявлениями в суд.

Инструкция Министерства юстиции СССР от 15 декабря 1948 г. не предусматривает, по сути дела, ведения делопроизводства по жалобам. Необходимо, чтобы в министерствах и управлениях каждая жалоба подшивалась в отдельные производства, а подшивка жалоб в общие наряды или в один наряд по жалобам была бы запрещена. Обязательно следует предусмотреть порядок снятия с контроля законченных жалоб. Так жалобы особого контроля могут быть сняты с контроля только по распоряжению министра юстиции республики и начальника управления юстиции или их заместителей. Однако упомянутая инструкция этого не предусматривает.

Заместитель Министра юстиции
Таджикской ССР
Н. Светозаров

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ НАРОДНОГО СУДЬИ 2-го УЧАСТКА КЛИНЦОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ т. И. Ф. ЗОТОВОЙ

Тов. Зотова на судебной работе с декабря 1951 года. До этого она на судебной работе не работала и практического опыта не имела.

Первые месяцы тов. Зотова вдумчиво и терпеливо изучала определения судебных коллегий по уголовным и гражданским делам, анализировала причины отмены приговоров и решений и пришла к несложному выводу, что она слабо усвоила законодательство и надеялась на свою память после окончания юридического института.

Анализируя свои ошибки, т. Зотова установила и причины отмены. Так по делу о лесонарушении взыскан ущерб с несовершеннолетнего без привлечения его родителей; по делу о возмещении вреда в порядке ст. 403 ГК необходимо наличие вины, суд же, установив причинителя вреда и обстоятельства, исключающие его ответствен-

ность, поскольку он не мог предотвратить наступления вреда, не освободил его от ответственности; было принято к производству народного суда неподсудное дело, которое подлежало разрешению местным Советом.

Подготовка народного судьи к рассмотрению дел в судебном заседании имеет исключительное значение. Тов. Зотова поставила своей задачей обязательно готовиться к рассмотрению каждого дела, — будь оно простое или сложное, уголовное или гражданское. Это увенчалось успехом. Отмена в областном суде прекратилась. С тех пор т. Зотова поставила себе за правило тщательно проводить досудебную подготовку, так как убедилась, что без этого совершенно немыслима успешная работа народного суда.

Предварительную подготовку гражданских дел т. Зотова проводит таким образом. Все без исключения дела, назначенные к слушанию, внимательно изучаются накануне дня их слушания, выясняются все неясные вопросы, могущие возникнуть во время их рассмотрения в суде, заранее подбирается нужное законодательство, намечаются вопросы, подлежащие выяснению в суде. По более сложным исковым делам т. Зотова после приема искового материала тут же, через истца, посылает повестку ответчику с предложением явиться в суд в один из ближайших дней для ознакомления с делом. Как правило, ответчики являются в суд, народный судья вместе с ответчиком выясняет его возражения, вызывает дополнительных свидетелей, истребует или приобщает необходимые документы. Это способствует правильному и своевременному рассмотрению дела. По уголовным делам т. Зотова добилась положительных результатов потому, что тщательно изучала дела прежде, чем слушать их в подготовительном заседании. Это способствовало тому, что судьей во-время замечались пробелы предварительного расследования, и давало возможность суду возвратить дело к дополнительному расследованию прежде, чем обвиняемый будет предан суду.

Первое время т. Зотова очень мало обращала внимания на проведение подготовительных заседаний. Было так: прокурор прочтет обвинительное заключение, суд напишет определение о предании суду и назначит дело к слушанию. А когда перед слушанием дела в суде судья более тщательно изучит дело, он видит, что́ органами следствия не доделано и что́ ему пришлось бы восполнять в судебном заседании. Только при изучении дела перед подготовительным заседанием суд, усмотрев недостатки в проведении предварительного следствия, возвращает дело на доследование прямо с подготовительного заседания.

Рассматривая уголовное дело в судебном заседании, народный судья т. Зотова ставит своей задачей всесторонне исследовать его, тщательно оценить доказательства, собранные по делу, и по возможности исследовать все версии, выдвигаемые подсудимым в подтверждение своей невиновности.

В производстве народного суда было рассмотрено дело по обвинению Василенко по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». По обвинительному заключению Василенко вменялось несколько эпизодов, связанных с присвоением. В числе других Василенко вменялось присвоение 220 руб., полученных за продажу 800 шт. кирпича, присвоение 275 руб., полученных с рабочих за пользование тяглом совхоза, и присвоение 652 руб., полученных для покупки хлеба рабочим, работавшим на сенокосе. В судебном заседании подсудимый эти эпизоды обвинения категорически отрицал, признавая себя виновным в присвоении 1453 руб. из других источников. Обвинение Василенко в присвоении указанных выше сумм было шатким. Защита Василенко заявила ходатайство о направлении дела на доследование. Народный суд решил восполнить пробел в работе органов следствия в судебном заседании. С этой целью был объявлен перерыв до следующего дня, а из бухгалтерии совхоза истребованы три ведомости: на выдачу и удержание денег с рабочих, на отпуск хлеба во время сенокоса, на удержание денег за хлеб. Обозрев эти документы, суд пришел к убеждению, что обвинение Василенко в присвоении 220 руб. + 227 руб. + 652 руб. не обосновано. Таким образом суд избежал направления дела на доследование и дальнейшей волокиты, вынес правильный приговор, который, будучи обжалован в областной суд, был оставлен в силе.

Вот как т. Зотова освещает положительный опыт своей судебной работы по рассмотрению уголовных дел.

Недавно в народный суд 2-го участка поступило с отмененным приговором дело по обвинению Малиновского по ст. 3 указа от 4 июня 1947 г., рассмотренное народным судом 1-го участка Клинцовского района. Малиновский был признан виновным в хищении 130 кг семенного картофеля, принадлежащего колхозу, и осужден к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Доказательствами по делу были показания свидетелей: Монако, которая утверждала, что обнаруженный у нее картофель принес к ней ночью Малиновский, ее зять, хорошо знающий расположение построек на ее усадьбе, и Братцева; оба свидетеля видели, как Малиновский нес похищенный картофель в дом Монако. Таким образом, показания заинтересованного в исходе дела свидетеля Монако (ведь именно у нее в доме был обнаружен похищенный колхозный картофель) подтвердились другим объективным доказательством — показаниями незаинтересованного свидетеля Братцева.

При разборе дела в народном суде 1-го участка Малиновский заявил, что оба эти свидетеля его оговаривают, так как нахо-

дятся с ни
Суд, не иссл
тельства, в
в отношени
отменил п
участка и
вать взаим
свидетелями
Начали р
линовский
ли его ого
очень пло
что она, бу
против бра
же у него
му, что он
хищенным
докладную
оштрафовал
лей — одно
вался вопр
у семьи М
они, включ
твердили, ч
ны, что Ма
вал у Мона
вдовой, и
зяйству. М
ден в конц
тели говор
отношения
шие, но все
бы танла
какие отно
цевым, суд
в судебное
того, кому,
он подавал
одновремен
колхоза эту
ния колхоза
Братцева.
оказалось,
не подтвер
Таким об
о плохих е
щими его
и суд выне
говорив М
казания, чт
района. По
исследовани
Малиновски
ловаться.
— Я это
т. Зотова, -
что, прораб
Клинцовско
са, провер
мым, приго
Или такс
главную об
довании до
ми расслед
выводу.
— Было
по обвинен
Матвеенко
рассказыва

дятся с ним в неприязненных отношениях. Суд, не исследовав достаточно этого обстоятельства, вынес обвинительный приговор в отношении Малиновского. Областной суд отменил приговор народного суда 1-го участка и предложил тщательно исследовать взаимоотношения Малиновского со свидетелями Монако и Братцевым.

Начали разбирать это дело, и опять Малиновский упорно утверждал, что свидетели его оговаривают, что с Монако у него очень плохие взаимоотношения, потому что она, будучи сестрой его жены, была против брака с ее сестрой, с Братцевым же у него отношения ненормальные потому, что он задержал жену Братцева с похищенным ею предметом, написал об этом докладную и Братцевых якобы за это оштрафовали. Суд, допрашивая свидетелей — односельчан Малиновского, интересовался вопросом, какие взаимоотношения у семьи Малиновского с Монако, и все они, включая и жену Малиновского, подтвердили, что семьи их были очень дружны, что Малиновский почти ежедневно бывал у Монако, так как последняя является вдовой, и Малиновский помогал ей по хозяйству. Малиновский и сам был вынужден в конце концов признать, что свидетели говорят правду, что внешне взаимоотношения у него с Монако были хорошие, но все-таки Монако из-за его женитьбы таила злобу на него. Чтобы выяснить, какие отношения у Малиновского с Братцевым, суд отложил дело слушанием, вызвал в судебное заседание в качестве свидетеля того, кому, по утверждению Малиновского, он подавал докладные на жену Братцева, одновременно истребовал из бухгалтерии колхоза эту докладную и решение правления колхоза о наложении штрафа на жену Братцева. Таких документов в колхозе не оказалось, а вызванный свидетель также не подтвердил этого.

Таким образом, версия Малиновского о плохих его взаимоотношениях с уличающими его свидетелями была опровергнута, и суд вынес обвинительный приговор, приговорив Малиновского к той же мере наказания, что и народный суд 1-го участка района. После того как были тщательно исследованы все обстоятельства по делу, Малиновский даже не счел нужным жаловаться.

— Я это рассказала для того, — говорит т. Зотова, — чтобы на примере показать, что, проработай народный суд 1-го участка Клинцовского района лишних один-два часа, проверь версию, выдвинутую подсудимым, приговор остался бы в силе.

Или такое дело, где суд, выполняя свою главную обязанность в тщательном исследовании доказательств, собранных органами расследования, приходит к правильному выводу.

— Было недавно в народном суде дело по обвинению Сарафанова, Воронина и Матвеенко в хищении колхозной гречихи, — рассказывает т. Зотова. — Дело интересно тем, что в отношении подсудимого Воронина вначале не было других доказательств, кроме показаний другого обвиняемого Матвеенко о том, что Воронин работал кладовщиком колхоза «Красная Теремошка» и, отпуская гречиху на посев Матвеенко, клал ему на воз по одному лишнему мешку с гречихой, которую подсудимый Сарафанов заносил к себе домой. Так Воронин с Сарафановым похитили четыре мешка семенной гречихи.

Воронин категорически отрицал это обстоятельство, заявив, что Матвеенко его оговаривает, при этом ссылался на акт ревизии кладовой, которая установила у него недостачу только 4 кг гречихи.

Выносить обвинительный приговор в отношении Воронина только на показаниях подсудимого Матвеенко не было оснований, и мы стали втупик: как поступить? Чувствовалось, что Матвеенко говорит правду: ведь, уличая Воронина и Сарафанова, он и сам садился на скамью подсудимых за соучастие, так как, сознавая, что Воронин и Сарафанов похищают гречиху, четыре раза подвозил ее от кладовой к дому Сарафанова, чем способствовал хищению. Однако положить в основу обвинения Воронина только показания Матвеенко было очень шатко. Очень смущало нас, что по кладовой у Воронина все было хорошо, — акт ревизии утверждал это обстоятельство. Я решила, что надо проверить еще раз накладные, по которым ревизор списал с Воронина израсходованную гречиху.

Стали мы изучать буквально каждую цифру накладной и все-таки отыскали ошибку ревизора, — он дважды списал с Воронина 195 кг гречихи. Дело было так: Воронин отпустил на посев 400 кг гречихи 13 июня 1952 г. (цифры я называю приблизительные). Так как был дождь, то гречиху всю не рассеяли, и вечером того же числа возчик привез в кладовую четыре нерассеянные мешка гречихи весом 195 кг, которые Воронин, не приходуя, оставил в кладовой до утра (то, что он не приходовал 195 кг гречихи, подтвердил сам подсудимый). Наутро, отпуская гречиху на посев в количестве, например, 300 кг, Воронин (как он объяснил — с целью, чтобы возчики не уворовали) вписал в накладную и привезенные накануне 195 кг и даже подбил итог: 495 кг. Ревизор, учитывая накладные, учел 195 кг и в накладной на 400 кг и в накладной на 300 кг. Таким образом это количество было списано с Воронина дважды.

Мы поставили Воронина перед этим фактом. Он возражал, что не может быть, чтобы ревизор ошибся, — все было правильно. Дали ему бумагу, карандаш, подсчитал сам. Действительно, на 199 кг (195 + 4 кг по акту ревизии) нет расходных документов. Воронин, захваченный врасплох, так и не смог пояснить, куда делась эта гречиха.

Таким образом, в приговоре суд смог показания подсудимого Матвеенко подтвер-

дить объективным доказательством — недостачей по кладовой 199 кг гречихи, что соответствует по весу четырем мешкам.

Приговор, обжалованный осужденным со ссылкой на свою невиновность, областным судом был оставлен в силе.

Тов. Зотова делает правильный вывод, что залогом правильного рассмотрения дел и оставления в силе приговоров и решений вышестоящим судом является тщательность, тщательность и еще раз тщательность при подготовке и разборе дела в народном суде.

Народный судья т. Зотова при определении меры наказания твердо и всегда руководствуется санкциями статей Уголовного кодекса или соответствующего указа и определяет наказание в пределах санкции. Статьи 51 и 53 УК народный суд применяет только в исключительных случаях, как о том указано в законе.

Ревизией работы народного суда 2-го участка Клинцовского района было отмечено, что карательная практика по важнейшим категориям дел является выдержанной, а это тоже оказало влияние на снижение преступности в районе по сравнению с 1951 годом.

В июле и августе 1952 года народным судом 2-го участка было вынесено несколько оправдательных приговоров, и управление юстиции по области отметило этот факт как неудовлетворительную работу суда по досудебной подготовке дел.

Положительным в работе суда является соблюдение установленных законом сроков рассмотрения уголовных и гражданских дел. Тов. Зотова назначает несложные гражданские дела к слушанию в день поступления и в исключительных случаях через несколько дней после их поступления, но в пределах установленного законом срока. По уголовным делам подготовительные заседания проводятся через один-два дня после поступления дел из прокуратуры; это — основное условие своевременного рассмотрения судебных дел.

В организационной работе народного суда 2-го участка Клинцовского района также есть положительное. Тов. Зотова рассказывает об этом опыте:

— Когда я в начале месяца составляю план, то интересуюсь в прокуратуре, какие дела должны поступать в том или ином месяце в народный суд, из каких сельских советов. Сообразно с этим я планирую выездные сессии в эти сельские советы и проведение там докладов на различные правовые темы. Всего мною было прочитано четыре доклада.

Планирую я проведение занятий с народными заседателями. Это мероприятие связано с некоторыми трудностями, так как в связи с отдаленностью некоторых сельских советов от города трудно бывает собрать всех заседателей. Как правило, на занятиях присутствует до двадцати народных заседателей. Это, конечно, является существенным недостатком в проведении этого вида работы. Поэтому последнее время я стала практиковать проведение кустовых занятий. Так, например, кустовое занятие было мной проведено в с. Ущерпье, на котором присутствовали все народные заседатели Ущерпья и Веприно. Я решила и в дальнейшем при выезде в сельские советы проводить кустовые занятия с народными заседателями. Мы провели шесть занятий с народными заседателями. Доклады чаще всего делаю я сама.

Готовясь к докладу на ту или другую тему, я обязательно подбираю примеры из практической работы суда, разбираю наиболее интересные уголовные или гражданские дела для иллюстрации того или иного теоретического положения. Это делает занятия более интересными и активными, лучше втягивает заседателей в обсуждение.

Планируя работу суда на месяц, я обязательно включаю в план проверку работы судебного исполнителя и канцелярии суда.

Мероприятия, предусмотренные в плане, народным судом, как правило, выполняются.

Свое выступление на кустовом совещании народных судей о положительном опыте в работе народного суда 2-го участка Клинцовского района т. Зотова закончила заверением, что она вместе со своим коллективом приложит все силы к тому, чтобы судебный участок находился на высоте, достойной народного суда.

Управление Министерства юстиции РСФСР по Брянской области, распространяя положительный опыт работы народного судьи т. Зотовой среди всех судей области, предложило применить его в практической работе во всех судах.

Заместитель начальника управления Министерства юстиции РСФСР по Брянской области

И. Смагин

ЗА ДЕЙСТВЕННОСТЬ РЕВИЗИИ

Основным средством контроля управлений юстиции в областях над состоянием работы народных судов и оказания им помощи являются ревизии, проводимые ревизорами этих управлений. Значение хорошо и своевременно проведенной ревизии трудно переоценить. Роль ее особенно большая, когда народный судья не имеет достаточного опыта практической работы.

Нам хочется рассказать о действенности ревизий, проводимых ревизором управления юстиции по Воронежской области т. Бартосиком А. Ф. В мае 1951 г. т. Бартосик провел ревизию работы народных судов Липецкого района Воронежской области. В процессе ревизии было вскрыто, что наряду с большой работой, проводимой судами по отправлению правосудия, имеют

ся и существенные недостатки: нарушаются сроки рассмотрения дел; обращение к исполнению и особенно исполнение судебных решений по гражданским делам проводится медленно, чем снижается эффективность судебных решений; в работе канцелярии нет должного порядка, потому что не осуществлялся систематический контроль над работой секретарей судов и т. п.

Акт ревизии рассматривался на совещании работников суда и районными руководящими органами, где нам было указано на обязательность немедленного устранения упущений в работе. После ревизии мы с участием ревизора составили планы работы судов, обратив особое внимание на устранение допущенных недостатков. Мы запланировали ежемесячную полную проверку работы канцелярии и судебного исполнителя; написали в областную контору связи о плохой работе районной конторы связи в доставке судебных повесток, из-за чего часто дела откладывались слушанием, стали сами больше вникать в работу канцелярии, так как секретари судов т. Маслакова и Усачева не успевали оформлять дела при их добросовестном отношении к работе. Особенно напряженно мы стали работать в период подготовки к выборам народных судов.

И результат наших усилий не замедлил сказаться. В августе 1952 года в народных судах была проведена вторично ревизия, результаты которой сразу же обсуждались руководящими районными организациями, которые установили, что за истекший ревизуемый год работа народных судов значительно улучшилась и имевшиеся недостатки по первой ревизии в работе судов устранены.

Было бы несправедливостью умолчать, что улучшение в работе судов — результат повседневной и кропотливой работы ревизора т. Бартосика, который еще при первой ревизии оказал нам квалифицированную помощь в обнаружении ошибок, недостатков, нарушений законов и совместно с нами наметил пути их исправления. Положительно то, что т. Бартосик проводит ревизии в присутствии работников суда в помещении канцелярии, не уединяясь, что позволяет изучить деловые качества и отношение к работе всех работников суда.

Большую помощь т. Бартосик оказал нам в освоении техники изучения и обобщения судебной практики. Например, при ревизии было установлено, что в суды много поступило дел по искам колхозов о возмещении дебиторской задолженности и ущерба, причиненного животноводству колхозов. Вначале ревизор предложил нам обобщить практику самостоятельно; когда мы это сделали, он проверил обобщение и установил, что мы упустили важные вопросы: не провели сравнения между количеством падежа скота в целом по району и количеством скота, в отношении которого материалы поступили в суд. Такое сравнение нами не было сделано и по дебиторской задолженности. Кроме того, мы поверхностно отметили причины падежа скота в колхозах района. Взяв данные в районном сельскохозяйственном отделе и подробно изучив дела, мы внесли соответствующие дополнения, и обобщение принесло пользу. Руководящие районные органы, заслушав наше обобщение, приняли решение об устранении недостатков в работе судов, колхозов и районного сельскохозяйственного отдела по взысканию колхозами ущерба и дебиторской задолженности.

В июле 1952 года нами было сделано представление начальнику управления Юго-Восточной ж. д. на плохую работу службы движения Грязинского отделения дороги, что привело к большому поступлению дел о безбилетном проезде пассажиров по вине проводников вагонов.

Наше представление нашло свое отражение в приказе по Юго-Восточной ж. д., которым были приняты надлежащие меры, порядок на этом участке пути был наведен, и безбилетный проезд стал редким явлением. Нами также было сделано представление в районные и областные организации на основе обобщения судебной практики по искам районного финансового отдела о налоговых и неналоговых платежах. Обобщение привело к выводу, что районный финансовый отдел предъявлял иски огульно ко всем недоимщикам, почему острие судебной репрессии направлялось против лиц, допустивших просрочки платежей по независящим от них причинам, а лица, злостно не уплачивавшие налоги на протяжении ряда лет, пользовались слабостью отдельных работников финансового отдела, что свидетельствовало о том, что передача дел в суд была передоверена агентам финансового отдела и ею совершенно не занимался заведующий финансовым отделом. В процессе обобщения было установлено, что финансовый отдел не приводил в исполнение решения судов, а, заручившись справкой для вышестоящих организаций о передаче дел в суд, многие месяцы выжидал, когда недоимщик сам погасит недоимку, что явно дискредитировало судебные решения и подрывало налоговую дисциплину. После рассмотрения нашего обобщения в руководящих районных организациях работа районного финансового отдела значительно улучшилась. Таким образом, обобщение судебной практики помогает устранять недостатки в работе судов и организаций района.

Особенное внимание т. Бартосик обращает на правильное применение судами законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел, присутствует на подготовительных и судебных заседаниях и о всех выявленных недостатках проводит с нами беседы. Хорошо и то, что ревизор составляет акт ревизии в суде, знакомит с ним судей и по итогам ревизии проводит совещание со всеми работниками суда, обязательно обращая внимание на испол-

нение нами предложений по предшествующей ревизии.

Тов. Бартосик знакомит нас с практикой работы других судов, передает опыт лучших судей и секретарей, обсуждает кассационную практику и выясняет на месте причины, повлекшие отмену приговора или решения суда. Он помогает нам правильно проанализировать состояние преступности в районе, выявить условия, способствующие совершению преступлений, установить недостатки в работе других организаций. Так, например, при проведении ревизии в августе 1952 года т. Бартосик обратил наше внимание на отсутствие должной охраны общественного скота в колхозах, что привело к его хищению и истреблению волками; на то, что народные суды не реагировали на эти недостатки путем вынесения частных определений в адрес руководящих районных организаций, — и нам пришлось исправлять эти ошибки здесь же, в присутствии ревизора. Ревизией установлено, что за семь месяцев 1952 года было несколько случаев отмены решений судов. При беседе с нами ревизор установил, что мы недостаточно проводим досудебную подготовку по гражданским делам, перегружаем день судебных заседаний, а потому при рассмотрении дел незаконно спешим, недостаточно выясняем обстоятельства по делу и нарушаем ст. ст. 5 и 118 ГПК РСФСР. При проверке протоколов судебных заседаний ревизор установил, что по вине судей и секретарей протоколы неполно отражают ход судебного следствия, что и привело к отмене отдельных решений суда. И мы, учитывая предложения ревизора, должны были отказаться от порочной практики массового назначения дел к слушанию.

Большую помощь оказал нам ревизор при составлении отчетных докладов, в которых мы упускали существенные вопросы и не выделяли главных из них. Обсуждаются ревизором и доклады на правовые и политические темы.

Особенно большая помощь нам, молодым судьям, была оказана по методике и тематике проведения занятий с народными заседателями, на которых т. Бартосик присутствовал неоднократно; сразу же после занятий он вместе с нами анализировал их. Проводит беседу с народными заседателями и сам ревизор, что очень помогает их образованию. К занятию с народными заседателями мы привлекаем работников прокуратуры, адвокатов и руководящих работников района, которые читают лекции о великих стройках коммунизма, о текущих событиях и т. п., что способствует всестороннему развитию народных заседателей, а это сказывается в улучшении работы суда по рассмотрению уголовных и гражданских дел. Народные заседатели у нас не только принимают участие в судебных заседаниях, но и отчитываются в работе суда перед избирателями; так сделали отчетные доклады о работе суда народные заседатели тт. Свинарева, Данилова, Жемчужникова, Кулаков и др.

Такое примерное проведение ревизий т. Бартосиком делает их действенными, активизирует судей в исправлении недостатков, — и работа народных судов заметно улучшается.

Народные судьи Липецкого района
Воронежской области

Ф. Кузнецов, П. Лобзев

НА ПУТЯХ УЛУЧШЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ

Работа, проделанная прокуратурой Алтайского края для выполнения приказа Генерального Прокурора СССР об ускорении сроков расследования по уголовным делам, потребовала коренной перестройки в руководстве следственной работой органов прокуратуры.

Мы начали с того, чтобы поднять роль и ответственность прокуроров следственного отдела за состояние руководства следственной работой по зонам, а это означало взять на особый контроль и учет все без исключения уголовные дела и материалы, находящиеся в производстве.

Такое мероприятие, как ведение учета уголовных дел и материалов, следственным отделом практиковалось и раньше, однако на учет и контроль брались лишь отдельные дела и материалы важнейшей категории. Опыт убеждал, что без такого контроля над расследованием и проверкой всех материалов не ликвидировать волокиты.

Чтобы добиться требуемого учета и контроля над всеми без исключения делами и материалами, со стороны следственного отдела было налажено регулярное и повседневное получение уведомлений и справок от народных следователей по всем возникающим делам. Эти данные прокуроры зон используют как средство контроля над соблюдением сроков следствия и степени загрузки отдельных следователей. Кроме этого, был установлен порядок, по которому прокуроры городов и районов каждый месяц представляют поименные списки всех дел и материалов, находящихся в остатке, с объяснением, почему они не разрешены в истекшем месяце.

Проведение этого мероприятия позволило следственному отделу иметь более ясное представление о состоянии следствия в каждой городской и районной прокуратуре, знать не только количество дел, но, главное, и их содержание. Это в свою очередь давало возможность более конкретно и своевременно влиять на деятельность прокурорско-следственных работников путем

вызова их с отчетами о работе или со следственными делами или направления оперативных работников, а иногда и бригад из краевой прокуратуры в районы для оказания практической помощи в расследовании.

В прошлом году при прокуроре края и следственном отделе был проведен ряд оперативных совещаний, на которых было заслушано 24 следователя и прокурора. Вызов следователей и прокуроров с отчетами об их работе позволял не только выявлять недостатки, но и устранять их.

Большое внимание мы уделяли оказанию практической помощи в расследовании по уголовным делам. С этой целью следственный отдел направляет в отдельные прокуратуры работников аппарата и следователей других районов. Практика направления народных следователей одних районов в другие является полезным средством. Обычно мы делаем это в том случае, когда, по имеющимся данным, у того или иного следователя нет в производстве уголовных дел, а в другом районе количество дел превышает нормальную загрузку следователей. Такое маневрирование помогает избавиться от больших остатков дел на конец месяца в других районах.

Наряду с этим с целью оказания практической помощи следственный отдел практикует также вызов следователей и прокуроров со следственными делами, по которым после их изучения даются исчерпывающие указания, обеспечивающие доброкачественное и оперативное расследование.

К числу других мероприятий, направленных на улучшение качества следствия, следует отнести: составление ежеквартальных обзоров по основным показателям следственной работы, составление информационных писем в порядке обмена опытом работы лучших следователей. Ряду следователей и прокуроров была объявлена благодарность прокурором края.

Своевременное вмешательство работников следственного отдела в деятельность той или иной прокуратуры дало положительные результаты. Такие прокуроры, как Центрального, Железнодорожного, Сорокинского, Каменского районов г. Бийска и г. Рубцовска, долгое время неудовлетворительно выполняли требования о сокращении сроков следствия. Чтобы ликвидировать отставание в работе этих прокуратур, туда были направлены работники следственного отдела для оказания практической помощи; кроме того, следователи перечисленных районов и городов вызывались с докладами.

Глубокое изучение деловых качеств следователей этих районов позволило вскрыть серьезные недостатки в их работе, в большинстве случаев отсутствие планирования. В результате у таких следователей отдельные рабочие дни были перегружены, другие менее загружены. Такая неравномерная загрузка отражалась не только на сроках следствия, но и на его качестве.

По устранении этих недостатков прокуратуры указанных районов были выведены из числа отстающих.

Не раз отмечалось неудовлетворительное состояние работы в отдельных прокуратурах в части сроков следствия. Это в полной мере относилось и к органам прокуратуры Алтайского края. Достаточно сказать, что в производстве следователей имелось большое число дел со сроком следствия свыше двух месяцев. Проведенные мероприятия позволили добиться снижения количества таких дел в девять-десять раз. Было обеспечено дальнейшее увеличение числа дел со сроком расследования до одного месяца. Одновременно были приняты меры к снижению числа дел, находящихся в остатке; общий остаток дел был доведен до 19% к числу оконченных дел.

Однако, имея некоторые положительные результаты в работе, следственный аппарат прокуратуры края не сумел обеспечить полностью окончание всех дел в установленный месячный срок. Основной причиной этого попрежнему является низкое качество следствия по отдельным уголовным делам, что влечет за собой возвращение дел к доследованию.

Не менее существенным недостатком в работе отдельных городских и районных прокуроров является неудовлетворительная организация работы по проведению проверок материалов; нередки случаи, когда прокуроры поверхностно проверяют материалы, что влечет за собой неосновательное возбуждение уголовных дел, или, наоборот, проверка по отдельным материалам проводится длительное время. Эти недостатки, допускаемые при проверке материалов, оказывают отрицательное влияние на сроки следствия.

Успешное решение задачи ликвидации волокиты и сокращения сроков следствия по всем делам до одного месяца немыслимо без коренного улучшения следственной работы в органах милиции.

Слабая постановка учета и контроля над деятельностью органов милиции по возбуждению ими уголовных дел и отсутствие надлежащей повседневной практической помощи в расследовании по наиболее сложным делам нередко приводят к серьезным недостаткам.

Существенное значение для соблюдения установленного срока следствия имеет своевременная передача дел из органов милиции следователю. В связи с повышенными требованиями к органам прокуратуры следовало бы более строго регламентировать срок нахождения дел в органах милиции, ибо существующий порядок, по которому органам милиции предоставлено право вести дознание по всем делам в течение месяца, не обеспечивает возможности для органов прокуратуры заканчивать расследование по всем делам в месячный срок.

Начальник следственного отдела
прокуратуры Алтайского края
М. Шибаев

СВЯЗЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ПРОКУРОРСКИМИ И СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

Научная и методическая работа криминалистических учреждений и кафедр криминалистики должна быть направлена в первую очередь на улучшение качества следствия, как предварительного, так и судебного, особенно по делам о хищениях государственного и общественного имущества. В редакционной статье журнала «Большевик» (№ 15 за 1952 г.) «Социалистическая собственность — основа богатства и могущества СССР» справедливо отмечается, что «нужно по всей строгости законов наказывать расхитителей общественной собственности и всех, кто им покровительствует. Требуется серьёзное улучшение работы судебно-прокурорских органов, усиление борьбы с расхитителями общественного добра».

Делу улучшения работы судебных и прокурорских органов по борьбе с расхитителями социалистической собственности научно-исследовательские криминалистические учреждения могут и должны оказать значительно бо̀льшую помощь, чем они до сих пор оказывали.

В этих учреждениях почти по каждому делу о хищении производится исследование (экспертиза) различных вещественных доказательств, главным образом документов. Следственно-прокурорские органы, руководствуясь приказом Генерального Прокурора СССР, улучшают сроки следствия. Однако, если криминалистические учреждения не будут выполнять экспертизы в сжатые сроки, то это будет дезорганизовывать работу следователей и прокуроров по выполнению ими приказа Генерального Прокурора СССР.

Министр юстиции СССР издал приказ, которым срок экспертизы установил, как правило, в 7 дней и только по особо сложным делам — 15—20 дней. Коллектив научных сотрудников Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы перестроил всю научно-экспертную работу с таким расчетом, чтобы помочь следователям выполнять установленные сроки следствия. Если до мая 1952 года некоторые экспертизы производились в сроки 25—30 дней, а в ряде случаев и больше, то начиная с июня 1952 года в производстве института не было ни одной экспертизы, превышающей 5—7-дневный срок либо 15—20-дневный по сложным делам.

В научно-исследовательских криминалистических учреждениях системы Министерства юстиции СССР, созданных по решению правительства, и на кафедрах криминалистики юридических институтов работают опытные научные сотрудники, которые при умелом планировании их работы смогут оказать значительную помощь в поднятии следствия до уровня современных требований советской криминалистики. Научные работники этих учреждений должны итти к следователям, прокурорам, судьям, знакомить их с новыми научными работами, читать им лекции, консультировать их и т. д. Харьковский научно-исследовательский институт судебной экспертизы накопил некоторый опыт этой работы, которым следует поделиться с научными работниками других криминалистических учреждений.

Планируя тематику научно-исследовательских работ, научные сотрудники исходят при этом прежде всего из потребностей следственной и судебной практики по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Научный сотрудник т. Коновалов выполняет работу по исследованию денежных документов, встречающихся при расследовании хищений в сберегательных кассах и банке. Он изучил материалы практики, провел значительное число исследований по таким документам, сделал несколько докладов следователям по разрабатываемой теме. В результате т. Коновалов получил ценные замечания практиков, и работа значительно улучшилась.

Научный сотрудник т. Маркова, исследуя по своей теме признаки письменной речи в рукописных текстах документов, пришла к выводам о необходимости шире использовать эти признаки в графической экспертизе. Своими выводами она поделилась со следователями Днепропетровской области.

Работающий над темой «Экспертиза замков и пломб» научный сотрудник т. Салтевский, кроме личного исследования таких объектов, всегда выезжает в качестве эксперта для участия в осмотрах мест происшествия по делам о кражах со взломом, когда оказываются нарушенными пломбы, замки и т. д. Свои первые данные он сообщил следователям [1].

Автор монографии «Следственный эксперимент в советской криминалистике», кандидат юридических наук т. Ароцкер как до написания монографии, так и в период работы над нею и в настоящее время является участником всех следственных экспериментов, проводимых следователями и работниками милиции. Автор изготовил по одному следственному эксперименту диафильм и демонстрировал его при чтении лекций и докладов следователям и судьям.

Работающий над монографией «Экспертиза следов папиллярных узоров в советской криминалистике» т. Грановский выезжает в качестве эксперта для участия в осмотре места происшествия во всех слу-

[1] См. М. В. Салтевский, «Исследование пломб как вещественных доказательств», сборник «Советская криминалистика на службе следствия», вып. II, М., 1951.

чаях, когда предполагается возможность обнаружения пальцевых отпечатков.

Таким образом, научные работники при написании своих работ идут к практикам, отдают на суд практики свои научные работы, обобщают опыт передовых судей, прокуроров, следователей.

Одной из важных форм помощи практике является активное участие научных сотрудников института в учебно-методических конференциях и семинарах следователей в различных областях Украинской ССР и РСФСР. На этих конференциях и семинарах следователи изучают приемы и методы советской криминалистики, овладевают практикой применения следственного чемодана и т. д. Институт предложил прокурорам областей и начальникам управлений юстиции в областях своих лекторов по криминалистике. В 1952 году научные сотрудники прочитали 63 лекции на конференциях и семинарах в Харькове, Полтаве, Сумах, Днепропетровске, Запорожье, Сталино, Ворошиловграде, Курске. Лекции читались на такие темы: «Расследование хищений государственного и общественного имущества», «Криминалистическая экспертиза документов», «Применение следственного чемодана для обнаружения и фиксации следов», «Подготовка материалов для графической экспертизы», «Физико-технические исследования вещественных доказательств», «Осмотр места происшествия» и т. д. Одновременно проводились и практические занятия.

Следователи и прокуроры с большим интересом слушали лекции и участвовали в практических занятиях. Оживление в лекции вносило то обстоятельство, что лекторы, обобщив недостатки в применении криминалистических правил собирания и подготовки материалов на экспертизу, допущенные следователями области, на конкретных примерах показывали причины этих недостатков и пути их устранения.

Некоторые лекции и практические занятия проводились в институте с показом методики исследования вещественных доказательств. В институте проводились семинары: межобластной семинар старших следователей, семинар молодых следователей Харьковской области и др. В результате следователи, которые участвовали в семинарах, готовят на экспертизу доброкачественные материалы, подбирают и правильно их оформляют в соответствии с «Краткой инструкцией судьям и следователям об оформлении материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз почерка», утвержденной Министерством юстиции СССР. На семинарах эта инструкция вручалась каждому следователю.

Только прокуратуры Орловской и Воронежской областей не откликнулись на предложение института об организации лекций для следователей и прокуроров, хотя именно из этих областей поступает много плохо подготовленных материалов. Начальники управлений юстиции Украинской ССР по Ворошиловградской и Харьковской областям организовали лекции по криминалистической экспертизе для судей, другие же управления не удосужились провести эти мероприятия.

Криминалистическим лабораториям, институтам судебной экспертизы и кафедрам криминалистики необходимо дальше расширять научно-методическую помощь в виде лекций и докладов для следственных и судебных работников, что будет способствовать улучшению их работы.

К сожалению, наши предложения об усилении методической помощи не всегда принимаются. Кроме того, Министерство юстиции СССР и Министерство юстиции Украинской ССР эту работу не планируют и не поощряют. Только этим можно объяснить запрещение выезда научных сотрудников за пределы Харьковской области без личного разрешения министра юстиции Украинской ССР, хотя к институту прикреплены для обслуживания прокуратуры и суды десяти областей Украинской ССР и РСФСР, куда нередко нужны срочные выезды. Министерство юстиции СССР не выделяет достаточно средств на командировки научных сотрудников для методической работы в прикрепленные области. Отсутствует и надлежащий транспорт для срочного выезда на места происшествия в отдаленные районы областей.

Институт широко применяет и такую форму методической помощи практике, как обобщение типичных недостатков следственной работы по обнаружению, собиранию и направлению на экспертизу вещественных доказательств, главным образом документов, в частности — по делам о хищении государственного и общественного имущества. В этих обобщениях, кроме критического анализа недостатков, излагаются и методические указания о том, как следует правильно собирать вещественные доказательства, как оформлять их, какие образцы необходимо собирать, какие вопросы необходимо ставить экспертам. Научные сотрудники института для этой цели прикреплены к прокуратурам соответствующих областей, изучают все поступающие материалы, обобщают их в виде критических обзоров, которые направляются прокурорам областей и республик.

Так при обобщении материалов по Орловской областной прокуратуре было установлено, что документы, направляемые на экспертизу из районов области, задерживаются в областной прокуратуре по 15—20 дней и долее. Например, помощник прокурора Дмитриевского района т. Маликов назначил экспертизу по делу Родичева 23 мая 1952 г., а из областной прокуратуры материал был направлен в институт только 19 июня 1952 г., т. е. почти через месяц. Таких случаев по Орловской области много, — они крайне отрицательно отражаются на сроках расследования. Указанные факты были отмечены в обзоре.

Прокурор РСФСР предложил прокурору Орловской области устранить отмеченные недостатки и своевременно направлять материалы в институт. Предложено было также ознакомить всех прокурорско-следственных работников с обзором. Прокуратура РСФСР сообщила институту, что обзор недостатков по прокуратурам Курской области поможет устранить имеющиеся недостатки в следственной работе. Прокуратура Украинской ССР уведомила институт, что ею приняты необходимые меры для устранения вскрытых обобщением недостатков.

До 1952 года институт также составлял критические обзоры, но в них обобщались недостатки по всем областям, обзоры представлялись только в прокуратуру республики и там оставлялись. Ныне обзоры составляются по каждой области — отдельно по прокуратурам и судам. Таким образом, областные прокуратуры имеют возможность принять конкретные меры для устранения недостатков, допускаемых определенными работниками. Прокурор Сталинской области сообщил институту, что считает такие обобщения полезными, и разослал обзор по всем прокуратурам области для обсуждения на оперативных совещаниях. Такая форма методической работы со следователями должна быть использована всеми экспертно-криминалистическими учреждениями Министерства юстиции СССР и других ведомств.

Институт оказывает также и консультативную помощь следователям и прокурорам. За 1952 год сотрудники дали до 300 устных и письменных консультаций по вопросам криминалистической техники. В том случае, если следователю возвращается материал экспертизы, по которому он допустил какие-то недостатки, ему направляется подробное письмо с указанием, как нужно устранить допущенные им недостатки.

В настоящее время институт ведет разработку материалов регистрации способов подделки документов по делам о хищениях государственного и общественного имущества. Этот вид регистрации впервые введен в криминалистических учреждениях, он одобрен Министерством юстиции СССР и Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики при Прокуратуре СССР. Уже первичные данные показывают, какие участки документации подвергаются посягательствам со стороны расхитителей и что необходимо сделать для того, чтобы предотвратить эти действия. Сотрудники института в ближайшее время ознакомят следственно-прокурорских работников с материалами регистрации, что, несомненно, поможет им в работе по предупреждению хищений.

Многие следственные и судебные работники не заполняют и не присылают в институт уведомлений о том значении, какое имеет заключение экспертизы для расследования и рассмотрения дела. Изучение уведомлений поможет институту устранить имеющиеся недостатки в научно-экспертной работе, поднять качество экспертиз. Необходимо, чтобы Генеральный Прокурор СССР и Министр юстиции СССР обязали следователей и судей во всех случаях направлять такие уведомления в институты и лаборатории.

На опыте работы Харьковского института судебной экспертизы можно убедиться, что работа криминалистических учреждений и кафедр по оказанию научно-методической помощи следователям, судьям и прокурорам должна быть расширена в различных ее формах. Этим самым научные работники-криминалисты выполнят свой долг по связи с практикой и улучшению работы прокурорско-следственных и судебных органов.

Директор Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы

В. Колмаков

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПОДНЯТЬ НАШУ РАБОТУ НА УРОВЕНЬ ЗАДАЧ, ПОСТАВЛЕННЫХ XIX СЪЕЗДОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Большие и ответственные задачи встали в связи с решениями XIX съезда партии перед нами, советскими юристами, работниками суда и прокуратуры.

XIX съезд партии подчеркнул, что, несмотря на господство в нашей стране социалистической идеологии, нерушимую основу которой составляет марксизм-ленинизм, у нас сохранились еще остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической идеологии и морали, искоренение которых составляет особенность работы судов и прокуратуры.

Движение нашего общества вперед происходит в борьбе нового со все еще многочисленными пережитками прошлого, старыми, вредными, иногда отвратительными привычками и навыками, унаследованными от буржуазного общества.

Товарищ Сталин учит:

«Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за своё существование, отстаивает своё отжившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая своё право на существование.

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития» (Соч., т. 10, стр. 331).

Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция — основная функция Советского государства. Вместе с этим «строительство социалистической культуры и коммунистическое воспитание трудящихся есть наступление против реакционной буржуазной идеологии, против лодырей и расхитителей общественной собственности, против бюрократов и нарушителей государственной дисциплины...» (М. А. Суслов, Речь на XIX съезде партии, «Правда» 13 октября 1952 г.).

Наша партия нацеливает работников суда и прокуратуры на решительную борьбу против нарушителей советских законов. Советские законы — это воплощение воли и интересов трудящихся масс. Исполнение советских законов для трудящихся нашей страны является делом чести, высоким патриотическим долгом. И если отдельные лица нарушают советские законы, нарушают волю народа, то мы должны научить их уважать наши законы, заставить их подчиниться нашим законам. Надзор за точным и неуклонным соблюдением всеми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями советских законов всегда был и остается первейшей обязанностью работников прокуратуры.

Работник прокуратуры должен помнить, что он является ответственным перед партией, ибо партия доверяет ему работу громадной важности — надзор за соблюдением законности.

Основой нашего строя является социалистическая собственность как источник богатства и могущества нашей Родины, как источник зажиточной и культурной жизни трудящихся. Товарищ Сталин учит, что охрана социалистической собственности является одной из основных функций нашего государства. Сталинская Конституция объявляет расхитителей социалистической собственности врагами народа, — и наши судьи и прокуроры должны особенно это помнить. Наше уголовное законодательство устанавливает суровое наказание за хищение социалистической собственности, — и это наказание необходимо неумолимо и последовательно применять к расхитителям народного добра. Между тем некоторые народные судьи все еще применяют минимальные меры наказания и даже наказание ниже низшего предела к ворам и расхитителям общественного и государственного имущества. Есть и прокуроры, которые удовлетворяются подобной карательной практикой. Так в г. Мончегорске явно неправильно и мягко были наказаны работники столовой Кузьмичева и Васильева, похитившие путем сложных бухгалтерских проводок 4000 руб. государственных денег. Суд вынес им приговор в виде условного наказания. Прокурор г. Мончегорска не опротестовал этого приговора суда. В результате может создаться впечатление безнаказанности расхитителей. Надо помнить, что малейшее послабление в борьбе с хищениями социалистической собственности, малейшее беззаконие — это дыра, которую используют наши враги, чтобы пытаться подрывать наш общественный и государственный строй.

Задача работников суда и прокуратуры — усилить борьбу с расхитителями социалистической собственности.

В докладе по проекту измененного Устава Коммунистической партии тов. Хрущев говорил, что «отдельные работники пытаются приукрасить положение дел, занимаются очковтирательством, приписками к отчетам о выполнении планов. Встречаются руководители, которые нарушают или обходят советские законы и выпускают продукцию некомплектно, низкого качества, выдают ее за первосортную, нанося тем самым большой вред государству и интересам потребителей».

Случаи обмана Советского государства, приписок к отчетам, завышения объема работ встречаются на отдельных предприятиях Мурманской области. Работники прокуратуры должны вскрывать эти случаи и принимать должные меры, а не ждать сигналов от других организаций.

«...Коммунизм тем скорее может наступить, чем лучше и организованнее будут трудиться все советские граждане, способные к труду», — сказал в своей речи на XIX съезде партии тов. Поскребышев. Трудовая дисциплина у нас неизмеримо выросла. Но именно поэтому не могут быть терпимы в нашем коллективе люди, нарушающие трудовую дисциплину. Несмотря на возросшую сознательность рабочих, несмотря на укрепление трудовой дисциплины, есть еще случаи прогулов и самовольного ухода с предприятий и учреждений. С этими случаями должна вестись непримиримая борьба.

Между тем некоторые работники судов безответственно относятся к этой важной своей обязанности. Так в народном суде 2-го участка г. Мончегорска некоторые дела о прогулах и о самовольном уходе с предприятий лежат без рассмотрения до месяца. Таким образом теряется эффективность в борьбе с преступными нарушениями трудовой дисциплины и снижается воспитательное воздействие приговора.

Не всегда еще руководители предприятий и учреждений передают дела о нарушениях трудовой дисциплины в судебные органы в установленные сроки. Работники прокуратуры должны систематически проверять непосредственно на предприятиях и в учреждениях сроки передачи указанных дел в суды и привлекать к дисциплинарной, а в надлежащих случаях и к уголовной ответственности виновных в сокрытии нарушителей трудовой дисциплины.

Строительство коммунизма немыслимо без высоких моральных качеств советских людей. Коммунистическое воспитание трудящихся — основная задача нашей партии. Но среди советских граждан встречаются еще отдельные личности, нарушающие элементарные правила общественного порядка и социалистического общежития. Против этих нарушителей, против хулиганов направлены наши социалистические уголовные законы, карающие злостных хулиганов вплоть до пяти лет лишения свободы. И эти законы должны безусловно и последовательно применяться нашими судами, чтобы оградить общество от безобразного наследия прошлого — хулиганства.

К сожалению, у нас еще не изжито примиренческое отношение к хулиганству; народные суды выносят иногда необоснованно мягкие приговоры нарушителям общественного порядка. Некоторые судебные и прокурорские работники часто путают хулиганство с преступлениями против личности. Так народным судом 1-го участка г. Мончегорска был признан виновным в злостном хулиганстве Мартынов, но приговорен всего лишь к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы. Этот безмотивно мягкий приговор Мурманским областным судом был совершенно правильно отменен. При новом рассмотрении этого дела в народном суде 2-го участка г. Мончегорска суд вообще не нашел в действиях Мартынова хулиганства и оправдал его. Такая «борьба» с хулиганством противоречит нашему законодательству, противоречит требованиям нашего народа, Коммунистической партии.

Исключительно большое внимание в работе XIX съезда партии было уделено делу подбора и расстановки кадров, ибо решающим условием успешного выполнения политических и хозяйственных задач является правильный подбор, расстановка и воспитание кадров на всех участках социалистического строительства. Однако, как подчеркнул тов. Хрущев, можно еще наблюдать случаи засорения аппарата отдельных предприятий и учреждений недостойными работниками, жуликами и проходимцами, что создает благоприятную почву для разного рода злоупотреблений.

Задача работников прокуратуры — в случае нарушения правильности подбора кадров, когда от этого страдают государственные интересы, ставить вопрос о пересмотре кадров перед соответствующими организациями. В г. Мончегорске, например, в торгующих организациях приютились люди, в прошлом осужденные за халатность, злоупотребления, а иногда и за хищения. А прокуратура г. Мончегорска ограничивается только установлением этих фактов, не принимая должных мер к очистке торгующих организаций от подобных «кадров», на что справедливо жалуются трудящиеся. Между тем прямая обязанность органов прокуратуры — ставить вопрос о том, чтобы не допускать к ответственной работе лиц, недостойно и даже преступно проявивших себя на работе в других учреждениях, предприятиях и организациях, откуда они были уволены. Долгое время на посту директора Мончегорского пивоваренного завода подвизался некто Васильев. Прокуратуре г. Мончегорска было известно, что Васильев развалил работу завода, нарушал трудовое законодательство, увольнял неугодных ему работников. И никаких мер со стороны прокуратуры принято не было. Городской исполком снял с работы Васильева, и прокурор г. Мончегорска вздохнул свободно: с него снята ответственность. Такая выжидательная позиция прокуратуры противоречит ее назначению как борца за укрепление социалистической законности.

Заявления и жалобы трудящихся являются выражением их высокой активности и творческой инициативы, их отношения к работе предприятий, учреждений, организаций, как к своему родному делу, подмечают всякий недостаток и указывают на

него, помогают улучшать работу. «По этим заявлениям, — говорил тов. Шкирятов в своей речи на XIX съезде партии,— нередко вскрываются и устраняются многие непорядки и неправильные действия, разоблачаются нечестные люди, допускающие злоупотребления, расхитители государственной и общественной собственности». Это надо особенно помнить судебным и прокурорским работникам, важную часть работы которых составляет разрешение заявлений и жалоб трудящихся. Немало серьезных преступлений раскрывается по заявлениям трудящихся. Поэтому внимательное и чуткое отношение к письмам трудящихся было и остается ответственнейшей задачей работы судов и прокуратуры.

Серьезный вопрос поставлен XIX съездом перед советскими юристами — это развитие юридической науки, дальнейшее упорядочение законодательства. Это значит, что практические работники должны быть неразрывно связаны с теорией, наукой права; это значит, что работники судов и прокуратуры должны обобщать и анализировать опыт своей работы, ставить новые правовые проблемы, выдвигаемые жизнью, принимать участие в научной работе. Теория сильна связью с практикой, а практика не может существовать без теории. Остро и справедливо было подмечено тов. Поскребышевым, что ученые-юристы обсуждают неактуальные, нежизненные проблемы и не разрабатывают действительно актуальных проблем государства и права.

Очень плохо, что у нас заглохло такое полезное начинание, как обсуждение проектов общесоюзных кодексов.

Работники суда и прокуратуры многих областей не принимают вовсе никакого участия в научной работе, хотя могли бы это делать. Перед нами открыты страницы юридических журналов, на которых мы могли бы поделиться опытом своей работы, принять участие в теоретических дискуссиях, исходя из практики. Тем самым мы оказали бы некоторую помощь и науке государства и права.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза обязывает советских юристов к серьезному улучшению своей работы, чтобы всемерно помочь нашему народу, нашему государству в построении коммунизма. Мы должны приложить максимум усилий и энергии для успешного выполнения задач, поставленных перед нами нашей Коммунистической партией.

Помощник прокурора г. Мончегорска

А. Габлин

КРЕПИТЬ И РАСШИРЯТЬ СВЯЗЬ С НАРОДОМ

Гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решения исторического XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза являются великой программой борьбы и побед, мобилизующей советский народ на строительство коммунизма, вдохновляющей все прогрессивное человечество на борьбу за мир между народами, против поджигателей войны. Активное и полное претворение в жизнь этой великой программы является первейшим и важнейшим долгом каждого прокурорско-следственного работника.

Товарищ Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б) указал, что для успешного движения вперед и усиления борьбы с отрицательными явлениями и недостатками в работе необходимо широко развертывать самокритику и особенно критику снизу: «В критике снизу находит свое выражение творческая инициатива и самодеятельность миллионов трудящихся, их забота об укреплении Советского государства. Чем шире будет развертываться самокритика и критика снизу, чем полнее будут выявляться творческие силы и энергия нашего народа, тем сильнее будет расти и крепнуть в массах чувство хозяина страны». «Чем шире мы будем вовлекать массы в борьбу с недостатками в работе, чем сильнее будет контроль снизу за деятельностью всех наших организаций, тем успешнее пойдут у нас дела во всех областях».

Органы советской прокуратуры как и все органы социалистического государства, кровно связаны с народом, самоотверженно служат ему, беззаветно выполняют его волю.

Разнообразны и многочисленны формы и методы связи органов прокуратуры с трудящимися. Мы остановимся лишь на одной, как нам кажется, наиболее важной и действенной форме связи с народом, применяемой органами прокуратуры, — на постановке докладов, лекций и бесед среди трудящихся города и деревни, на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях и т. д.

Работники прокуратуры Белорусской ССР на протяжении 1952 года проделали значительную работу по разъяснению населению важнейших вопросов политической жизни нашей страны, решений XIX партийного съезда, советских законов и практических задач, стоящих перед трудящимися республики. Все эти мероприятия проводились и проводятся под руководством и контролем Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии и местных партийных органов.

Значительная часть прокуроров и следователей Белорусской ССР проявила себя способными и активными проводниками в массы идей марксизма-ленинизма и политики нашей партии. Однако связь органов прокуратуры республики с трудящимися все еще далеко недостаточна и слаба. В этом серьезном деле имеются весьма существенные недостатки и ошибки, которые в основном заключаются в следующем.

Некоторые прокурорско-следственные работники ошибочно считают, что проведение разъяснительной работы среди населения не входит в их обязанность и в лучшем случае является их правом, которое они могут использовать от случая к случаю по своему усмотрению.

В аппарате прокуратуры республики и в областных прокуратурах многие начальники и прокуроры отделов на протяжении длительного времени совершенно не выступали перед населением с докладами, лекциями и беседами. В Барановичской области более 60% народных следователей на протяжении года не проводили и не проводят никакой политико-массовой работы среди граждан. Прокурор г. Барановичи т. Бычков с четырьмя оперативными работниками в течение десяти месяцев 1952 года сделал только восемь докладов и лекций. Но дело не только в незначительном числе докладов, лекций и бесед, хотя этот факт сам по себе свидетельствует об отрыве некоторых прокурорских органов и прокурорско-следственных работников Белорусской ССР от населения. Основной недостаток этой работы заключается в низком уровне большинства докладов и лекций. Лекции и доклады, прочитанные и сделанные работниками прокуратуры г. Барановичи, носили общий, «академический» характер. В них почти не использовались актуальные вопросы и материалы из местной жизни, при постановке докладов совершенно не освещались в порядке самокритики недостатки работы прокуратуры по излагаемому вопросу, и эти доклады не обсуждались и не обсуждаются трудящимися, в результате чего трудящиеся лишаются возможности вскрыть и критиковать недостатки работы прокуратуры и других органов, учреждений, предприятий и организаций, а также вносить свои предложения.

Тематика докладов и лекций в должной степени не продумывается и заранее не планируется. В г. Барановичах неудовлетворительно обстоит дело с охраной социалистической собственности в системе государственной торговли и на ряде предприятий, однако работниками городской прокуратуры на протяжении десяти месяцев 1952 года была прочитана только одна лекция общего характера в промкомбинате на тему: «Охрана социалистической собственности в СССР». Зато помощником городского прокурора т. Хаменюк среди рабочих второй дистанции пути железной дороги была прочитана лекция о браке и любви. Разумеется, что наряду с такими актуальными темами, как охрана социалистической собственности, укрепление трудовой дисциплины на предприятиях и в колхозах, строжайшее соблюдение Устава сельскохозяйственной артели, борьба с выпуском недоброкачественной продукции, борьба с хулиганством и т. д., следует практиковать постановку докладов и лекций и на тему о браке и семье в социалистическом обществе. Но юристу надлежит освещать этот вопрос главным образом с точки зрения правового положения брака и семьи, а т. Хаменюк изложила его с иной позиции, и ничего, кроме конфуза, у т. Хаменюк из этой лекции не получилось.

Эти существенные недостатки в деле связи с массами присущи в той или иной степени большинству прокурорских работников Белорусской ССР.

Слабое вовлечение масс в борьбу с недостатками в работе прокуратуры и недостаточный контроль с их стороны над деятельностью прокурорско-следственных работников является одной из серьезных причин все еще неудовлетворительной работы органов прокуратуры Белорусской ССР по укреплению социалистической законности и по борьбе с волокитой в расследовании по уголовным делам и разрешении материалов, жалоб и заявлений граждан. В октябре 1952 года представителем прокуратуры Белорусской ССР у прокурора Кареличского района Барановичской области Морозова было обнаружено 29 материалов и заявлений граждан главным образом о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели и хищения колхозной собственности, которые пролежали в столе районного прокурора без всякого разрешения и движения от восьми месяцев до полутора лет. Если бы районный прокурор Морозов был тесно связан с правлениями и членами колхозов, если бы колхозники имели возможность в известной степени контролировать работу районного прокурора путем вскрытия и критики его недостатков, то они не позволили бы Морозову длительное время волокитить материалы и заявления, имеющие серьезное значение для колхозов и колхозников.

Хотя прокурор Белорусской ССР т. Бондарь тоже проводит политико-массовую работу среди населения, чаще других выезжает на предприятия, в колхозы и т. д. с докладами по существенным политическим вопросам, но он мало предъявляет в этой части требовательности к прокурорско-следственным работникам как аппарата прокуратуры республики, так и областных, городских и районных прокуратур.

В известной степени в этом повинна и Прокуратура СССР, которая недостаточно ориентирует органы прокуратуры на усиление связи с трудящимися и особенно очень слабо контролирует ход этой работы

Итак:

1) Необходимо покончить с политической недооценкой многими прокурорскими работниками дела всемерного укрепления и расширения связи с массами. Во исполнение решений XIX съезда партии широкое вовлечение трудящихся в дело укрепления социалистической законности, в дело вскрытия, критики и устранения недостатков в работе прокуратуры должно быть поставлено в центр внимания прокурорско-следственных органов.

2) Доклады, лекции и беседы среди трудящихся должны заранее планироваться, увязываться с планами политико-массовой работы партийных органов и проводиться под руководством и контролем партийных органов.

3) Доклады и лекции, проводимые прокурорско-следственными работниками, должны быть в основном на правовые темы, имеющие наиболее актуальное значение для данного города, района, предприятия, колхоза и т. д., должны строиться с использованием местного материала и быть самокритичными в отношении недостатков прокурорско-следственных органов.

4) Следует ввести в практику обсуждение слушателями этих докладов и внесение ими своих замечаний и предложений.

Начальник следственного отдела прокуратуры Белорусской ССР

И. Зыков

ПРОПАГАНДА СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ

Прокуроры и судьи должны вести борьбу с пережитками капитализма в сознании людей не только путем применения советских законов, но в первую очередь путем проведения предупредительной работы, т. е. должны сочетать меры принуждения с мерами убеждения.

Одна из действенных форм предупредительной работы — это разъяснение советских законов, это лекционная деятельность прокуроров и судей.

Наш журнал должен поднять вопрос о лекционной работе на юридические темы. Мне кажется, что пора обязать прокуроров выступать с лекциями на юридические темы подобно тому, как в обязательном порядке они выступают в судах в качестве государственных обвинителей. Если все прокуроры будут читать лекции не от случая к случаю, а систематически, по две-три лекции в месяц, можно с уверенностью сказать, что это будет способствовать сокращению преступности.

Лекторы городских и областных комитетов партии получают готовые лекции, а лекторы-юристы (прокуроры) варятся в собственном соку, помощи в составлении лекций не получают, посоветоваться им не с кем, готовой лекции им тоже никто не дает.

Я за год прочитала 33 лекции, но помощи в подготовке лекций мне никто не оказывал, а самостоятельно трудно написать лекцию.

Помощь практическим работникам в составлении лекций должен оказывать наш журнал «Социалистическая законность». В журнале невозможно помещать самые лекции, но материал, статьи, которые помогут нам составить лекцию, можно и нужно помещать в журнале. Теоретические статьи по вопросам права, помещенные в журнале, окажут нам большую помощь в составлении лекций.

Практика показывает, что лекции, в которых разъясняются советские законы, рабочие слушают с большим интересом. Они задают много вопросов. Рабочие хотят знать законы об охране социалистической собственности, о социалистическом отношении к труду, об охране труда, о семье и браке в СССР и др.

Прокурор г. Ош Киргизской ССР

Копылова

КОГДА ЖЕ БУДУТ ИЗЖИТЫ НЕДОСТАТКИ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР?

На страницах журнала «Социалистическая законность» (1951 г. № 3 и 1952 г. № 2) работа отдельных членов Верховного суда РСФСР по рассмотрению уголовных дел по жалобам осужденных подвергалась резкой критике. Из этого следовало, что не только члены Верховного суда РСФСР должны улучшить свою работу по рассмотрению уголовных дел во второй инстанции, но и руководство Верховного суда РСФСР должно принять все меры для устранения этих недостатков. Однако ничего этого не случилось. Критика осталась критикой на страницах журнала, а недостатки, которые допускались отдельными членами Верховного суда РСФСР, продол-

жают оставаться и по настоящее время.

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько примеров по делам, рассмотренным Свердловским областным судом, которые подтверждают ошибки и недостатки, допускаемые отдельными членами Верховного суда РСФСР.

В августе 1951 года Свердловским областным судом была осуждена за присвоение 42 531 руб. группа лиц в количестве двенадцати человек, во главе с директором Верхотурского леспромхоза Полетаевым, главным бухгалтером Калесником и рядом других должностных лиц, по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на разные сроки заключения в исправительно-трудовых лагерях.

По кассационным жалобам осужденных судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 9 октября 1951 г. в составе председательствующего т. Горбунова и членов суда т. Охлопковой и т. Тимофеева по докладу последнего совершенно неосновательно отменила приговор областного суда. Из десяти осужденных, обжаловавших приговор, в определении судебной коллегии, которым отменен приговор, дан анализ материалов только в отношении Полетаева и Калесника и то только по трем из десяти вмененных им пунктов обвинения, а в отношении как остальных пунктов обвинения, так и остальных осужденных материал не анализирован и приговор отменен только на основании общей формулировки о недоследованности по делу.

Такое определение судебной коллегии было опротестовано Председателем Верховного суда СССР, и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР 30 июля 1952 г. отменила это определение, передав дело на новое рассмотрение в Верховный суд РСФСР в ином составе суда, указав в своем определении на неосновательную отмену приговора.

Это показывает, что член Верховного суда РСФСР т. Тимофеев не изучил полностью этого дела, не знал всех доказательств по делу, формально доложил его составу суда. А то, что т. Тимофеев дела для доклада готовит формально и недобросовестно, подтверждается следующими фактами.

Так по его докладу 8 апреля 1952 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР было рассмотрено уголовное дело по жалобам осужденных (за изнасилование) Родионова и др. Жалобы осужденных были рассмотрены, а жалоба потерпевшей К. на определение суда о привлечении ее по ст. 95 УК к уголовной ответственности осталась нерассмотренной, и Свердловскому областному суду вторично пришлось посылать это дело в Верховный суд РСФСР для рассмотрения жалобы потерпевшей. Это указывает на то, что докладчик не изучил полностью этого дела, которое состоит лишь из нескольких десятков листов.

По докладу того же члена Верховного суда РСФСР т. Тимофеева 10 июля 1951 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР было рассмотрено уголовное дело Свердловского областного суда по жалобам осужденных по ст. 109 УК Чикина и Поливанного, — жалоба Чикина была рассмотрена, а жалоба Поливанного по вине докладчика, который не заметил ее в деле, состоящем лишь из нескольких десятков листов, осталась нерассмотренной, и областному суду также пришлось вторично посылать это дело в Верховный суд РСФСР для рассмотрения (только при вторичной высылке дела оно было рассмотрено).

Достаточно этих фактов, чтобы убедиться в недобросовестном и исключительно формальном отношении к своим служебным обязанностям члена Верховного суда РСФСР т. Тимофеева.

Кроме незаконной и неосновательной отмены приговоров, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР зачастую также неосновательно изменяет приговоры, снижая меры наказания или заменяя их условным осуждением к расхитителям социалистической собственности, а также переквалифицируя их преступления на другие статьи Уголовного кодекса.

Так 19 апреля 1952 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, под председательством т. Архангельского, членов суда т. Горбунова и т. Тимофеева по докладу последнего рассмотрела уголовное дело по жалобам осужденных Свердловским областным судом Беловой, Куликова, Гржебина, Жвавчук и Насухо и совершенно неосновательно изменила приговор областного суда. Беловой, осужденной по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за присвоение 2066 руб., судебная коллегия Верховного суда РСФСР заменила меру наказания в десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях условной с испытательным сроком на три года на том основании, что Белова на своем иждивении имеет ребенка, но не учла того, что Белова ранее судилась за должностное преступление и только что отбыла наказание.

По этому же делу Куликову, осужденному по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за растрату 2049 руб., судебная коллегия Верховного суда РСФСР переквалифицировала обвинение на ст. 109 УК и меру наказания определила в один год исправительно-трудовых работ по месту работы на том основании, что Куликов находился в командировке восемь дней, специально денег на расходы не получал и вынужден был тратить деньги, полученные на заготовку картофеля. Но этот вывод

судебной коллегии совершенно неоснователен, так как сам Куликов в судебном заседании заявил, что 734 руб. из денег, полученных на заготовку картофеля, он израсходовал на покупку водки и закуски, а остальные выдал без оформления документов бухгалтеру Попову и начальнику снабжения Мохереву. Судебная коллегия в своем определении дословно приводит изложение жалобы осужденного Куликова и делает вывод, что выдачу денег другим лицам без оформления документов следует квалифицировать по ст. 109 УК. Между тем эти лица в судебном заседании допрошены и отрицают получение денег от Куликова.

Если судебная коллегия поверила осужденному, что часть денег он выдал другим лицам без документов, то почему не поверила, что 734 руб. он израсходовал на водку и закуску? Об этом в определении не сказано ни слова. Если судебная коллегия считала, что эти деньги причитаются Куликову за восемь дней командировки, то это неосновательно, так как на расходы по командировке от Куликова принят отдельно авансовый отчет. Неужели и за растраченные 734 руб. на водку и закуску Куликов должен нести ответственность по ст. 109 УК, — не слишком ли это щедро для растратчиков социалистической собственности!

По этому же делу судебная коллегия Верховного суда РСФСР исключила из приговора в отношении осужденных Гржебина, Жвавчук и Насухо ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В своем определении судебная коллегия указывает мотивы исключения ст. 1 указа — дословно те, которые изложены в жалобах осужденных о том, что свидетели их оговаривают; судебная коллегия с этим согласилась, отвергнув показания свидетелей. Но эти же осужденные были приговорены еще и по ст. 109 УК к лишению свободы сроком — Жвавчук и Насухо на три года каждый, а Гржебин на два года. Судебная коллегия и здесь без всяких мотивов снизила наказание Гржебину и Насухо до одного года лишения свободы, а Жвавчук — до двух лет лишения свободы.

Совершенно непонятно, из чего исходила судебная коллегия, снижая меру наказания с трех до двух лет лишения свободы. Да этого, пожалуй, не объяснят и сами члены судебной коллегии этого состава.

Судебная коллегия 25 июня 1952 г. отменила приговор по делу Белоногова и Бунькова, осужденных по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за растрату 6434 руб.

По протесту Председателя Верховного суда СССР определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР было отменено, и дело передано в Верховный суд РСФСР на новое рассмотрение.

Эти факты приведены только из практики Свердловского областного суда, и далеко не все. А сколько подобных примеров можно привести из практики других областных судов?

Все это подтверждает то, что отдельные недостатки в практике работы Верховного суда РСФСР по рассмотрению уголовных дел по жалобам осужденных не изживаются, а хронически продолжают иметь место, причем эта порочная практика укоренилась по такой важнейшей категории дел, как хищения социалистической собственности. Это говорит об явной недооценке этой категории дел отдельными членами Верховного суда РСФСР.

Если руководство Верховного суда РСФСР и Министерство юстиции РСФСР не в состоянии исправить работу отдельных членов Верховного суда РСФСР, им следует обратиться за помощью к Министру юстиции СССР.

Член Свердловского областного суда

В. Кожезников

г. Свердловск

ЛИКВИДИРОВАТЬ СКРЫТЫЙ ИСТОЧНИК ВОЛОКИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Приказ Генерального Прокурора СССР о сокращении сроков следствия по уголовным делам способствовал сокращению сроков расследования, улучшению следственной работы вообще. Это дало возможность быстрее осуществлять правосудие, повышать эффективность борьбы с преступниками. В прокуратуре Сталинского района г. Саратова дела, по которым расследование ведется свыше месяца, составляют исключение, и еще меньше дел со сроком следствия свыше двух месяцев. Но и этого исключения можно было бы избежать, если бы не одно препятствие.

Как известно, наше процессуальное законодательство дает право суду возвращать дела на доследование, если суд находит, что расследование проведено неполно или допущены процессуальные нарушения. Но в Саратовской области нередки случаи, когда дела возвращаются на доследование без достаточных оснований, а то и совсем без оснований. Если народный судья предпочитает не рассма-

тривать сложного дела, он может это сделать без особого труда: для этого дело возвращается на доследование, иногда по надуманным мотивам. Народный судья заранее знает, что определение будет опротестовано прокуратурой, отменено областным судом и направлено для рассмотрения в другой суд. Статистическая же отчетность Министерством юстиции построена так, что отмененные определения о возвращении дел на доследование в отчете не отражаются и это браком в работе не считается.

Порочность такой системы отчетности можно проследить на примерах. Народным судом 2-го участка Сталинского района (народный судья т. Саханевич) в прошлом году было возвращено на доследование четыре дела. Все определения прокуратурой были опротестованы, и протесты областным судом удовлетворены. В числе этих дел было уголовное дело по обвинению Смальковой в присвоении 25 800 руб. Никаких процессуальных нарушений в деле не допущено, доказательства собраны полно и закреплены. Однако суд нашел возможным возвратить дело на доследование, указав, что органы следствия якобы неправильно указали фамилию обвиняемой. Суд в определении указал фамилию Смолкиной, т. е. сам исказил фамилию. Дело после отмены определения пришлось рассматривать другому суду. Но прежде чем это дело было рассмотрено другим судом, прошло более двух месяцев. По причине неосновательного возвращения на доследование этим же судом дела по обвинению Долгова оно было рассмотрено другим судом почти по истечении полугода. Ни за одно из этих дел, неосновательно возвращенных на доследование, народный судья Саханевич не понес никакой ответственности, хотя прокуратурой района сообщалось об этом начальнику управления юстиции Саратовской области т. Аношину. Более того, т. Саханевича на совещании характеризуют как хорошего судью, у которого нет отмененных приговоров.

Можно привести пример по 3-му участку народного суда Сталинского района (народный судья т. Чапурин). В марте прошлого года прокуратурой был привлечен к уголовной ответственности Матюнин по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 111 УК РСФСР за крупные хищения леса. Расследование было окончено в короткий срок. Однако суд возвратил дело на доследование, предложив вменить в вину Матюнину дополнительно ст. 107 УК РСФСР. Это указание суда было выполнено. Суд вторично возвращает уголовное дело и предлагает привлечь в качестве соучастников по ст. 111 УК других лиц, хотя в деле имеется постановление о прекращении дела в отношении этих лиц. Протест на последнее определение областным судом под председательством Поздняковой не был удовлетворен. И вот в результате бесполезной юридической казуистики Матюнин все еще не получил должного наказания за расхищение социалистической собственности. Дело его уже более полугода ходит по судебным инстанциям. Естественно, что и общественные организации указывают на волокиту по этому делу и сам Матюнин жалуется во все инстанции на ту же самую волокиту.

К сожалению, подобная практика в судах Саратова не ограничивается этими фактами.

Мы делаем вывод, что безответственность судьи за неосновательное возвращение уголовных дел на доследование является порочной практикой. Эта практика приводит к волоките по уголовным делам и должна быть немедленно устранена.

Прокурор Сталинского района
г. Саратова

Душин

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УЛУЧШЕНИЕ РАБОТЫ НАРОДНОГО СУДА

Мне хочется высказаться по поводу отдельных недостатков в работе народного суда и мер, с помощью которых их можно было бы устранить.

Один из серьезных недостатков в работе народного суда — это рассмотрение уголовных и гражданских дел не в те сроки, которые установлены законом, а с нарушением их, причем обычно никто не интересуется, по чьей вине сроки рассмотрения нарушены. При ревизиях или докладах всегда указывается, что такой-то процент или такое-то количество дел рассмотрено с нарушением сроков, и мы, судьи, уже привыкли принимать это как должное, а ведь это неправильно. Нельзя же рассмотреть дело об алиментах в установленный срок, когда истица живет в Пятигорске и тут же предъявила иск в народном суде, а ответчик живет в местности, расположенной далеко от Пятигорска. А ряд других обстоятельств — болезнь обвиняемого, длительная командировка одной из сторон и т. д.? По-моему, надо выяснять причины несвоевременного рассмотрения дел, и там, где повинен народный судья, надо крепко ему указать на недопустимость нарушения сроков рассмотрения дел, а если судья в этом не повинен, так не надо ему и записывать. Нельзя пользоваться только статистикой, надо интересоваться конкретными делами.

Оценивать работу народного суда в отношении сроков рассмотрения дел только

по статистическим данным не следует. Это имеет много отрицательных сторон. Порой народному судье приписывается то, в чем его вины нет, а при такой оценке только по статистическим данным народный судья перестает уделять должное внимание срокам рассмотрения, считая, что все равно при ревизии запишут, — и актуальность этого вопроса снижается. Между тем внимание этому вопросу должно усиливаться и усиливаться.

Трудящийся имеет полное право найти в суде скорую и притом справедливую защиту своих прав, если они кем-то нарушены. В некоторых случаях, может быть, нужно вместо повестки послать телеграмму той или другой стороне, добиться отзыва из длительной командировки, послать повестки заказной почтой, а в отношении уклоняющихся применять меры, предусмотренные законом, что даст возможность улучшить сроки рассмотрения, к чему народному суду необходимо стремиться.

Лучшие народные судьи, делясь опытом своей работы на страницах журнала, писали, что хорошая досудебная подготовка обеспечивает рассмотрение дел в установленный законом срок. Это правильно. Некоторые из них писали, что они тщательно знакомятся с заявлениями и требуют от исковой стороны представления доказательств, а потом вызывают ответчика для ознакомления с исковым заявлением, получая от него возможные возражения и истребуя необходимые документы, — по получении всего этого заводится дело и назначается к слушанию. Я бы хотел внести такое предложение. При приеме заявления с ним надо тщательно знакомиться и требовать представления доказательств и сейчас же заводить дело, назначить его к слушанию и по желанию истца вручить ему повестку для ответчика, а если он не пожелает, то послать заказной корреспонденцией. Ответчик в состоянии будет подготовиться к возражению и представить доказательства, и уж его воля представить их в день слушания дела или до этого. Но вызывать ответчика, говорить с ним и требовать представления доказательств, по-моему, не следует, так как это до некоторой степени подменяет судебное заседание. Кроме того, эти вызовы займут время, необходимое для рассмотрения дела в срок, установленный законом.

Для обеспечения устойчивости приговоров и решений составу суда, — а председательствующему по делу в первую очередь, — нужно хорошо знакомиться с делом, прежде чем его слушать. Я так и делаю, тщательно знакомясь сам и давая знакомиться с ним народным заседателям. Это значительно способствует правильному разрешению дела и улучшает ведение самого процесса. Но не все в этом отношении зависит от народного суда, — многое зависит от суда второй инстанции, работа которой должна быть значительно улучшена. Ведь порой бывает, что суд второй инстанции отменяет приговор или решение, а при вторичном рассмотрении дела народный суд выносит тождественный приговор или решение, а суд второй инстанции потом оставляет их в силе. Бывает и так, что определения суда второй инстанции отменяются Верховным судом РСФСР и в конечном итоге приговор и решение народного суда оставляется в силе. Не лучше ли бы было, если бы народный судья, будучи не согласен с определением суда второй инстанции, сам направлял дело вместе со своим представлением в Верховный суд РСФСР для проверки? Это заставило бы суд второй инстанции работать лучше.

Следовало бы Верховному суду РСФСР практиковать вызов на практику не только судей второй инстанции, но и народных судей. Это способствовало бы непосредственной живой связи работников Верховного суда с народными судьями и принесло бы пользу.

Народный судья 1-го участка
г. Пятигорска

П. Болдырев

ТАК НЕЛЬЗЯ БОРОТЬСЯ С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Народный суд 7-го участка Фрунзенского района г. Москвы 11—12 сентября 1951 г. (под председательством исполнявшего обязанности народного судьи т. Савельева) разбирал дело № 71—267 по обвинению Иванова В. И. по ст. 111 УК РСФСР.

Суд признал установленным, что обвиняемый Иванов, работая кладовщиком с материальной ответственностью на складе предприятия Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров РСФСР с 1946 до апреля 1950 гг., преступно-халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Он не вел учета ценностей, не производил документальной сверки наличия товара с данными бухгалтерии, отпускал товар через жену и не оформлял на месте документов. Установлено, что он, переходя из одного помещения склада в другое, оставлял двери открытыми. В результате у Иванова образовались недостача товаро-материальных ценностей на сумму в 105 377 руб. и излишек

на 24 343 руб. Суд признал Иванова виновным по ст. 111 УК РСФСР и приговорил его к полутора годам лишения свободы; гражданский иск оставлен без рассмотрения.

Характерно, что по такому крупному делу, по которому недостача материальных ценностей установлена более чем на 100 тыс. руб., прокурор не нашел нужным принять участие в процессе. Интересовались ли прокурор в стадии расследования и суд при рассмотрении дела Иванова вопросами: для чего Иванов, уходя из одного помещения склада в другое, оставлял двери склада открытыми? почему Иванов не вел надлежащего учета материальных ценностей? почему Иванов к операциям с материальными ценностями, вверенными ему по службе, допускал свою жену? какое влияние эти обстоятельства, если они имели место, оказали на факт крупной недостачи социалистической собственности у Иванова? Сделал ли суд критический анализ этих версий, выдвинутых Ивановым, нам сказать трудно, но ясно одно, что и прокурор и суд эти версии обвиняемого Иванова совершенно необоснованно приняли за смягчающие вину обстоятельства, что вывод прокурора и суда по делу Иванова оставляет открытыми те каналы, которыми пользуются преступники при хищении социалистической собственности. Фактов хищения товара из склада, вверенного Иванову, сторонними лицами, не имеющими отношения к этому складу, не установлено. Отсутствие на складе надлежащего учета материальных ценностей само по себе также не могло привести к исчезновению ценностей более чем на 100 тыс. руб. Следовательно, суд обязан был глубже заглянуть в существо дела и выяснить причины указанной недостачи.

Если Иванов сознательно оставлял склад открытым и допускал к операциям с ценностями свою жену, т. е. создавал обстановку, способствующую хищениям, то это обстоятельство не могло служить основанием для применения к Иванову ст. 111 УК РСФСР при наличии у него на складе недостачи товара более чем на 100 тыс. руб. Это обстоятельство не могло служить и смягчающим вину обстоятельством.

Вопрос о степени социальной опасности действий, совершенных обвиняемым Ивановым, суд решил без учета фактов, установленных по делу.

Мера наказания, назначенная судом Иванову за совершенное им преступление, по своей мягкости не обеспечивает успешности борьбы с растратами и хищениями социалистической собственности.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. № 4 правильно обращает внимание судов на то, что при рассмотрении дел о недостачах вверенного должностным лицам государственного или общественного имущества необходимо с особой тщательностью исследовать причины образовавшейся недостачи, чтобы в тех случаях, когда недостача явилась результатом хищения, расхитители социалистической собственности были бы разоблачены и понесли бы должное наказание по указу от 4 июня 1947 г., а не по статьям Уголовного кодекса о должностных преступлениях.

Следовало бы в порядке судебного надзора проверить правильность рассмотрения дела Иванова.

В. Угольков

ПОВЫСИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВИЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ ГРАЖДАНСКИХ КОЛХОЗНЫХ ДЕЛ

В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» указано, что отмеченные в постановлении нарушения и злоупотребления являются глубоко вредными для дела колхозов и крайне опасными для всего социалистического строительства нашей страны, и установлены мероприятия для устранения таких нарушений и злоупотреблений. Судебные органы призваны всемерно охранять законные интересы колхозов, вести непримиримую борьбу с нарушениями основного закона колхозной жизни — Устава сельскохозяйственной артели, пресекать все попытки расхищения колхозной собственности и ее бесхозяйственного использования, укреплять дисциплину труда в колхозах, обеспечивать возмещение ущерба колхоза, причиненного нерадивым отношением к колхозному имуществу.

Однако, несмотря на требования Министерства юстиции СССР навести должный порядок с разрешением уголовных дел о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели и гражданских дел, отдельные суды все еще не поняли в достаточной степени необходимости правильного и своевременного рассмотрения этих дел.

Министерство юстиции СССР проверило состояние работы судов Восточно-Казахстанской области и установило, что в работе судов этой области по разрешению гражданских колхозных дел продолжают иметь место многочисленные недостатки, сводящиеся к фактам процессуального упрощенчества, грубого нарушения закона, к необоснованным отказам в предъявляемых колхозами исках, к неправильному

определению размера причиненных колхозам убытков, к волоките с исполнением судебных решений и другие недостатки, приводящие в конечном итоге к серьезным нарушениям законных прав и интересов колхозов.

Народные судьи этой области: 2-го участка Зыряновского района т. Варлашкина, Верхне-Убинского района т. Уланов, Курчумского района т. Нурбекенев, Больше-Нарымского района т. Лучинкин — допускают волокиту при рассмотрении значительного количества дел. Дело по иску колхоза имени Ленина к колхозу «Новый путь» о 1800 руб. за потравленные посевы не рассматривалось народным судом 2-го участка Зыряновского района свыше двух месяцев. Дело по иску колхоза имени Карла Маркса к Трусову о 1500 руб. за потравленные посевы не рассматривалось этим же судом свыше месяца. Свыше двух месяцев не рассматривалось народным судом Верхне-Убинского района дело по иску колхоза имени Жданова к Калимуметову о 1654 руб.

Народный судья Верхне-Убинского района т. Уланов и народный судья 2-го участка Зыряновского района т. Варлашкина все еще не изжили явно неправильной практики рассмотрения гражданских колхозных дел в отсутствие представителей колхозов, а народный судья Маркакольского района т. Сатыбалдин не требует от представителей колхозов надлежаще оформленной доверенности на ведение дела, когда последние являются в судебное заседание.

Обращают на себя внимание недопустимые для советского суда факты отказа колхозам в предъявленных исках по одним лишь формальным соображениям. Так колхоз имени Черкасова предъявил в суде иск к Байжаноеву о 2987 руб. по тем основаниям, что ответчик, являясь чабаном колхоза, не обеспечил сохранности стада, вследствие чего волками было зарезано восемь овец. В судебном заседании ответчик заявил, что ответственным за пропавших овец должен быть не он, а другое лицо, охранявшее стадо в ночное время. Исходя из этого, народный суд Курчумского района (народный судья т. Нурбекенев) решением от 24 марта 1952 г. в иске колхозу отказал, предложив оформить новое исковое заявление к конкретным виновникам. Колхоз «Красный партизан» предъявил в этом же народном суде иск к Тищенко о возмещении стоимости павшей по вине ответчика лошади. В судебном заседании ответчик объяснил, что виновным в гибели лошади является не он, а колхозник Педальченко, и суд (под председательством т. Нурбекенева) отказал колхозу в иске, предложив оформить новое исковое заявление к колхознику Педальченко. Такие факты допускали в своей работе и народный судья Верхне-Убинского района т. Уланов, народный судья Сарбагатайского района т. Капаев, народный судья Маркакольского района т. Сатыбалдин.

Очевидно, что такая практика является неправильной, ибо, если у суда имелись данные, что ответственными за причиненный колхозу ущерб являются другие лица, суд должен был привлечь этих лиц в качестве соответчиков, установить степень их вины и в зависимости от собранных данных разрешить спор по существу, а не отказывать колхозам в иске, предлагая им в то же время оформить новое исковое заявление.

По действующему порядку, с лиц, виновных в гибели лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, принадлежащих колхозам и совхозам, взыскивается трехкратная стоимость лошадей по предельно-заготовительным ценам и трехкратная стоимость крупного рогатого скота, свиней, овец и коз — по предельно-закупочным ценам.

Многие народные суды области, рассматривая дела по искам колхозов о возмещении ущерба, причиненного гибелью принадлежащего колхозам скота или лошадей, не требуют в порядке досудебной подготовки представления справок о стоимости скота по предельно-закупочным ценам и о стоимости лошадей по предельно-заготовительным ценам, вследствие чего нередко неправильно определяют размер подлежащего возмещению колхозам ущерба, а при наличии таких справок взыскивают ущерб не в установленном законом размере, а в размере рыночной или «балансовой» или однократной заготовительной стоимости лошадей и однократной закупочной стоимости скота.

Так колхозом имени Ленина был предъявлен иск к колхознику Саралапову о возмещении стоимости погибшей по вине ответчика лошади. В деле есть справка районного сельскохозяйственного отдела о стоимости лошади по заготовительной цене. Решением народного суда Верхне-Убинского района (народный судья т. Уланов) от 24 января 1952 г. иск колхоза был удовлетворен, однако с ответчика взыскана лишь однократная стоимость лошади по заготовительным ценам.

Народный судья Больше-Нарымского района т. Лучинкин, рассмотрев 18 января 1952 г. дело по иску колхоза имени Абая к Некратову о возмещении стоимости погибшей по его вине лошади, удовлетворил иск колхоза, однако взыскал лишь однократную стоимость лошади по заготовительной цене вместо трехкратной ее стоимости.

Народный судья Маркакольского района т. Сатыбалдин, рассматривая дела по искам колхозов о возмещении ущерба, причиненного гибелью овец, ни по одному из 32 дел не потребовал справки о стоимости овец по закупочным ценам и ни по одному делу не взыскал установленной трехкратной стоимости.

Народный суд Тарбагатайского района по делам о возмещении колхозам ущерба, причиненного гибелью скота, почти во всех случаях снижал подлежащие взысканию в пользу колхозов суммы в произвольном размере, необоснованно ссылаясь при этом на ст. 411 ГК РСФСР.

Такая практика не может быть расценена иначе как грубейшее нарушение законных прав и интересов колхозов и как прямой обход установленного порядка материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам.

В отдельных случаях народные суды удовлетворяют иски колхозов о возмещении ущерба без достаточных доказательств как самого факта причинения колхозу ущерба, так и его размера. Колхоз имени Куйбышева предъявил в суде иск к Цикунову о 3000 руб., указав в исковом заявлении, что «пчелы с пасеки, принадлежащей лично Цикунову, будучи надрессированными ответчиком, в период весенней подкормки пчел вытаскали с пасеки колхоза 150 кг меда, цена которого 20 руб. за кг». Народный суд Шемонаихинского района (народный судья т. Агеев) удовлетворил иск колхоза частично, указав в своем решении: «суд считает, что иск согласно ст. 403 ГК РСФСР удовлетворению подлежит частично, т. е. в сумме 1500 руб., так как пчелы ответчика больше, как 75 кг меда, утащить не могли». Надуманность этого решения в смысле оснований исковых требований и их размера не вызывает сомнений.

Серьезные недостатки по рассмотрению гражданских колхозных дел имеют место и в судебной коллегии по гражданским делам Восточно-Казахстанского областного суда. Руководитель коллегии, заместитель председателя областного суда т. Мерзлякова, члены коллегии тт. Левченко и Павелко еще не прониклись чувством должной ответственности за порученную им работу. Рассматривая дела в кассационном порядке, они вследствие поверхностного изучения дел в ряде случаев проходили мимо грубых нарушений закона со стороны народных судов, чем, по существу, санкционировали эти ошибки, а нередко и сами выносили явно неправильные определения.

Так народный судья Верхне-Убинского района т. Уланов, рассматривая гражданские колхозные дела, вместо установленной п. «д» ст. 35 ГПК РСФСР государственной пошлины, взыскивал «судебные издержки в размере 10 руб.», в том числе им были взысканы в таком же порядке судебные издержки по иску районного прокурора к Котову о возмещении колхозу имени Сталина 2734 руб. дебиторской задолженности и по иску районного прокурора к Кашигиной о возмещении колхозу «Гигант» 1854 руб. Областной суд, рассмотрев оба эти дела в кассационном порядке по докладам т. Мерзляковой и т. Левченко, оставил решения суда в силе, не указав в своем определении, что государственная пошлина судом взыскана неправильно, вследствие чего т. Уланов продолжал такую практику и в дальнейшей работе.

Принципиально неправильной является практика областного суда по искам МТС к колхозам об уплате пени за несвоевременные расчеты по оплате выполненных МТС для колхозов работ. В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. задолженность колхозов по денежной и натуральной оплате работ, выполненных МТС по типовому договору, должна быть приравнена к налогам и другим обязательным платежам, и на взыскание такой задолженности исковая давность не распространяется. Между тем областной суд отказывает МТС в исках к колхозам об уплате предусмотренной ст. 31 типового договора пени по мотивам пропуска срока исковой давности, установленной ст. 44 ГК РСФСР. Эта практика должна быть немедленно изменена, и председателю областного суда т. Солуне необходимо принять меры, обеспечивающие рассмотрение таких дел в точном соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного суда от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам».

Основной причиной этих недостатков является отсутствие должного контроля со стороны управления юстиции над работой судов.

На протяжении длительного времени судебная практика по гражданским колхозным делам не изучалась, вследствие чего имевшие место в работе судов ошибки и нарушения закона не вскрывались, необходимых мер к их устранению не принималось.

Начальнику управления т. Батталову следует коренным образом перестроить работу управления, чтобы обеспечить своевременное выявление таких недостатков и их устранение.

Серьезные претензии по поводу недостатков в обеспечении законности при рассмотрении гражданских колхозных дел следует предъявить к органам прокуратуры Восточно-Казахстанской области.

Материалами проверки установлено, что органы прокуратуры этой области слабо выполняют свою основную функцию — надзор за законностью выносимых судами решений и определений, причем не только по тем делам, по которым прокуроры не выступали в судах при их рассмотрении, но даже и по тем делам, которые были возбуждены прокурорами в порядке ст. 2 ГПК РСФСР. Именно по искам, предъявленным прокурорами в порядке ст. 2 ГПК РСФСР, суды выносили неправильные решения и определения, в том числе допускали неправильное прекращение дел, необоснованный отказ в предъявляемых исках, необоснованное снижение размера исковых требований, неправильное определение размера государственной пошлины

и т. д. Количество судебных решений, опротестованных прокурорами в кассационном порядке и в порядке надзора, является незначительным, и явно неправильные решения вступали в законную силу. А ведь если органы прокуратуры нашли необходимым вмешаться в разрешение какого-либо гражданского дела, а тем более проявить инициативу в предъявлении иска, они обязаны довести разрешение такого дела до конца, причем не только ради осуществления законности в деятельности судебных органов, но и ради сохранения своего авторитета.

Нельзя сказать, что органы прокуратуры Восточно-Казахстанской области руководствуются в своей работе хотя бы этим элементарным для прокуроров требованием.

Верховный суд Казахской ССР очень слабо проявил себя во вскрытии имеющих место в работе судов недостатков и в их устранении. Это объясняется тем, что если областным судом в кассационном порядке рассматривается незначительное количество дел, то для рассмотрения в верховный суд республики таких дел поступает еще меньше, — таким образом, верховный суд, по существу, не знает практики работы народных судов. Верховному суду необходимо проводить мероприятия, которые приблизили бы его к работе народных судов — этому основному звену нашей судебной системы. Взять хотя бы работу по обобщению судебной практики. Представляется, что эта работа была бы более эффективной и целесообразной, если бы она проводилась не по республике в целом, а по отдельным областям, с истребованием из народных судов области всех дел, рассмотренных ими за определенный период. Таким путем выявлялись бы ошибки, характерные для отдельных народных судов, и своевременно обеспечивался бы пересмотр неправильных решений и определений в порядке надзора.

С. Балашов

КАБИНЕТ КРИМИНАЛИСТИКИ

В августе 1952 года в прокуратуре Молотовской области открылся кабинет криминалистики.

Мысль о создании кабинета криминалистики возникла тогда, когда в следственном отделе стали скапливаться материалы в результате применения народными следователями следственного чемодана. Появилась необходимость не только обобщения опыта применения научно-технических средств при расследовании по уголовным делам в обзорах, бюллетенях и т. д., но и в наглядной иллюстрации этого опыта.

Приехавшая в прокуратуру области бригада Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики при Прокуратуре СССР дала нам ряд методических советов по организации кабинета и помогла составить план его оборудования.

Экспонаты, выставленные в кабинете, подразделяются на: экспонаты, иллюстрирующие примененные следователями методы расследования преступлений; экспонаты применения следователями фотографии, иллюстрирующие способы совершения преступления, последствия преступления и обстановку места происшествия — как дополнение к протоколу осмотра места происшествия и к протоколам обыска; наглядные пособия для закрепления познаний следователей в области судебной медицины.

Приведем примеры наиболее интересных и характерных экспонатов по отдельным делам, которые нам уже удалось собрать и разместить в витринах кабинета по каждому разделу.

Зимой на трактовой дороге, связывающей Бардымский и Чернушинский районы Молотовской области, произошел наезд автомашины-лесовоза на подводу (легковые сани), в которой ехал прокурор Чернушинского района т. Кузвесов. Шофер после наезда не остановил машины и скрылся. В результате наезда т. Кузвесов получил смертельные ранения и через два часа скончался. Об обстоятельствах происшествия от Кузвесова удалось узнать лишь то, что на него наехала машина с красным флажком.

Выехавший на место происшествия прокурор Бардымского района т. Гусев установил, что в час совершения наезда по этому тракту в направлении районного центра с. Куеда проезжали две лесовозные машины, принадлежавшие Куединскому леспромхозу, на одной из которых имелся красный флажок. Принятыми мерами обе автомашины были задержаны в селе Куеда. Водителем машины с красным флажком сказался Кабанов, который после допроса признался, что наезд совершил он, и пояснил, что этот наезд им совершен в силу того, что дорога была узкой, а он, не рассчитав расстояния, надеялся объехать подводу.

Однако эти объяснения Кабанова были опровергнуты тщательным осмотром места происшествия, произведенным старшим следователем прокуратуры области т. Александровым и народным следователем Куединского района т. Колпаковым, которые по обломкам саней, по следам полозьев саней, а также по следам ног лошади в снегу установили, что Кузвесов при приближении автомашины свернул в сторону от дороги и что наезд совершен, когда задняя часть саней находилась у самой обочины дороги. Это подтвердилось следственным экспериментом, произведенным следователями на месте происшествия.

Место происшествия и моменты эксперимента были сфотографированы. Эти фотографии послужили наглядной иллюстрацией к протоколам осмотра места происшествия и к протоколам эксперимента и уличили Кабанова в грубом нарушении правил движения на автотранспорте — в лихачестве. За совершенное преступление Кабанов был осужден.

В кабинете криминалистики как экспонаты, иллюстрирующие работу следователя по этому делу, показаны фотографии общего вида дороги у места происшествия, следы последствий самого происшествия и фотография обстоятельств наезда, восстановленного в результате эксперимента по имевшимся следам. При этом по последней фотографии наглядно видно, что наезд совершен не колесами автомашины, а правым крылом машины, которым был придавлен правый задний борт саней.

В одном из прикамских районных центров Молотовской области в летний день сгорели склады пункта «Заготзерно». Первичным осмотром места происшествия установлено, что очаг пожара возник в кирпичном здании сушилки системы «Висхом». Как установлено, до дня происшествия в этой сушилке никакой работы не производилось и электропровода не были под электрическим напряжением, так как электростанция пункта «Заготзерно» находилась на ремонте. Первичными следственными действиями установить причину возникновения пожара не удалось. Однако было установлено, что огонь пожара был впервые обнаружен вскоре после того, как прекратилась небольшая гроза, прошедшая над селом.

Прибывшими на место происшествия начальником следственного отдела прокуратуры области и народным следователем прокуратуры Еловского района т. Ромашовым на следующий день был произведен повторный осмотр места происшествия. При этом особое внимание было обращено на осмотр металлических предметов в сушилке «Висхом», оставшихся после пожара. При разборе обвалившейся крыши здания сушилки был обнаружен лист кровельного железа длиною 2 м, на котором имелась пробоина диаметром 35—40 мм с вогнутыми во-внутрь, расплавившимися краями. Наружная сторона листа имела обгорелую поверхность. Кроме этого, там же была обнаружена часть разломавшегося металлического шкива, при этом на ободе этой части шкива имелась впадина по длине окружности шкива 35 мм, а по ширине шкива от кромки — от 5 до 15 мм, с явными признаками расплавления.

Экспертной комиссией в составе доктора физико-математических наук проф. Остроумова, начальника центральной службы грозовой защиты «Молотовэнерго» и начальника центральной лаборатории завода имени Молотова, исследовавшей обнаруженное кровельное железо и кусок шкива, дано заключение, что повреждения на кровельном железе и на шкиве являются не механическими, а произошли от кратковременного действия весьма высокой температуры, не менее 1400°, и не являются следствием огня пожара сравнительно более низкой температуры, т. е. они бесспорно нанесены грозовым разрядом. Экспертизой установлено, что в месте удара молнии в железную кровлю здания сушилки железо было прожжено. Разряд выбрал путь через металлические части сепаратора с воспламенением его деревянных частей, а так как деревянные части были, несомненно, покрыты зерновой пылью, тем легче могло произойти воспламенение.

В связи с этим делом в кабинете экспонированы: фотографии места происшествия, заснятого с нескольких положений, протокол осмотра места происшествия, постановление о назначении технической экспертизы, заключение экспертной комиссии, металлографический анализ двух образцов металла и фотоснимки этих образцов, а также кусок шкива, на котором имеется след воздействия на него грозового разряда.

В ночь на 1 августа 1951 г. шофер грузовой автомашины Зубов на Менделеевском тракте Коми-Пермяцкого округа вблизи г. Кудымкара совершил наезд автомашиной на встречную подводу, в результате которого были нанесены тяжкие телесные повреждения пассажирам, ехавшим на телеге, разломана телега и поломались некоторые детали автомашины.

Выехавший на место происшествия следователь окружной прокуратуры Коми-Пермяцкого округа т. Борисов составил протокол и план места происшествия и сфотографировал обстановку на месте происшествия. Фотоснимки, произведенные т. Борисовым, не только иллюстрировали зафиксированное в протоколе осмотра, но и в значительной мере дополняли этот протокол. На фотоснимках отражены общий вид тракта на месте аварии, из которого видно, что тракт прямолинейный и, следовательно, шофер имел возможность просматривать дорогу на большом расстоянии, — при этом обстоятельстве он не мог не видеть двигавшуюся ему навстречу подводу. Из фотоснимков разбитой телеги и поломок на автомашине усматриваются подробные детали повреждений на этих видах транспорта. Все это уличало шофера Зубова в том, что он вел машину на большой, недозволенной скорости, что и привело к аварии. Зубов осужден судом.

В кабинете экспонированы снимки, произведенные т. Борисовым на месте происшествия.

Оснащение следственного чемодана материалами для рефлексной фотографии и обучение следователей применению этих технических средств в практике дали положительный эффект в расследовании преступлений и ускорении сроков следствия.

В процессе следствия по делу о хищениях в молотовском мехлесопункте «Лесзаготспирта» были выявлены платежные ведомости на выплату заработной платы рабочим, в которых имелись приписки в сторону увеличения выплаченных сумм многим рабочим. Рабочие-сезонники, фамилии которых значились в ведомости, к моменту производства расследования разъехались в разные районы других областей по месту своего жительства. При таких условиях, чтобы установить, получал ли каждый рабочий, фамилия которого была указана в ведомости, соответствующую сумму и его ли подпись значится в ведомости, понадобилось бы каждую ведомость поочередно направлять в несколько районных прокуратур разных областей в порядке отдельного требования, что значительно удлинило бы сроки расследования. Для сокращения сроков исполнения этих отдельных требований старшим следователем прокуратуры области т. Петровым путем применения рефлексной бумаги были изготовлены фотокопии каждой ведомости и одновременно разосланы в несколько районов. Таким образом, это техническое средство помогло ускорить расследование.

В кабинете экспонированы семь копий указанных ведомостей, которые были разосланы в районные прокуратуры разных областей, и отдельные требования прокурорам о необходимых следственных действиях для установления правильности записей и подлинности подписей в этих ведомостях.

При обыске у заведующей магазином № 28 орса треста угольной промышленности Ян-Фан-Тен, которая обвинялась в группе других лиц работников системы этого орса в расхищении стеклотары на

сумму 275 758 руб., старшим следователем прокуратуры области т. Александровым была обнаружена записка, написанная на бланке расходной накладной кладовщиком базы Оняновым на имя Ян-Фан-Тен и ее мужа следующего содержания: «....всего получается 10 249... вам даю 2800, а себе беру 8000, так как ты сама знаешь, что мне много придется платить, если ничего не будешь иметь, то передай Стасику». Эта записка изобличала Онянова и Ян-Фан-Тен в хищении товаро-материальных ценностей на 10 240 руб., которые были реализованы без документов через магазин. Онянов обвинялся по другому делу, и для приобщения к делу Онянова этой записки следователем с помощью рефлексной бумаги была снята с нее фотокопия, а оригинал записки остался в деле Ян-Фан-Тен.

Среди экспонатов в кабинете имеются справка по делу и фотокопия этой записки.

Имеются фотоснимки, иллюстрирующие результат обыска на квартире Бобриковой — повара пионерского лагеря Березниковского анилино-красочного завода, которая вместе с другими работниками этого пионерского лагеря похитила продукты из кладовой. Следователем были засняты обнаруженные при обыске продукты, привезенные для дележа на квартиру Бобриковой, среди них 22 пачки грузинского чая, окорок, конфеты, мешки с крупой, мука и т. д.

В разделе наглядных пособий по судебной медицине экспонированы фотоснимки трупов, которые были подвергнуты вскрытию в морге, имеющие наиболее характерные телесные повреждения. Среди них имеются фотоснимки телесных повреждений от электротравмы, от отравления синильной кислотой, входные и выходные отверстия при огнестрельных ранениях, фотоснимок черепа с выходным отверстием от огнестрельного ранения, фотоснимки странгуляционной борозды, характерные травмы на теле при ранениях ножом, топором, из охотничьего ружья и др.

За небольшой период времени с момента организации криминалистический кабинет уже помог повышению квалификации следователей в области применения научно-технических средств при расследовании преступлений.

При проведении семинара с молодыми специалистами в августе прошлого года по разделу применения научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане, занятия проходили на базе материалов, экспонированных в кабинете.

В кабинете организована библиотечка криминалистической литературы. В комплектовании библиотечки помог Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР, который сам выслал все последние издания этого института.

При приезде народных следователей в командировку в прокуратуру области их знакомят со всеми материалами, которые экспонированы в кабинете.

Мы поставили своей задачей все материалы, получаемые от следователей об опыте их работы по расследованию преступлений с применением научно-технических средств и прилагаемые к этим материалам экспонаты периодически обозревать в специальных информационных письмах с целью обмена опытом, которые рассылать во все городские и районные прокуратуры. Первое такое информационное письмо нами подготовлено и разослано в октябре прошлого года.

Путем систематического пополнения криминалистического кабинета экспонатами, показывающими применение следователями научно-технических средств в расследовании, наглядной иллюстрацией этих материалов и обобщением их мы добиваемся, чтобы наш кабинет стал базой методической работы и обмена опытом в следственной работе.

Начальник следственного отдела прокуратуры Молотовской области

В. Мисенжников

Прокурор следственного отдела заведующий кабинетом криминалистики

Л. Лященко

И З

В стенн
суда «За
помещена
четах».
В этой
самокрити
можно с
помощи е
имеющиес
ном суде
оформлени
ние их в
достатков
ные совет
ких месяц
оборудова
счет упл
областного
вещаться
сохнуть с
теля обла
менно» п
нуло полт
и не соби
димому, с
гостиница
Члены о
дневной
острую ну
т. Теребе
мечает и
тельной
Не под
снизу, пр
Мы на
ного суда
ленном о
наты для
значению

Работн
прокурат
нина, М
Петрова
— «П
суда СС
новление
данским
прокурор
восприня
ибо мно
дебной
органами
нума Ве
можности
практики
тельности
янию гра
Минис
тура СС

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В стенной газете Крымского областного суда «За социалистическую законность» помещена заметка «Еще раз о наших недостатках».

В этой заметке говорится: «Критика и самокритика является величайшей силой, и можно с уверенностью сказать, что при помощи ее будут изжиты все недостатки, имеющиеся в нашем коллективе. В областном суде, в частности, задерживается оформление дел и своевременное направление их в народные суды. Изжитию этих недостатков могли бы помочь производственные совещания, но они в течение нескольких месяцев не проводятся. Областной суд оборудовал совещательную комнату за счет уплотнения приемной председателя областного суда, так как негде было совещаться составу суда, но не успели высохнуть стены, как заместитель председателя областного суда т. Теребенков «временно» поселился в ней. Прошел год, минуло полтора, но т. Теребенков, как видно, и не собирается освободить комнату. Повидимому, он совершенно забыл, что это не гостиница, а помещение областного суда. Члены областного суда в своей повседневной работе продолжают ощущать острую нужду в совещательной комнате, но т. Теребенков делает вид, что этого не замечает и продолжает проживать в совещательной комнате».

Не подействовала на него и эта критика снизу, прозвучавшая в стенной газете.

Мы надеемся, что председатель областного суда т. Шастин позаботится о немедленном освобождении совещательной комнаты для использования ее по прямому назначению.

Работники гражданско-судебного отдела прокуратуры Ленинграда тт. Лебедев, Линна, Макарова, Прибельский, Приставко, Петрова пишут в редакцию:

—«11 января 1952 г. Пленум Верховного суда СССР принял весьма важное постановление «О судебной практике по гражданским трудовым делам». Судебные и прокурорские работники с удовлетворением восприняли издание этого постановления, ибо многие вопросы, встречающиеся в судебной практике, разрешались судебными органами по-разному. Постановление Пленума Верховного суда СССР создало возможность установления единообразной практики и значительного улучшения деятельности судебных органов по рассмотрению гражданских трудовых дел.

Министерство юстиции СССР и Прокуратура СССР обеспечили судебных и прокурорских работников этим постановлением, разослав на места текст постановления.

Однако, когда читаешь постановление Пленума Верховного суда СССР, опубликованное в «Судебной практике Верховного суда СССР» (№ 3 за 1952 год), и текст постановления, напечатанный в типографии Прокуратуры СССР и типографии Министерства юстиции СССР, возникает вопрос: где же правильно напечатан текст постановления, где он соответствует подлиннику?

В вводной части постановления, напечатанной в «Судебной практике», сказано: «При разрешении дел о восстановлении в должности работников, уволенных по сокращению штатов, суды не всегда учитывают производственные интересы учреждений, упуская из виду, что сокращение штата является одним из мероприятий по рационализации аппарата и улучшению качества его работы».

В постановлении же, напечатанном в типографии Прокуратуры СССР, вместо «дел» напечатано «дела», после слова «учреждений» добавлено и «предприятий».

Далее в постановлении, напечатанном в «Судебной практике», текст излагается следующим образом: «При рассмотрении исков о восстановлении уволенного на работе суд не всегда выясняет действительную причину увольнения, вследствие чего имели место случаи, когда при судебном разбирательстве было вскрыто, что увольнение работника являлось замаскированной формой увольнения из аппарата лиц неугодных администрации».

В постановлении же, напечатанном в типографиях Прокуратуры СССР и Министерства юстиции СССР, вместо «суд» напечатано «суды», вместо «было вскрыто» напечатано «не было вскрыто». Во фразе «между тем наблюдающиеся в судебной практике по гражданским делам...» пропущено «трудовым» и после слова «прав» пропущено «граждан»; в п. 3 неправильно указана дата постановления НКТ: вместо 18 октября 1929 г. напечатано 13 октября 1929 г.; в п. 20 сделана ссылка на п. 8, тогда как следовало сослаться на п. 3.

Словом, если внимательно прочитать три текста постановления, то можно сделать вывод, что источник, из которого перепечатывался текст постановления, был разный.

Работники гражданско-судебного отдела прокуратуры Ленинграда возмущены такой неряшливостью работников Прокуратуры СССР и Министерства юстиции СССР, ответственных за правильность издания постановления Пленума Верховного суда СССР, и требуют немедленного внесения изменений в соответствии с подлинным

текстом постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г.

* * *

Прокурор Мурашинского участка Печорской ж. д. т. Коновалов пишет в редакцию, что в линейном суде Печорской ж. д. плохо обстоит дело со сроками рассмотрения уголовных дел.

— Почему это происходит? Это происходит вследствие неявки свидетелей либо адвокатов и несвоевременного вручения копий обвинительного заключения обвиняемым.

Дело по обвинению Бабакина по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР было направлено в линейный суд 8 декабря 1951 г.; 20 декабря 1951 г. оно было отложено слушанием из-за неявки свидетеля Максимовой, проживающей на ст. Сольвычегодск, почти рядом с линейным судом. Это дело назначалось к рассмотрению на 17 января и 11 февраля 1952 г., но оба раза откладывалось из-за неявки того же свидетеля Максимовой. Позже дело было назначено на 18 марта 1952 г. и снова отложено по тем же мотивам. Оно рассмотрено по существу только 17 апреля 1952 г. Так простое дело по обвинению Бабакина было рассмотрено линейным судом по истечении четырех месяцев со времени передачи его в суд.

Дело по обвинению Седова и Кудерова по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было передано в линейный суд 7 марта 1952 г., назначалось к рассмотрению на 25 марта и на 21 апреля 1952 г., но оба раза было отложено из-за неявки адвоката, в то время как свидетелей явилось в суд в первый раз 13 человек, во второй раз 17 человек. Это дело было рассмотрено только 26 мая 1952 г., т. е. более чем через два месяца после поступления в линейный суд. А ведь свидетелей каждый раз отрывали от работы, платили им деньги за проезд!

Дело по обвинению Зуйкова и Казакевич по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР было направлено в линейный суд 10 марта 1952 г., назначалось к рассмотрению на 22 марта и на 24 марта 1952 г., но было отложено из-за неявки свидетелей и адвоката. Оно было рассмотрено только 5 июня 1952 г., т. е. по истечении почти трех месяцев со времени передачи его в суд.

Еще хуже обстоит дело с рассмотрением дел в постоянной сессии суда на ст. Инта, где дела длительное время не рассматриваются, но никто на это не обращает внимания.

Начальнику Главного управления линейных судов Министерства юстиции СССР надо обратить серьезное внимание на работу линейного суда Печорской ж. д.

* * *

Преподаватель трехмесячных курсов переподготовки судебных исполнителей и секретарей народных судов в г. Баку кандидат юридических наук А. Асадов пишет в редакцию:

— Мне как преподавателю этих курсов хочется сказать об отдельных существенных недостатках в постановке их работ и сделать некоторые пожелания для устранения их.

На Бакинских курсах имеется две группы, занятия в которых ведутся на азербайджанском и русском языках. После краткого разъяснения материалов предстоящего занятия слушатели получают задания от педагога и готовятся к ним самостоятельно. Как показывает практика, такая система не приемлема для работы этих курсов и является малоэффективной для выполнения тех задач, которые стоят перед курсами. Это обстоятельство подтверждается тем, что у слушателей азербайджанского сектора отсутствуют учебные пособия по таким важнейшим дисциплинам, как гражданское право, гражданский процесс, уголовное право, уголовный процесс, судоустройство и т. д., и тем, что большинство слушателей крайне неудовлетворительно владеет русским языком.

Отсутствие лекционных занятий еще больше затрудняет работу курсантов. В результате — ввиду пассивности слушателей, преподаватели почти каждый раз сами вынужденно читают лекции. По окончании курса слушатели даже не сдают экзаменов по таким дисциплинам, как гражданское право, уголовное право и т. д., что затрудняет работу. Если слушатель этих курсов не имеет даже понятия о науке права и не слушает лекций, то ему не удается готовиться к семинарским занятиям. Одним из существенных недостатков в работе этих курсов является также то, что программа по отдельным дисциплинам не охватывает ряда важнейших вопросов.

Для изжития отмеченных недостатков и улучшения постановки работы трехмесячных курсов в дальнейшем целесообразно принять следующие меры: пересмотреть программы всех дисциплин, входящих в учебный план курсов, согласно представленным к ним замечаниям; по основным дисциплинам ввести лекционные и семинарские занятия; поднять качество подбора кандидатов на курсы; принять срочные меры к изданию хотя бы самых необходимых учебных пособий на азербайджанском языке; по окончании занятий принимать экзамены по гражданскому праву и процессу, уголовному праву и процессу.

Предложения т. Асадова заслуживают серьезного внимания управления учебными заведениями Министерства юстиции СССР.

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 7 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Барышева «Судебная практика по гражданским делам о лесонарушениях».

Прокуратура Киевской области сообщила в редакцию, что ею истребованы все дела о лесонарушениях, рассмотренные народными судами Киевской области в 1952 году, по изучении которых будет издана директива с указанием мер для устранения вскрытых недостатков в работе отдельных судов и для улучшения надзора со стороны отдельных районных прокуроров за соблюдением законности при разрешении дел о лесонарушениях. Статья обсуждена с прокурорами гражданско-судебного отдела. Решение по делу народного суда 2-го участка Фастовского района Киевской области по иску Фастовского лесного хозяйства к Скузь о 2100 руб., которое, как указывал т. Барышев, решено неправильно, областной прокуратурой представлено к опротестованию.

Министерство юстиции Карело-Финской ССР по статье т. Барышева сообщило в редакцию, что на решение народного суда 2-го участка Медвежьегорского района по иску Сегежского лесного хозяйства к Поженецкому техническому участку Беломорско-Балтийского канала по поводу лесонарушения принесено представление председателю Верховного суда республики о внесении протеста в судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда об отмене указанного решения в части взыскания с технического участка штрафа. Определением Верховного суда решение народного суда о взыскании штрафа отменено и дело прекращено.

В № 7 журнала была опубликована корреспонденция т. Маркарьяна «Решительней бороться с растратами и хищениями социалистической собственности».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что т. Маркарьян правильно осветил состояние борьбы с растратами и хищениями в Псковской области. Случай с волокитой по делу Кастюковой, допущенный народным следователем Ереминым, действительно имел место и не был единичным. Сейчас Еремин учится на курсах в Ленинграде. Прокуратура Псковской области проводит областное совещание народных следователей, на котором обращено внимание народных следователей на ошибки, допускаемые в их работе.

В № 8 журнала была опубликована корреспонденция т. Афанасьевой «Недостатки судебной практики по делам, связанным с отчуждением домовладений».

Управление Министерства юстиции РСФСР по г. Москве сообщило в редакцию, что для устранения в дальнейшей работе народных судов ошибок при разрешении дел, связанных с переходом права собственности на домовладение, в план семинарских занятий с народными судьями включена тема «Отчуждение домовладений»; этот же вопрос будет обсужден на одном из ближайших кустовых совещаний народных судей.

В № 9 журнала была опубликована корреспонденция т.т. Чекалева и Головкина «Снова о внесении ясности в судебную практику по делам о причинении пожаром вреда социалистической собственности».

Верховный суд СССР сообщил в редакцию, что, поскольку уголовная ответственность за неосторожное истребление государственного имущества, кроме имущества, принадлежащего совхозам, МТС и колхозам, законом не предусмотрена, Пленум Верховного суда СССР дать указание по вопросу, затронутому в корреспонденции, не правомочен. Этот вопрос решается проектом УК СССР.

В № 9 журнала была напечатана статья т. Светозарова «Необходимо улучшить работу криминалистических лабораторий в министерствах юстиции».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что после специальной проверки работы Ташкентской научно-исследовательской криминалистической лаборатории и обсуждения итогов проверки были намечены меры для улучшения работы лаборатории и недопущения задержек в производстве экспертиз.

В № 9 журнала была опубликована статья т. Ширвинского «За дальнейшее улучшение деятельности нотариальных органов».

Управление Министерства юстиции РСФСР по Вологодской области сообщило в редакцию, что статья т. Ширвинского была изучена оперативным составом управления. Старший ревизор по нотариату т. Оборина действительно при ревизии Устюженской нотариальной конторы, вскрыв серьезные недостатки в работе нотариуса Покровской, не истребовала от последней объяснений. Сейчас т. Оборина таких фактов не допускает. По итогам ревизии в настоящее время нотариусы вызываются на оперативное совещание в управление Министерства юстиции. За последние годы значительно улучшен качественный состав нотариусов, в штат управления введен дополнительно ревизор по нотариату, что позволит улучшить руководство нотариальными конторами области.

Управление Министерства юстиции по Черниговской области сообщило в редакцию, что Черниговской нотариальной конто-

рой недостатки, отмеченные в статье т. Ширвинского, устранены полностью. Недостатки в части отвода гражданам на строительство установленных законом размеров земельных участков Щорской нотариальной конторой Черниговской области устранены, и подобные нарушения не повторяются. По этому вопросу управлением Министерства юстиции по Черниговской области было сделано обобщение нотариальной практики по удостоверению договоров на право постройки дома и бессрочного пользования земельным участком, после чего всем нотариусам Черниговской области было предложено устранить недостатки и нарушения закона при разрешении вопроса об отводе земельных участков и постройке домов, коренным образом улучшить работу по удостоверению упомянутых договоров.

Главное управление юридических высших учебных заведений Министерства высшего образования СССР по статье т. Ширвинского сообщило в редакцию, что при издании программы по советскому гражданскому процессу в 1953 году будут учтены замечания, высказанные т. Ширвинским в его статье.

Управление учебных заведений Министерства юстиции СССР по статье т. Ширвинского сообщило в редакцию, что в целях более углубленного изучения вопросов, относящихся к работе нотариальных органов, оно еще в 1951 году дало указание директорам юридических школ увеличить количество часов, отведенных на изучение темы «Нотариат» по курсу советского гражданского процесса с восьми до двенадцати часов, дополнить программу по советскому судоустройству темой «Нотариат», в процессе преподавания курса советского гражданского права и советского административного права более глубоко освещать вопросы, касающиеся работы нотариальных органов. Это указание оставлено в силе, и на 1952—1953 гг. Министерством юстиции СССР поставлен перед Министерством высшего образования СССР вопрос об увеличении количества часов на преподавание советского нотариата в курсах советского гражданского права и процесса до двадцати часов и о включении в программу производственной практики студентов юридических институтов прохождение ее в нотариальных органах сроком на пятнадцать дней. Министерство высшего образования СССР согласилось с этими предложениями, учтет их при переработке учебного плана и программ в 1953 году. Для повышения квалификации работников нотариата, начиная с этого учебного года, введена переподготовка их в курсовой сети Министерства юстиции СССР, в частности, на девятимесячных курсах переподготовки юристов, в связи с чем соответствующим образом перестроены учебные программы этих курсов. В целях повышения идейно-политического и теоретического уровня нотариусов по постановлению коллегии Министерства юстиции СССР для них организуются систематические семинарские занятия по тематике, разработанной Министерством юстиции СССР.

В № 2 журнала была напечатана статья т. Светозарова «Организация борьбы с выпуском недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции».

Прокуратура СССР сообщила в редакцию, что Следственным управлением Прокуратуры СССР обобщена практика борьбы органов прокуратуры с выпуском недоброкачественной продукции, с учетом положения дела в Таджикской ССР.

В № 8 была напечатана корреспонденция т. Рупасовой «Повысить политический уровень рассмотрения дел в судебных органах».

Верховный суд РСФСР сообщил в редакцию, что дело по иску колхоза имени Сталина к Юркову о 900 руб. проверено в порядке надзора и установлено, что решением народного суда 3-го участка г. Черемхово Иркутской области иск удовлетворен.

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР

Коллегия Министерства юстиции СССР заслушала доклады председателей Московского городского, Московского областного и Горьковского областного судов и отметила, что за последнее время суды ослабили внимание к рассмотрению дел по ст. 128-а УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик о выпуске недоброкачественной, некомплектной или нестандартной промышленной продукции.

Некоторые судебные работники не проявляют должного государственного подхода к делам этой категории, не придают им особого политического значения, вследствие чего рассмотрение этих дел в судах недопустимо затягивается, а лица, виновные в этих преступлениях, не несут своевременно наказания, предусмотренного законом.

Иногда суды без всяких оснований применяют по делам о выпуске недоброкачественной, некомплектной или нестандартной промышленной продукции ст. ст. 51 и 53 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик, что ослабляет борьбу с такими преступлениями. Так дело по обвинению Скворцова было возбуждено прокуратурой в июле 1951 года, а в областной суд оно поступило только в феврале 1952 года. Горьковский областной суд возвратил дело на доследование, но Верховный суд РСФСР отменил это определение областного суда. В производстве областного суда это дело находилось свыше двух месяцев. Дело по обвинению Кретова неосновательно было возвращено Московским областным судом на доследование. Верховный суд РСФСР определение это отменил. По делу Алексеева Московский областной суд неосновательно применил условное осуждение. Верховный суд РСФСР этот приговор отменил. Московский областной, Московский городской и Горьковский областной суды не реагировали на волокиту, допущенную органами прокуратуры при расследовании по этим делам.

Коллегия обратила внимание председателя Московского областного суда т. Крюкова и председателя Горьковского областного суда т. Романова на серьезные ошибки при рассмотрении дел о выпуске недоброкачественной продукции.

Отмеченные недостатки в работе указанных судов свойственны и другим судам, рассматривающим такие дела.

До сих пор отдельные судебные работники допускают неправильную квалификацию таких преступлений по ст. ст. 109, 111 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Как мотив для необоснованного смягчения наказания в приговорах допускаются ссылки, искажающие указ от 10 июля 1940 г. (отсутствие корысти, преклонный возраст осужденных, прежние их заслуги). Применение таких мотивов тем более недопустимо, что указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» прямо установил, что выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции является антигосударственным преступлением, равносильным вредительству, и что за это директора, главные инженеры, начальники отделов технического контроля промышленных предприятий караются тюремным заключением от пяти до восьми лет.

В соответствии с постановлением коллегии Министр юстиции СССР предложил председателям областных судов Московского — т. Крюкову и Горьковского — т. Романову принять меры к устранению отмеченных коллегией недостатков в работе этих судов по рассмотрению дел, предусмотренных ст. 128-а УК РСФСР.

Главное управление по делам гражданских судебных органов Министерства юстиции СССР изучило судебную практику по гражданским колхозным делам.

Изучение проводилось по Таджикской и Латвийской ССР, Краснодарскому краю, Полтавской, Могилевской, Грозненской, Смоленской, Воронежской, Горьковской, Куйбышевской, Сталинградской, Читинской, Восточно-Казахстанской областям и Северо-Осетинской АССР.

Изучение показало, что в работе многих судов по рассмотрению этих дел есть серьезные недостатки. При рассмотрении гражданских колхозных дел отдельные народные суды не обеспечивают должной защиты имущественных прав и интересов колхозов, плохо проводят предварительную подготовку этих дел к слушанию, не проявляют инициативы в истребовании доказательств, подтверждающих права колхозов, и нередко выносят незаконные, неправильные решения, нарушающие права колхозов.

Несмотря на требования постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. о взыскании всей дебиторской задолженности колхозов, некото-

рые народные суды отказывают колхозам в исках о возмещении имущества и денег по мотивам пропуска ими давностного срока на предъявление иска либо прекращают дела по этим мотивам.

Иногда такие решения и определения выносятся судами даже без выяснения причин пропуска срока исковой давности, т. е. с прямым нарушением требований закона и постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.

Так народный суд Талсинского района Латвийской ССР решением от 15 февраля 1952 г. отказал в иске колхозу имени Ленина о тонне ржи с консервного комбината по мотивам пропуска колхозом срока исковой давности, не выяснив в судебном заседании причин пропуска давностного срока. Народный суд Курпского района Северо-Осетинской АССР, рассмотрев дело по иску колхоза имени Маркса к районному дому культуры о 9020 руб. за аренду помещения, удовлетворил иск частично, а в остальной части отказал за пропуском колхозом срока исковой давности, хотя вопрос о причинах пропуска давностного срока в судебном заседании не обсуждался.

Эти грубые нарушения допущены также рядом народных судов других областей. Восточно-Казахстанский областной суд по одному из таких дел, незаконно прекращенных народным судом по мотивам пропуска колхозом срока исковой давности, оставил определение народного суда в силе (член суда т. Левченко, дело по иску к Финогенову).

Народные суды иногда в нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. взыскивают за семена, фураж и иное колхозное имущество, данное колхозами взаймы другим колхозам или государственным и общественным организациям, а также за потравленные культуры денежную стоимость имущества, не выяснив возможности взыскания его в натуре.

Например, народный суд 1-го участка Кореновского района Краснодарского края 15 декабря 1951 г. взыскал с колхоза имени Молотова в пользу колхоза имени Ленина стоимость продуктов по рыночным ценам, не выяснив возможности взыскания их в натуре. Народный суд 1-го участка Песковского района Воронежской области допустил такое же нарушение по иску колхоза имени XVII партсъезда к колхозу имени Калинина о возмещении семенной ссуды. Народный суд Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР (народный судья т. Бугулов) рассмотрел свыше сорока дел по искам колхоза имени Кирова к отдельным гражданам, владельцам скота, о возмещении ущерба, причиненного потравами различных культур, и по всем этим делам вынес решения о взыскании с ответчиков стоимости потравленных культур без выяснения возможности возмещения ущерба в натуре.

Такие же нарушения допущены многими другими народными судами. Народные суды, рассматривая дела о взыскании дебиторской задолженности, часто оставляют без внимания недостатки работы колхозов и иных организаций, подрывающих материальное благосостояние колхозов, не выносят частных определений по поводу систематического завышенного авансирования колхозников, невыплаты учреждениями, предприятиями и организациями причитающихся колхозам сумм за выполненную ими работу, поставленные продукты и т. д.

В нарушение п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» некоторые народные суды возлагают ответственность по возмещению ущерба, причиненного потравой, на пастухов, а не на владельцев скота. Так народный суд 2-го участка Алагирского района Северо-Осетинской АССР (народный судья т. Икаев) по иску прокурора района в интересах колхоза «Садонские рудники» взыскал стоимость потравленных культур с пастухов.

По искам, вытекающим из договоров колхозов с другими организациями и отдельными гражданами, народные суды иногда не входят в проверку законности этих договоров, пренебрегают фактами незаконной сдачи в аренду организациям и частным лицам колхозных земель, не проверяют, утверждались ли общим собранием членов колхозов договоры на производство работ для колхозов. Народный суд 1-го участка г. Елгава Латвийской ССР удовлетворил иск колхоза «1-го Мая» о 15 120 руб. с Елгавского лесокомбината за аренду 14 340 кв. м земельной площади, тогда как договор на аренду земли как противозаконный должен был быть признан, на основании ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР, недействительным, а доходы, извлеченные арендатором от пользования колхозными землями, и арендная плата, полученная колхозом, должны были быть взысканы в доход государства (п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.). Решение народного суда отменено Верховным судом Латвийской ССР.

По искам, вытекающим из договоров на производство работ для колхозов, суды иногда не входят в проверку объема производственных работ и правильности их расценки, что иногда приводит к неосновательному взысканию с колхозов крупных сумм. Так народный суд Больше-Глушицкого района Куйбышевской области рассмотрел два иска Блохинова к колхозам «Коллективный труд» и имени Тельмана об оплате произведенных работ в этих колхозах.

Из материалов дела видно, что Блохинов заключил с указанными колхозами договоры на производство строительных работ по повышенным расценкам. Для производства работ он создавал бригады из шести-семи человек, работой которых он руководил

т. е. фактически занимался частнопредпринимательской деятельностью. Народный суд не обратил внимания на эти обстоятельства и неосновательно взыскал с колхозов значительные суммы. Аналогичные ошибки допущены некоторыми народными судами Чкаловской и Полтавской областей.

При рассмотрении исков МТС к колхозам о денежной и натуральной оплате за работу МТС некоторые суды отказывают МТС в исках за пропуском срока исковой давности, тогда как согласно п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. на иски о денежной и натуральной оплате за работу МТС, вытекающие из типового договора МТС с колхозом, сроки исковой давности не распространяются. Например, народный суд Больше-Чернигов ского района Куйбышевской области отказал в исках Пензяковской МТС к колхозам района о денежной оплате за работу МТС за пропуском срока исковой давности. Народный суд Красноярского района этой же области рассмотрел четыре дела по иску Красноярской МТС к колхозам района о денежной оплате за работу МТС и удовлетворил иски лишь в пределах давностного срока.

Некоторые суды незаконно удовлетворяют иски колхозников об оплате по трудодням, предъявленные по истечении годичного давностного срока, а по делам о возмещении вреда, причиненного увечьем, полученным на работе в колхозе, присуждают с колхозов в нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. периодические платежи в трудоднях. Народный суд 1-го участка Камышинского района Сталинградской области удовлетворил иск Лактюшиной о возмещении колхозом «Большевик» 148 кг зерна, заработанных ею в колхозе в 1945—1949 гг., даже не обсудив причин пропуска давности. Народный суд Жигулевского района Куйбышевской области также без обсуждения вопроса о восстановлении срока исковой давности удовлетворил иск Гитальке об оплате колхозом имени Крупской по трудодням, заработанным в 1940 году. Народный суд Понизовского района Смоленской области при рассмотрении дела по иску Трофименковой к колхозу «Красный Октябрь» об оплате вознаграждения за увечье присудил с колхоза по двадцать трудодней ежемесячно.

В нарушение п. 12 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. некоторые суды принимают к рассмотрению иски колхозников по поводу неправильного начисления им трудодней. Так народный суд Алексеевского района Куйбышевской области своим решением обязал правление колхоза начислить Джембасарову 304 трудодня.

Некоторые народные суды продолжают принимать заявления финансовых и заготовительных органов о возмещении недоимок при отсутствии сведений о вручении колхозам письменных предупреждений о погашении недоимки в десятидневный срок или принимают заявления до истечения этого срока либо не подписанные заведующим районным финансовым отделом или его заместителем, при наличии только подписи налогового или страхового инспектора.

Народный суд Сунженского района Грозненской области принял заявление уполномоченного и рассмотрел по существу дело о взыскании недоимки с колхоза имени Двенадцатой годовщины Октября, тогда как в деле нет копии письменного предупреждения о передаче дела в суд при неуплате недоимки в десятидневный срок. Народный суд Красноармейского района этой же области принял заявление районного финансового отдела о взыскании с колхозов имени Калинина, имени Ленина и «Путь к коммунизму» недоимок по обязательному окладному страхованию через два дня по вручении колхозам письменного предупреждения. Народный суд Серафимовичского района Сталинградской области принял заявление районного финансового отдела о взыскании с колхоза имени Сталина недоимки по обязательному окладному страхованию лишь за одной подписью инспектора Госстраха.

При рассмотрении гражданских колхозных дел суды до сих пор допускают процессуальные нарушения. Особенно распространено рассмотрение дел в отсутствие представителей колхозов, иногда даже не извещенных о слушании дела, а также допущение в качестве представителей колхозов лиц, не имеющих соответствующих полномочий (нарушение ст. ст. 17 и 98 ГПК РСФСР). Например, в числе 60 дел, рассмотренных народным судом Маркокульского района Восточно-Казахстанской области (народный судья т. Сатаев), не было ни одного, где бы имелась доверенность колхоза на ведение дела. Из 190 дел, изученных по Таджикской ССР, 36 рассмотрены в отсутствие представителей колхозов, сведений о вручении повесток которым в делах нет. Народный суд Больше-Глушицкого района Куйбышевской области рассмотрел ряд дел по иску районного финансового отдела к колхозам о недоимках по подоходному налогу в отсутствие представителей колхозов, даже не вызвав их в заседание суда. Такие же нарушения закона допускал и ряд других народных судов.

Много ошибок допускают народные суды и при исчислении судебной пошлины, что нередко связано с незаконным взысканием с колхозов. Так в нарушение п. «ж» ст. 3 указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. и инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. некоторые народные суды по делам о недоимках по налогам и неналоговым платежам вместо судебных издержек от трех до десяти рублей взыскивают с колхозов государственную пошлину.

В ряде случаев народные суды вместо того, чтобы взыскивать с исковых заявлений колхозов по спорам колхозов между собой и по спорам колхозов с государственными и кооперативными организациями 1% с цены иска, взыскивают пошлину в размере 2%, 3% или 6% — в зависимости от суммы иска (нарушение п. «д» ст. 35 ГПК РСФСР и соответствующих статей гражданских процессуальных кодексов других союзных республик).

Встречается неправильное применение судами примечания к ст. 46 ГПК РСФСР и соответствующих статей гражданских процессуальных кодексов других союзных республик. Так народный суд Грозненского района Грозненской области (народный судья т. Царева) 26 ноября 1951 г. по трем искам отделения Госбанка взыскал с колхозов расходы за вознаграждение представителя-инспектора Госбанка 4300 руб.

Сроки рассмотрения народными судами дел по искам колхозов часто продолжительны, отдельные суды допускают прямую волокиту при рассмотрении дел этой категории. Так дело по иску колхоза «Коммунизм» к «Заготзерно» о 11 659 руб. рассмотрено народным судом Шуроабадского района Таджикской ССР через десять месяцев. Дело по иску прокурора Слободского района Смоленской области о возмещении Горчаковым и др. 3150 руб. поступило в народный суд в феврале 1951 года, а рассмотрено лишь 13 октября 1951 г. В течение шести месяцев дело в суде находилось без движения. Неудовлетворительно обстоит дело со сроками рассмотрения исков колхозов также в народных судах ряда других краев и областей.

Установлены отдельные факты совершенно безответственного отношения судебных исполнителей и народных судей к исполнению судебных решений о взыскании имущества и денежных сумм в пользу колхозов, составления актов об отсутствии имущества у должников без проверки его наличия. Например, судебный исполнитель народного суда Бухтарминского района Восточно-Казахстанской области т. Максимов из 21 исполнительного листа на общую сумму свыше 125 000 руб. реально взыскал лишь 9500 руб. (7,6%); бывший судебный исполнитель народного суда Курчумского района этой же области из 36 исполнительных листов на сумму 20 000 руб. произвел взыскание лишь по одному исполнительному листу. Оба этих судебных исполнителя по многим исполнительным производствам допускали неосновательное составление актов об отсутствии имущества у должников без проверки его наличия.

Все эти недостатки в работе перечисленных народных судов по рассмотрению гражданских колхозных дел свидетельствуют, что эти суды до сего времени недостаточно серьезно относятся к рассмотрению гражданских колхозных дел.

Министерство юстиции СССР предложило министрам юстиции союзных и автономных республик и начальникам управлений министерств юстиции при краевых, областных Советах депутатов трудящихся, а также председателям судов принять меры к устранению этих недостатков в работе судов.

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

Нарушение сроков проведения инвентаризации в торговой сети

Приказ Главсевморпути об итогах финансово-хозяйственной деятельности за I квартал 1952 года обязал производить внезапные проверки магазинов и ларьков «Торгсевморпути» и инвентаризацию товаров не реже одного раза в квартал.

Прокуратура СССР опротестовала в этой части приказ Главсевморпути по следующим мотивам.

Положение о бухгалтерских отчетах и балансах, утвержденное Правительством СССР, обязывает производить инвентаризацию товаров и тары в предприятиях розничной торговли не реже одного раза в месяц, а в крупных промтоварных магазинах и на фуражных базах не реже одного раза в два месяца. Произведенное приказом Главсевморпути сокращение числа внезапных проверок и инвентаризации товаров и тары нарушает закон и ослабляет борьбу с хищениями и недостачами в системе «Торгсевморпути», не обеспечивая возможности своевременно их вскрывать.

Начальник Главсевморпути согласился с протестом Прокуратуры СССР и привел содержание приказа в соответствие с законом.

Нарушение устава рыбацкой артели

Главсеврыбпром Министерства рыбной промышленности СССР своим приказом предложил моторно-рыболовным станциям после проведения занятий по техническому минимуму с рыбаками-колхозниками установить разряды их квалификации и рекомендовать правлениям колхозов установить оплату рыбаков согласно присвоенному разряду.

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ по следующим мотивам.

Пытаясь регламентировать оплату труда рыбаков-колхозников путем установления моторно-рыболовными станциями разрядов рыбакам, Главсеврыбпром нарушил ст. 19 Устава рыбацкой артели, которая предусматривает, что распределение доходов внутри рыболовецкой бригады и звена производится в зависимости от количества и качества затраченного труда по долям (паям), определяемым правлением и утверждаемым общим собранием членов артели. Действующее законодательство, определяя организацию и функции моторно-рыболовных станций, не предоставляет им права устанавливать рыбакам-колхозникам разряды для оплаты их труда. Постановление 2-го Всесоюзного съезда рыбаков-колхозников рекомендует при распределении доходов внутри бригады или звена исходить из характера выполняемой работы, квалификации и стажа работы рыбака. Главсеврыбпром же рекомендует производить оплату рыбаков-колхозников, исходя из разрядов, присвоенных только на основании результатов сдачи техминимума, что может привести к искажениям при распределении доходов артели от добычи рыбы.

Министерство рыбной промышленности СССР согласилось с протестом Прокуратуры СССР и отменило приказ Главсеврыбпрома.

Руководитель учреждения или предприятия не вправе обусловливать свое согласие на увольнение работника освобождением им жилой площади в ведомственном доме

Начальник Печорского пароходства своим приказом запретил руководителям предприятий увольнять рабочих и служащих без предварительного освобождения ими жилой площади в домах пароходства.

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ по следующим основаниям.

Закон, обязывая руководителей предприятий и учреждений в ряде случаев давать разрешение на уход с работы, не обусловливает увольнение работника предварительным освобождением жилой площади в ведомственном доме. В отношении же некоторых категорий трудящихся закон, обязывая администрацию освободить их от работы, в то же время сохраняет за ними право проживать в ведомственных домах, в том числе и в домах транспорта. Это относится к работникам, перешедшим на инвалидность (при отсутствии в данном предприятии для них подходящей, легкой работы), к лицам, заключившим трудовой договор с организациями Главсевморпути о работе в Арктике, и др. Кроме того, закон предоставляет право начальникам учреждений и директорам предприятий самим решать вопрос об увольнении рабочих и служащих. Своим же приказом начальник пароходства незаконно ограничил предоставленные руководителям предприятий права. В тех же случаях, когда увольнение производится не по инициативе работника, а администрацией предприятия на основании ст. 47 Кодекса законов о труде, требование предварительного освобождения жилой площади в доме транспорта является беспредметным, так как сам работник вовсе не требует увольнения. Закон, устанавливая двухмесячный срок для выселения из домов транспорта лиц, порвавших с ним трудовую связь, а для лиц, уволен-

ных по собственному желанию, десятидневный срок, тем самым исключает право администрации требовать освобождения ими жилой площади как предварительное условие увольнения работника.

Министерство речного флота СССР согласилось с протестом Прокуратуры СССР и отменило приказ начальника Печорского пароходства.

Незаконное удержание из заработной платы

Начальник Центрального управления военизированной охраны Министерства морского флота СССР своим приказом установил, что в случаях непредоставления очередного отпуска личному составу в том календарном году, когда у работника возникло право на отпуск, выплачивать ему денежную компенсацию за неиспользованный отпуск, с отнесением этих выплат за счет соответствующих начальников подразделений ВОХРа.

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ по следующим мотивам.

Положение о военизированной охране Министерства морского флота, предоставляя личному составу право на ежегодные отпуска продолжительностью не менее двадцати дней, не запрещает суммирование отпусков за два года, предусмотренное общим законодательством о труде. Таким образом, ЦУВОХР не имеет законных оснований устанавливать обязательную замену денежной компенсацией отпуска, по каким-либо причинам не предоставленного в текущем рабочем (или календарном) году. Оплата компенсаций за неиспользованный отпуск в пределах утвержденного фонда заработной платы с соблюдением действующих правил не является ущербом для ЦУВОХРа, и нет никаких законных оснований возлагать за это на начальников даже ограниченную (в пределах, продусмотренных ст. 83 Кодекса законов о труде) материальную ответственность. Начальник ЦУВОХРа обязан требовать от своих подчиненных своевременного предоставления личному составу очередных отпусков, не прибегая к незаконным удержаниям из заработной платы начальников подразделений.

Министерство морского флота СССР согласилось с протестом Прокуратуры СССР и отменило приказ.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Неосновательная квалификация судом второй инстанции хищения по ст. 109 УК РСФСР

По приговору народного суда 1-го участка Кинельского района Куйбышевской области от 18 февраля 1952 г. Формина Н. В. осуждена по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере условно с испытательным сроком в течение пяти лет. 3 марта 1952 г. Куйбышевский областной суд, рассмотрев это дело в кассационном порядке по жалобе Форминой, переквалифицировал ее действия по ст. 109 УК и определил ей наказание в пять лет лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком.

Приговор народного суда и определение Куйбышевского областного суда Генеральным Прокурором СССР опротестованы по следующим мотивам.

Материалами дела установлено, что Формина, работавшая в Кинельской районной больнице в должности сестры-хозяйки, в сентябре — октябре 1951 года при получении в Мочинском сельпо десяти тонн картофеля для больницы похитила 12 мешков картофеля; из них четыре мешка ею были отвезены главному врачу больницы Сулейманову, два мешка его матери, три мешка бухгалтеру больницы Осиповой и три мешка Формина взяла для себя. Эти преступные действия Форминой народный суд правильно квалифицировал по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., однако неосновательно, не учитывая тяжести совершенного преступления, применил в отношении Форминой ст. 53 УК и назначил ей наказание в виде условного осуждения. Куйбышевский областной суд со своей стороны не только не принял мер к устранению ошибки, допущенной народным судом при определении меры наказания, но и сам нарушил норму материального права, явно неосновательно переквалифицировав действия Форминой, расхитившей государственное имущество, на ст. 109 УК только на том основании, что она действовала по указанию главного врача и бухгалтера больницы. Между тем это обстоятельство не меняет характера совершенного Форминой преступления, направленного на хищение государственного имущества.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просил об отмене приговора и определения по делу Форминой и о направлении этого дела на новое судебное разбирательство.

10 сентября 1952 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест по делу Форминой удовлетворен (определение № 46-Д2пр.373-1952 г.).

Неправильная оценка преступных действий как совершенных в состоянии необходимой обороны привела к необоснованному прекращению дела

По приговору народного суда 1-го участка Чулымского района Новосибирской области от 29 декабря 1951 г. осуждены: 1) Силаев И. П. по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР к пяти годам лишения свободы, без поражения в правах, 2) Лавренов А. Г. по ст.ст. 139, 142, ч. 1, и 153, ч. 2, УК РСФСР к трем годам лишения свободы, без поражения в правах. Определением судебной

коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 15 января 1952 г. приговор народного суда в отношении Лавренова отменен и дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления.

Принесенный прокурором РСФСР протест на это определение отклонен Верховным судом РСФСР.

Определения Новосибирского областного суда и Верховного суда РСФСР опротестованы Генеральным Прокурором СССР по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Силаев 26 августа 1951 г., в 10 час. вечера, будучи в нетрезвом состоянии, зашел на квартиру Лавренова, где в тот момент находился Кислицын, начал выражаться нецензурными словами и пытался избить Кислицына. После этого Кислицын вынужден был вывести Силаева из квартиры как хулигана, а сам пошел звать хозяина квартиры Лавренова. Силаев же стал кричать, что его бьют, в связи с чем прибежали пьяные Звонков, Астанин и др., которые пытались сорвать дверь в квартире Лавренова, однако им не удалось этого сделать. Тогда они оторвали доску, которою было забито окно, и через окно проникли в квартиру Лавренова. Через некоторое время пришел Лавренов, на которого набросились с ножом Звонков и другие хулиганы. Обороняясь от нападения хулиганов, Лавренов ударил топором Звонкова и убил его, а также нанес телесные повреждения Теряеву, Силаеву и Астанину. Областной суд и Верховный суд РСФСР, прекращая дело в отношении Лавренова, мотивировали определения тем, что описанные действия он совершил в состоянии необходимой обороны, так как его жизни угрожала опасность и он вынужден был защищаться. Такое утверждение суда не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Следствием установлено, что после убийства Звонкова и нанесения удара топором по голове Силаеву все остальные участники группы стали разбегаться. Несмотря на это, Лавренов ударил топором убегавшего Астанина. Возвратясь потом в квартиру, когда в ней уже никого не было, и увидев, что какой-то гражданин (впоследствии оказавшийся Теряевым, в возрасте 55 лет, шахтер) с улицы заглянул к нему в квартиру через окно, Лавренов ударил его топором по голове, причинив ему тяжкие повреждения. Так как ни реального нападения, ни угроз нападения в этот момент уже не было, это преступление было совершено с явным превышением пределов необходимой обороны, за что Лавренов должен понести наказание.

Верховный суд СССР, согласившись с доводами протеста, отменил определение областного суда и Верховного суда РСФСР и дело передал на новое кассационное рассмотрение (определение от 25 июня 1952 г. № 02/1618-у-1952 г.).

Получение фиктивных квитанций с целью освобождения от государственных поставок, поскольку эти действия не соединены с изъятием и присвоением государственного имущества, должно квалифицироваться как мошенничество

По приговору Барановичского областного суда от 6 октября 1948 г. Губко Е. Ф. осуждена по ст. 105 п. «а» УК Белорусской ССР (ст. 72 УК РСФСР), по ст. 22 УК БССР и ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности преступлений к пятнадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества. 19 октября 1948 г. Верховный суд Белорусской ССР оставил в силе приговор областного суда. Суд признал Губко виновной в том, что 27 июля 1948 г. она обманным путем получила от работников новоельнинского пункта «Заготзерно» шесть анализных ордеров на 2606 кг ржи, сделала на них подписи от имени заведующего складом заготпункта, свидетельствующие о приеме зерна, и на основании этих фиктивных документов пыталась получить квитанции о сдаче зерна ее отцом и другими гражданами в счет государственных поставок.

24 сентября 1952 г. Генеральным Прокурором СССР приговор Барановичского областного суда и определение Верховного суда Белорусской ССР опротестованы по следующим мотивам.

Виновность Губко в совершении указанного выше преступления материалами дела установлена, однако ее действия квалифицированы неправильно. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. № 4 о судебной практике по применению указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» мошеннические действия, причинившие ущерб государственному или общественному учреждению, но не соединенные с присвоением государственного или общественного имущества, должны квалифицироваться по ст. 169, ч. 2, УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. К числу таких преступлений относятся, как это разъяснено постановлением Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г., и предъявление фиктивных квитанций с целью освобождения от внесения налога. Исходя из указаний, данных Пленумом Верховного суда СССР, преступление Губко следует квалифицировать не как покушение на хищение государственного имущества, а как покушение на мошенничество.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просил о переквалификации преступления

Губко со ст. 22 УК Белорусской ССР и ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. на ст. ст. 22 и 250 «б» УК Белорусской ССР (ст.ст. 19 и 169, ч. 2, УК РСФСР) и о соответствующем изменении меры наказания.

8 октября 1952 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР по делу Губко Е. Ф. удовлетворен (определение № 02/2352-у-1952 г.).

Суд не вправе рассматривать дело заочно, если не установлено, что подсудимый уклоняется от явки в суд

По приговору судебной коллегии по уголовным делам Дрогобычского областного суда от 29 декабря 1951 г. осуждены: по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 97 УК Украинской ССР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на десять лет заключения в исправительно-трудовые лагери с конфискацией имущества и запрещением занимать должность бухгалтера в течение пяти лет после отбытия меры наказания Савченко Ф. Г.; по ст.ст. 97 и 108, ч. 2, УК Украинской ССР — к шести месяцам лишения свободы Степанова М. А.; по ст.ст. 99 и 100, ч. 2, УК Украинской ССР к одному году исправительно-трудовых работ Бобух А. И. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Украинской ССР оставила этот приговор в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал этот приговор суда и определение судебной коллегии по следующим основаниям.

Савченко признан виновным в том, что, работая главным бухгалтером треста «Дрогобычлеспром», он систематически злоупотреблял своим служебным положением и расхищал государственные средства; получая от подчиненных тресту предприятий деньги по ордерам и распискам, он в своих авансовых отчетах получение этих сумм не отражал и таким путем присвоил 5350 руб. Кроме того, в декабре 1948 года Савченко дал указание старшему бухгалтеру Старявского лесозавода Степановой списать за счет расходов 3000 руб., ранее полученных бывшим начальником финансового отдела треста Рявкиным. Степанова, работая старшим бухгалтером лесозавода, без разрешения дирекции выдала Рявкину 3000 руб., а затем по указанию Савченко эту сумму списала в расход. Бобух признана виновной в том, что, работая старшим бухгалтером отдела технического снабжения треста, она приняла от Савченко без документов канцелярские принадлежности, неосновательно списала с него 5000 руб. Дело в отношении Савченко было рассмотрено областным судом заочно по мотивам уклонения его от явки в суд. Между тем Савченко не скрывался, а в суд не явился потому, что не был извещен о дне заседания. Из приобщенных к делу документов видно, что Савченко все время работал в системе Министерства лесной промышленности, 2 апреля 1951 г. по приказу Министра был назначен на должность главного бухгалтера треста «Медвежьегорсклес» и новое его местожительство было известно областному суду. По вступившему в законную силу приговору областного суда Савченко был задержан в Медвежьегорске. До этого Савченко дважды являлся в судебные заседания, которые откладывались из-за неявки свидетелей и эксперта. Таким образом, у областного суда не было оснований рассматривать дело в отношении Савченко заочно. Кроме того, областной суд рассмотрел это дело, не допросив ни одного свидетеля. Отсутствие подсудимого Савченко и всех свидетелей существенно отразилось на полноте судебного разбирательства, и суд не мог прийти к правильному выводу о степени виновности Степановой, Бобух и Савченко и правильности квалификации совершенных ими преступлений.

Верховный суд СССР удовлетворил протест, отменил приговор в отношении всех осужденных и вернул дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства (определение от 15 ноября 1952 г. № 02/2676-у-1952)

Неправильная квалификация по указу от 4 июня 1947 г. самовольной продажи описанных следственными органами вещей лицом, которому эти вещи были переданы на хранение

По приговору народного суда 2-го участка Молотовского района г. Тбилиси от 26 апреля 1952 г. по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осуждена к семи годам заключения в исправительно-трудовые лагери с поражением в избирательных правах сроком на три года Кавтарадзе Л. А. Определением Тбилисского областного суда Грузинской ССР от 8 июня 1952 г. приговор оставлен в силе. Кавтарадзе признана виновной в том, что она продала часть вещей из имущества, описанного следователем в связи с привлечением ее отца к уголовной ответственности.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор народного суда и определение областного суда по следующим мотивам.

На основании решения народного суда 1-го участка Молотовского района г. Тбилиси от 15 февраля 1947 г., оставленного в силе определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР, был произведен раздел дома между Кавтарадзе Л. А. и Кавтарадзе Ш. А., с одной стороны, и их отцом Кавтарадзе А. — с другой. В результате раздела Кавтарадзе А. передал дочери Кав-

тарадзе Л. А. рояль и шифоньерку, а сыну Кавтарадзе Ш. А. буфет. В октябре 1947 года Кавтарадзе А. был привлечен к уголовной ответственности, а в январе 1948 г. он был арестован. В связи с этим следователь явился на квартиру Кавтарадзе для наложения ареста на имущество. Поскольку к моменту описи в комнате у Кавтарадзе А. из ценных вещей ничего не оказалось, его вторая жена Кавтарадзе Т. показала следователю комнату Кавтарадзе Л. А., которая в этот момент отсутствовала, сказав, что эти вещи якобы принадлежат Кавтарадзе А. На этом основании следователь 31 января 1947 г. наложил арест на вещи, находившиеся в комнате Кавтарадзе Л. А., и на вещи ее брата, в том числе и на буфет. Когда об этом стало известно Кавтарадзе Л. А., она вывезла рояль, шифоньерку и буфет. Несмотря на то, что у Кавтарадзе Л. А. впоследствии была отобрана подписка о сохранении описанных следователем вещей, она продала буфет и деньги использовала на личные нужды. Из материалов дела не видно, что описанные вещи были приобретены отцом Кавтарадзе на средства, добытые преступным путем (он осужден за ущерб, нанесенный по халатности). Наоборот, в деле имеются данные, доказывающие, что эти вещи — рояль, шифоньерка и буфет—приобретены Кавтарадзе А. на средства, полученные от продажи дома в деревне. Таким образом, буфет, как принадлежавший Кавтарадзе Л. и Ш., не подлежал описи. Учитывая, однако, что Кавтарадзе Л. А. продала буфет самовольно, без разрешения следственных органов, она должна нести ответственность по ст. 91 УК Грузинской ССР, а не по указу от 4 июня 1947 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР согласилась с протестом, изменила приговор и переквалифицировала действия Кавтарадзе со ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. на ст. 91 УК Грузинской ССР, назначив ей наказание в виде шести месяцев исправительно-трудовых работ (определение от 15 ноября 1952 г. № 02/2659-у-1952 г.).

Уголовная ответственность за сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, не может иметь места, если с момента совершения этого преступления прошел давностный срок

По приговору народного суда 1-го участка Кировского района г. Тбилиси от 29 октября 1951 г. Богданян А. А. осужден по ст. 98 УК Грузинской ССР к одному году лишения свободы за то, что 15 июня 1948 г. он зарегистрировал брак с Терташвили, не расторгнув своего первого брака, заключенного в 1940 году с Гароян. 20 ноября 1951 г. Верховный суд Грузинской ССР оставил в силе приговор народного суда.

26 сентября 1952 г. Генеральным Прокурором СССР опротестованы приговор народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР по этому делу по следующим мотивам.

Хотя факт регистрации Богданяном второго брака при наличии первого нерасторгнутого брака по делу установлен, однако дело по обвинению Богданяна подлежит прекращению. Богданян зарегистрировал свой второй брак 15 июня 1948 г., а уголовное преследование в отношении его возбуждено только 5 октября 1951 г., т. е. спустя три года и три месяца с момента совершения преступления. Между тем согласно ст. 15 п. «в» УК Грузинской ССР уголовное преследование не может иметь места в тех случаях, когда истекло три года со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок до одного года или другая, более мягкая мера наказания. К числу преступлений, на которые распространяется давностный срок, установленный п. «в» ст. 15 УК Грузинской ССР, относятся и преступления, предусмотренные ст. 98 УК Грузинской ССР, так как санкция этой статьи предусматривает наказание до одного года лишения свободы, исправительно-трудовые работы или штраф. Следовательно, дело в отношении Богданяна было возбуждено незаконно.

15 октября 1952 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР: приговор народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР по делу Богданяна отменила и дело прекратила (определение № 02/2433-у-1952 г.).

Необоснованный отказ в удовлетворении гражданского иска, вытекающего из уголовного дела

29 ноября 1950 г. народный суд Чугуевского района Приморского края, приговорив Михалева Ф. С. по ст. 111 УК, отказал организации, понесшей убытки, в удовлетворении предъявленного иска в сумме 27 881 руб. В кассационном порядке дело не рассматривалось. Михалев осужден за то, что, работая директором Чугуевского отделения Спасского мясокомбината, он преступно-халатно относился к сохранению вверенных ему материальных ценностей, в результате чего по отделению мясокомбината образовалась недостача на сумму 27 881 руб. Признав Михалева виновным в совершении указанного выше преступления, суд в то же время отказал Спасскому мясокомбинату в удовлетворении предъявленного иска, сославшись на то, что, как это установлено по делу, Михалев передоверял вверенные ему материальные ценности другим лицам, а поэтому эти лица и должны нести ответственность за недостачу.

Приговор народного суда в части отказа в удовлетворении предъявленного Михале-

ву гражданского иска Генеральным Прокурором СССР опротестован по следующим мотивам.

Вывод суда о том, что Михалев должен быть освобожден от материальной ответственности за недостачу вверенных ему ценностей потому, что он передоверял эти ценности другим лицам, неправилен. Указанное обстоятельство не освобождает Михалева от обязанности возместить ущерб, происшедший вследствие его преступной халатности. Отказав во взыскании с Михалева суммы причиненного ущерба, суд даже не указал конкретных лиц, которые обязаны его возместить. Таким образом, причиненный государственному учреждению ущерб по приговору суда остался невозмещенным.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просил об отмене приговора народного суда в части отказа в удовлетворении гражданского иска.

30 мая 1952 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР удовлетворила протест по делу Михалева, отменила приговор суда в указанной части и передала вопрос о возмещении ущерба на разрешение в порядке гражданского судопроизводства (определение № 56-Д2-пр-1952 г.).

Лица, виновные в оставлении скота вблизи железнодорожного полотна, в тех случаях, когда эти действия повлекли за собой тяжелые последствия, несут ответственность в уголовном порядке

Определением подготовительного заседания линейного суда Северо-Кавказской ж. д. было прекращено в уголовном порядке дело Масловой, привлеченной к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР.

По обвинительному заключению Масловой было вменено в вину, что она, являясь рабочей колхоза имени Буденного по подвозке воды тракторным бригадам и имея в своем распоряжении двух рабочих быков, по окончании работы 14 августа 1952 г., нарушив установленный в колхозе порядок, не сдав закрепленных за нею быков под охрану, пустила их непривязанными на пастбище, вследствие чего быки ушли к полотну железной дороги и один из них при переходе через путь попал под поезд и был зарезан. В результате наезда на быка сошли с рельсов два вагона, перегон был закрыт для движения поездов 3 часа 50 минут. Материалами дела было установлено, что Маслова оставила на ночь без всякого присмотра закрепленных за нею быков в поле, прилегающем к железной дороге. Свидетель Николенко, председатель колхоза, показал, что Маслова, несмотря на ежедневное инструктирование и предупреждения не оставлять скот без надзора, по окончании работы не сдала закрепленных за нею быков под охрану конюху и, оставив их без присмотра, ушла спать. Сама Маслова подтвердила, что она действительно неоднократно предупреждалась, что нельзя оставлять скот без надзора, тем более в ночное время и вблизи железной дороги.

Линейный суд мотивировал прекращение дела тем, что Маслова не может нести ответственность по ст. 111 УК РСФСР, так как не является должностным лицом.

Окружной суд Кавказского округа железных дорог отклонил частный протест прокурора на неосновательность прекращения дела.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определения линейного и окружного судов по тем мотивам, что хотя Маслова и не является должностным лицом, неправильная квалификация ее действий предварительным следствием по ст. 111 УК РСФСР не давала права суду прекращать ее дело, что оставление скота без надзора вблизи железнодорожного транспорта представляет прямую угрозу безопасности движения поездов и что суд, прекращая дело Масловой, не учел, что ее действия повлекли за собой тяжелые последствия. Генеральный Прокурор СССР, соглашаясь, что в действиях Масловой нет состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РСФСР, указывал, что преступление, совершенное ею, должно быть квалифицировано по ст. 75[1] УК РСФСР.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, 15 октября 1952 г. отменила определения линейного суда Северо-Кавказской ж. д. и окружного суда Кавказского округа и направила дело Масловой на новое рассмотрение в тот же линейный суд в ином составе со стадии предания суду.

Действия лиц, злоупотребляющих служебным положением в корыстных целях, должны квалифицироваться как хищение государственного имущества

По приговору линейного суда Северо-Кавказской ж. д. на основании ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» были осуждены Владимирова и Молчанова к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях каждая. Владимирова и Молчанова признаны виновными в том, что они, будучи: первая — начальником билетного бюро, а вторая — делопроизводителем ст. Тихорецкая Северо-Кавказской ж. д., систематически на протяжении 1949—1951 гг. совершали хищения бланков разовых билетов, выдаваемых исключительно железнодорожникам, и продавали их лицам, не имевшим никакого отношения к транспорту. Молчанова похитила и продала 43 билета стоимостью 18 044 руб., а Владимирова девять билетов на сумму 3161 руб.

Окружной суд железных дорог Донецкого округа переквалифицировал действия Молчановой и Владимировой по ст. 109 УК РСФСР по тем мотивам, что их преступными действиями якобы никакого ущерба государству не нанесено, ибо разовые проездные билеты выдаются железнодорожникам бесплатно.

Определение окружного суда противоречит материалам дела, из которых видно, что злоупотребления Молчановой и Владимировой носили корыстный характер и выражались в том, что они, выдавая за плату бланки разовых билетов на проезд в поездах лицам, не имеющим на это права, тем самым освобождали их от оплаты стоимости проезда по железной дороге, а сами обогащались за счет государства. Действия Владимировой и Молчановой по существу ничем не отличаются от действий должностных лиц, продающих подделанные железнодорожные билеты и подлежащих на основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. ответственности в уголовном порядке как за хищение государственного и общественного имущества.

Генеральный Прокурор СССР, считая, что окружной суд Донецкого округа неосновательно переквалифицировал действия Молчановой и Владимировой на ст. 109 УК РСФСР, что определение окружного суда находится в резком противоречии с материалами дела, которыми факт хищения и продажи ими разовых железнодорожных билетов лицам, никакого отношения к железнодорожному транспорту не имеющим, установлен, а утверждение, будто Молчанова и Владимирова своими действиями не нанесли ущерб государству, ошибочным, — опротестовал определение окружного суда и просил передать дело для рассмотрения кассационных жалоб осужденных в окружной суд в ином составе.

8 октября 1952 г. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, отменила определение окружного суда Донецкого округа и направила дело Молчановой и Владимировой на новое кассационное рассмотрение в окружной суд Центрального округа.

Определением окружного суда Центрального округа приговор линейного суда оставлен в силе, а кассационные жалобы Молчановой и Владимировой — без удовлетворения.

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Прокурору Дробышевского района Омской области

Материальная ответственность народного суда за неправильное разрешение гражданского дела законом не предусмотрена.

Прокурору Убаганского района Кустанайской области

Взыскание алиментов не обращается на премии, носящие характер единовременного поощрительного вознаграждения (п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г.). Взыскание алиментов на детей производится до достижения ими совершеннолетнего возраста.

Прокурору Романовского района Ростовской области

На основании ст. 4 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР брачный возраст установлен в 18 лет. В исключительных случаях верховные Советы автономных республик, областные исполкомы, а также городские и районные советы в городах могут по отдельным ходатайствам понизить для женщин брачный возраст, но не более, чем на один год.

Прокурору Хотеньского района Сумской области

Взыскание алиментов на детей, родившихся после 8 июля 1944 г., если их родители не состоят в зарегистрированном браке, не допускается (ст. 20 указа от 8 июля 1944 г.).

Прокурору Ждановского района г. Кирова

В вашем письме указано, что Н., состоя в зарегистрированном браке, родила ребенка от связи с другим лицом, с которым она фактически проживала. В этом случае Н. права на получение пособия, установленного для одинокой матери, не имеет (п. 13 положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям).

Прокурору Гремячского района Воронежской области

Законом не предусмотрена уголовная ответственность детей, уклоняющихся от уплаты алиментов на престарелых родителей.

Прокурору Славянского участка Юго-Западной ж. д.

На споры, возникающие из трудовых отношений, общегражданская трехлетняя давность не распространяется (ст. 93 Кодекса законов о труде). Вопрос о восстановлении срока давности решается судом в зависимости от обстоятельств дела.

Прокурору Молодечненской области

В случае гибели лошадей, принадлежащих совхозу, по вине лица, не являющегося рабочим совхоза, возмещение вреда должно быть произведено в соответствии с нормами Гражданского кодекса. В этом случае с виновного взыскивается рыночная стоимость лошади.

Прокурору Надтеречного района Грозненской области

В вашем письме указано, что Иванову в связи с работой на заводе была предоставлена жилая площадь и что впоследствии Иванов был уволен с работы по собственному желанию. В этом случае Иванов на основании п. «а» ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. подлежит выселению в административном порядке по санкции прокурора.

Прокурору Сталинского района г. Златоуста

Согласно типовым правилам внутреннего трудового распорядка на рабочего или служащего за нарушение трудовой дисциплины налагаются дисциплинарные взыскания. Взыскания налагаются администрацией предприятия (учреждения) непосредственно за обнаружением проступка. Не допускается наложение взысканий администрацией по истечении одного месяца со дня обнаружения проступка (ст. ст. 22—23 типовых правил).

Прокурору Теньковского района Татарской АССР

Приусадебные земли колхоза являются неотъемлемой частью единого земельного массива колхоза. Наделение колхозников приусадебными участками производится колхозом на основании ст. 2 Устава сельскохозяйственной артели. Колхоз имеет право преимущественной покупки при продаже дома, расположенного на приусадебном участке кроме случая продажи дома на снос.

ТАШКУЛОВ РАШИД

12 ноября 1952 г. умер товарищ Ташкулов Рашид — член КПСС с 1939 года, Министр юстиции Киргизской ССР.

Тов. Ташкулов Р. родился в 1907 году в семье крестьянина-бедняка. Детство и юношеские годы т. Ташкулова протекли в тяжелых условиях кулацкой эксплуатации. Одиннадцатилетним мальчиком он был отдан в батраки к кулакам. В 1927 году комсомольская организация направила т. Ташкулова на учительские курсы, после окончания которых началась его большая общественная и политическая работа.

Систематически занимаясь своим образованием, совершенствуя свои политические знания, т. Ташкулов, верный сын партии Ленина — Сталина, прошел большой жизненный путь. Начав работать в 1927 году учителем начальной школы в г. Ош, т. Ташкулов в последующем занимал должности управляющего межрайонной конторой шелкотреста, директора завода в шелкосовхозе, председателя Ошского городского совета; с 1938 по 1949 гг. т. Ташкулов работал на ответственных должностях в органах прокуратуры, одновременно занимаясь во Всесоюзном заочном юридическом институте, который он успешно закончил в 1945 году.

С 1949 года т. Ташкулов занимал пост Министра юстиции Киргизской ССР.

Верный сын киргизского народа, достойный воспитанник партии Ленина—Сталина, т. Ташкулов Рашид на всех участках работы, которые поручала ему партия, беззаветно служил великой Советской Родине, отдавая все свои силы укреплению советского правопорядка, улучшению дела отправления социалистического правосудия.

Безвременная смерть вырвала из наших рядов преданного великому делу коммунистического строительства работника и чуткого, отзывчивого товарища Ташкулова Рашида.

Светлая память о нем сохранится в сердцах работников юстиции на долгие годы.

Министерство юстиции СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ОБМЕН ОПЫТОМ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А00821. Сдано в производство 28/XII 1952 г. Подписано к печати 27/I 1953 г. Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 34 900 экз. Бумага 70×108/1. 3 бумажных, 8,22 печатных листов Заказ 1583. Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

Орган Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР

на 1953 год

Цена одного номера — 3 руб.

Подписка принимается ТОЛЬКО с очередного подписного месяца

Подписка принимается ТОЛЬКО в городских и районных отделениях Союзпечати

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДПИСКИ НЕ ПРИНИМАЕТ